

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»

16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Научный журнал
www.online-science.ru

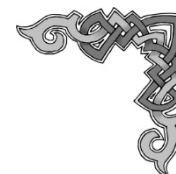
**№ 3
2025**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.03.2025

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т. Трубилина;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь учебного совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

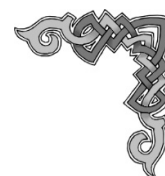
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барсукова Т.И., Сергодеева Е.А., Кобзаренко Л.Н. Нормативные основания досуговых практик обыденно-потребительского типа молодежи Ставропольского края	13
Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н. Политическое конструирование возрастного неравенства: эйджистский аспект информационных войн	20
Любецкий Н.П., Кротов Д.В., Самыгин С.И., Кузьменко О.В. Специфика социального поведения и характера русского народа и русские смуты	27
Маланцева С.А., Степанова Т.А. Популяризация спортивно-оздоровительной деятельности как фактора формирования ценностных ориентаций и культуры здоровья молодежи	39
Оздоева Л.А. Социальная адаптации молодежи: генезис и тренды	45
Родюкова Т.Н. Взаимодействие населения и органов государственной власти в области противодействия коррупции: проблемы и перспективы	50
Сабанов З.М. Современные технологии социально-экономической помощи инвалидам в РФ	56
Хорошкевич Н.Г. Анализ эволюции понятия «капитал» в классический период развития экономической науки с позиции развития общественных отношений	62
Шакер Я.Д. Идентичность адыгов-репатриантов: вызовы и перспективы	68

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жаде З.А., Шадже А.М., Гайдарева И.Н. Национальные цели развития Российской Федерации в контексте устойчивого развития	79
Журавлева А.В., Куликова Ю.А. Искусственный интеллект как субъект права	88
Мосъпан А.И. Исторически ценные градоформирующие объекты как предмет уголовно-правовой охраны	95
Наумова Н.В., Беляев Д.С. Языковое законодательство Республики Крым: региональные аспекты реализации государственной национальной политики	100
Песецкий Ч.Ю. Теоретико-правовые основы построения системы субъектов миграционных правоотношений	106
Самушкин Н.Д. Проблема технологического лидерства в современных политико-правовых доктринах	115
Свердлов Д.Р. О соотношении положений, предусмотренных ст. 781 УК РФ и ст. 802 УК РФ с проектом постановления № 839297-8 «Об объявлении амнистии в связи с 80-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»	120

Тюрин М.А.

Социальное проектирование в теории и практике предупреждения преступлений: предпосылки и основные направления криминологического познания	125
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Алборова Д.В.

Финансирование выполнения социальных обязательств государства	131
---	-----

Волков А.П.

Удовлетворение потребностей населения как фактор развития маркетинга дорожной инфраструктуры	136
---	-----

Ивашкин М.В., Кузнецов В.В.

Проблемы интеграции малочисленных народов Дальнего Востока России в международное культурное пространство	141
--	-----

Калашникова И.В., Несмеянов Д.В., Акимов Д.В.

Человекоцентричная парадигма управления: макро- и микроуровень	147
--	-----

Лаврова А.П.

Основные тенденции развития в сфере гостиничного бизнеса	156
--	-----

Лобанов Д.В.

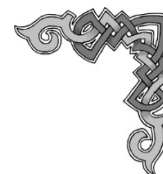
Анализ показателей смертности и заболеваемости в Оренбургской области	163
---	-----

Лохман Н.В., Николенко Т.И., Плужникова Л.Н.

Управления человеческими ресурсами как условие открытости бизнес-инноваций	169
--	-----

Полевой С.А.

Управление временем в инновационных технологических проектах	177
--	-----

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Tatyana I. Barsukova, Elena A. Sergodeeva, Lyudmila N. Kobzarenko Regulatory basis for leisure practices of ordinary-consumer type of young people in Stavropol region	13
Dmitry A. Lushnikov, Kirill A. Dolgopolov, Oksana N. Kuznetsova The political construction of age inequality: the ageist aspect of information warfare	20
Nikolay P. Lyubetsky, Dmitry V. Krotov, Sergey I. Samygin, Oksana V. Kuzmenko Russian people's specific social behavior and character and the Russian troubles	27
Sofia A. Malantseva, Tatyana A. Stepanova Popularization of sports and health activities as a factor in the formation of value orientations and culture of youth health	39
Lika A. Ozdoeva Social adaptation of young people: genesis and trends	45
Tatiana N. Rodyukova Interaction of the population and public authorities in the field of anti-corruption: problems and prospects	50
Zaurbek M. Sabanov Modern Technologies of Socio-Economic Assistance to Disabled People in the Russian Federation	56
Natalia G. Khoroshkevich Analysis of the evolution of the concept of «capital» in the classical period of the development of economic science from a development perspective public relations	62
Yazan Ja. Shaker Identity of adygh repatriates: challenges and prospects	68

JURISPRUDENCE

Zuriet A. Zhade, Azamat M. Shadzhe, Inna N. Gaidareva National development goals of the Russian Federation in the context of sustainable development	79
Alena V. Zhuravleva, Yulia A. Kulikova Artificial intelligence as a legal entity	88
Anastasia I. Mospan Historically valuable city-forming objects as a subject of criminal law protection	95
Natalya V. Naumova, Danil S. Belyaev Language legislation of the republic of crimea: regional aspects of the implementation of the state national policy	100
Cheslav Yu. Pesetsky Theoretical and legal foundations for constructing a system of subjects of migration legal relations	106
Nikita D. Samushkin Problem of technological leadership in modern political and legal doctrines	115
David R. Sverdlov On the relationship between the provisions provided for by Art. 781 Russian criminal code and Art. 802 Russian criminal code with the draft resolution № 839297-8 «On the announcement of amnesty in connection with the 80th anniversary of the Victory of the soviet people in the Great Patriotic war of 1941–1945»	120

Mikhail A. Tyurin

Social design in the theory and practice of crime prevention: background and main directions of criminological cognition	125
---	-----

ECONOMIC SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Dina V. Alborova

Financing the fulfillment of the state's social obligations	131
---	-----

Alexey P. Volkov

Meeting the needs of the population as a factor in the development of road infrastructure marketing	136
--	-----

Mikhail V. Ivashkin, Vladislav V. Kyznetsov

Problems of integration of the small ethnic groups of the Russian Far East into the international cultural space	141
---	-----

Irina V. Kalashnikova, Denis V. Nesmeyanov, Denis V. Akimov

Human-centered management paradigm: macro and micro levels	147
--	-----

Alevtina P. Lavrova

Main development trends in the hotel business	156
---	-----

Dmitry V. Lobanov

Analysis of mortality and morbidity in Orenburg region	163
--	-----

Natalia V. Lokhman, Tamara I. Nikolenko, Lyudmila N. Pluzhnikova

Human resource management as a condition for the openness of business innovations	169
---	-----

Sergey A. Polevoy

Time management in innovative technological projects	177
--	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-19>

УДК 316.3

Attribution

cc by

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК ОБЫДЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ТИПА МОЛОДЕЖИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

Барсукова Т.И., Сергодеева Е.А., Кобзаренко Л.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Целью исследования является выявление нормативных факторов выбора городской молодежью Ставропольского края досуговых практик обыденно-потребительского типа. К этим факторам относятся: ощущение защищенности в досуговом пространстве официальными нормами; ощущение свободы от официальных норм, возможность создавать свои нормы поведения и общения; контроль и бесконтрольность поведения. Методологическая база исследования основывается на применении качественной методики социологического анализа (глубинные интервью). Интерпретация результатов осуществлялась с позиций социокультурной методологии, позволившей изучить нормативную составляющую культуры молодежных досуговых потребительских практик. На основе глубинных интервью с городской молодежью Ставропольского края были выявлены нормативные основания таких досуговых практик, как общение и прогулки с друзьями, проведение досуга в компьютерных клубах; времяпрепровождение в форме встреч с друзьями у кого-то дома без особой цели, домашних, кальянных, кофейных, алкогольных посиделок. Для изучения были выделены два аспекта: безопасность досуговой практики городской молодежи; ощущение ею внутренней свободы и проблема самоконтроля.

Ключевые слова: городская молодежь, досуг, обыденно-потребительский тип досуга, нормативные основания молодежного досуга, нормативные правовые нормы, социальные нормы, Ставропольский край.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REGULATORY BASIS FOR LEISURE PRACTICES OF ORDINARY-CONSUMER TYPE OF YOUNG PEOPLE IN STAVROPOL REGION

Tatyana I. Barsukova, Elena A. Sergodeeva, Lyudmila N. Kobzarenko

North Caucasus Federal University

Abstract. The aim of the study is to identify the normative factors of choice of leisure practices of everyday consumer type by urban youth of Stavropol Krai. These factors include: feeling of security in leisure space by official norms; feeling of freedom from official norms, possibility to create one's own norms of behavior and communication; control and uncontrollability of behavior. The methodological base of the study is based on the application of qualitative technique of sociological analysis (deep interviews). The interpretation of the results was carried out from the standpoint of socio-cultural methodology, which made it possible to study the normative component of the culture of youth leisure consumer practices. Based on in-depth interviews with urban youth of Stavropol Krai, the normative bases of such leisure practices as communication and walks with friends, spending leisure time in computer clubs; spending time in the form of meetings with friends at someone's house without any particular purpose, home, hookah, coffee, alcoholic gatherings were identified. Two aspects were highlighted for the study: safety of leisure practices of urban youth; their feeling of inner freedom and the problem of self-control.

Keywords: urban youth, leisure, everyday consumer type of leisure, regulatory bases of youth leisure, regulatory legal norms, social norms, Stavropol Krai.

Funding: Independent work.

Введение.

Формами организации досуговой потребительской деятельности молодежи выступают досуговые потребительские практики, имеющие пространственно-временную локализацию, обусловленную определенной иерархией ценностей с приматом потребительских. Система ценностей общества, основу которой составляет потребление, кардинально отличается от ценностей традиционного российского общества.

Потребительская культура является важной частью культуры общества в целом, однако, в обществе потребления формируются субкультуры и постсубкультуры, в которых рациональное отношение к потреблению заменяется фетишизацией потребительских ценностей. Возникающее при этом противоречие состоит в противостоянии позитивной потребительской социализации/воспитания молодого человека как культурного потребителя и стихийной социализации, результатом которой становится потребительски ориентированная личность. Молодежный досуг превращается в досуг потребительства, когда большую часть свободного времени занимают виды деятельности, относящиеся к досуговому потребительским практикам. Система ценностей общества, основу которой составляет потребление, кардинально отличается от ценностей традиционного российского общества. К сожалению, «новое поколение российской молодежи ставит личное благополучие выше интересов Родины» [1].

Отмечается также противоречие, существующее между тенденцией на сохранение, укрепление и развитие традиционных российских ценностей и ростом ориентаций молодежи на ценности и нормы общества потребления, что находит отражение в различных практиках потребительского поведения молодежи, в том числе досуговых. Это противоречие обуславливает потребность в теоретическом осмыслении ценностно-нормативных оснований досуговых потребительских практик с позиции социокультурной методологии, а также применения эмпирических методов их изучения и анализа.

Акцент на досуговых потребительских практиках городской молодежи обусловлен:

- во-первых, учетом специфики досуговой, в том числе развлекательной, инфраструктуры города, предоставляющей широкие возможности для удовлетворения молодежных потребностей;
- во-вторых, достаточной высокой степенью свободы времяпрепровождения в отличие от сельской молодежи, занятой в домохозяйствах;
- в-третьих, ослаблением социального контроля в условиях социального атомизма.

Именно поэтому в статье на основе глубинных интервью анализируются молодежные позиции, объясняющие роль нормативных правовых и

социальных норм в выборе ими досуговых практик, а также возможности создания собственного нормативного пространства.

Данная статья посвящена нормативному аспекту выбора городской молодежью различных видов обыденно-потребительского типа досуговых практик. Выбор доминирующего ценностно-смыслового и социально-нормативного наполнения молодежных потребительских досуговых видов деятельности лег в основу разделения их на два вида – на обыденно-потребительские и культурно-потребительские. Обыденно-потребительские досуговые практики молодежи определяются тем, что базовой ценностью их выбора выступает приятное необременительное времяпрепровождение, а нормативные основания имеют саморегулятивный характер. Культурно-потребительские досуговые практики молодежи основываются на приобщении к духовным ценностям и культуре досуговых сообществ, но не имеют целью саморазвитие и самореализацию. Для них характерен примат формальных норм поведения.

Обсуждение.

Досуговые предпочтения современной молодежи изучают такие ученые, как А.В. Каравай [2]; С.А. Рожкова [3]; А.А. Хайруллина [4].

Времяпрепровождения в форме встреч с друзьями у кого-то дома без особой цели; домашних, кальянных, кофейных, алкогольных посиделок, по-иному – хоум-пати является предметом анализа Д.Б. Литвинцева [5], О. Масунда [6], К.Л. Иган, М.Дж. Кокс, К.К. Сюэркен, Б.А. Ребуссен [7] и других отечественных и зарубежных ученых.

Нормативный подход к обществу потребления как элемент социокультурной парадигмы основывается на том положении, что «типологизация потребительского поведения проявляется в существенных разграничениях понятий потребления как социально-экономической категории и потребительства как нормативной категории» [8, с. 154]. Социальные нормы, играя роль правил, вербально сформулированных, осуществляют регуляцию отношений в обществе потребления, посредством выработки и фиксирования в мышлении индивидов определенных ценностных ориентаций, целей, паттернов. При этом происходит формирование их совокупного нормативно-ценностного комплекса, формы поведения людей рассматриваются как детерминированные им.

Рассмотрение роли норм в досуговом пространстве обыденно-потребительских практик молодежи опиралось на исследования А.М. Лилюхина, Н.В. Баблюян, Д.С. Лебедевой [9], Ю.М. Львина [10], В.А. Тиховой, С.Н. Митина [11].

Методология и методы. Выбор респондентов для интервью осуществляется по принципу их приверженности видам досуговых практик, отнесенных к обыденно-потребительским.

Выбор качественного инструментария в форме глубинных интервью был обусловлен возможностью найти ответы на вопросы, связанные с ценностно-нормативными и мотивационными основаниями выбора городской молодежью типов досуговых практик.

По виду – это направленное глубинное интервью (фокусированное), так как респонденты подробно отвечают на вопросы темы, с которой глубоко знакомы в силу того, что являются активными приверженцами тех или иных видов досуговых потребительских практик. Это позволило общаться с респондентами, используя привычную для их слуха лексику, а также выявить субъективное отношение к исследуемому вопросу и получить качественную информацию по широкому кругу вопросов.

При формировании выборки был произведен отбор квот в соответствии с территориальными признаками. Применялась стратифицированная или районированная выборка, она используется при неоднородной генеральной совокупности, которая разделяется на страты (группы), в каждой из которых выполняется случайный отбор пропорционально их доле в генеральной совокупности. В качестве квот были выделены города, в которых будет проводиться опрос молодежи. Процедура отбора городов проходила на основе критериев типологизирования (табл. 1). Квотами стали: краевой центр (г. Ставрополь) и осуществлено распределение других городов по типам: города-рекреации (г. Пятигорск, г. Кисловодск), промышленные города (г. Буденновск, г. Невинномысск), агрогорода (г. Новоалександровск, г. Изобильный). Каждый из типов представлен двумя городами.

Таблица 1

Критерии типологизирования городов Ставропольского края

Тип города	Критерии типологизирования городов
краевой центр	административный, промышленный и культурный центр края
город-рекреация	наличие курортов мирового уровня
промышленный город	наличие градообразующих промышленных предприятий
аггород	преобладание предприятий агроиндустрии

Выделение различных типов городов позволяет выявить преобладающие ценностно-нормативные и мотивационные основания выбора городской молодежью типов досуговых практик в зависимости от принадлежности респондентов к определенной социально-территориальной общности с ее спецификой, связанной с основным видами деятельности населения и с социокультурной инфраструктурой.

Структура гайда составлена в соответствии с теоретическими положениями, отражающими разделение досуговых потребительских практик молодежи на обыденно-потребительские и культурно-потребительские.

Отбор респондентов для глубинных интервью. Возраст 14–30 лет. Всего 18–20 интервью, в т.ч.:

- по 3–4 интервью в возрастных категориях 14–18, 19–24, 25–30 (полных лет);
- жители Ставрополя (50 %), других городов – (50 %);
- 2 группы по интересам, примерно 50/50.

Анализ нормативного фактора как элемента культуры должен быть представлен в двух аспектах:

- 1) безопасность досуговой практики;
- 2) ощущение внутренней свободы и проблема самоконтроля.

Результаты.

Анализ нормативных оснований выбора городской молодежью Ставропольского края досуго-

вых потребительских практик основывался на исследовании:

- общения и прогулок с друзьями без всякой цели;
- проведения досуга в компьютерных клубах;
- времяпрепровождения в форме встреч с друзьями у кого-то дома без особой цели, домашних, калянных, кофейных, алкогольных посиделок.

Безопасность досуговой практики. Города Ставропольского края в целом представляются молодежи безопасными территориями. Несколько более тревожным на фоне других городов выглядит г. Буденновск. *«Разные факторы бывают. Бывают какие-то иные факторы-раздражители. Если говорить о выездах, то, наверное, самое раздражительное и опасное – это ругаться, драться. И еще какие-то моменты, если связаны с алкоголем. Если другие факторы. Например, транспорт, который может навредить как-то, либо чужие люди. Если говорить про Буденновск, когда ты выходишь гулять, то видишь очень много приезжих людей, которые ведут себя неадекватно. Любый выезд в кафе или куда-то – это чревато тем, что обязательно что-то произойдет, и это уже норма (Виктория, 28 лет, Буденновск, продавец).*

«Можно встретить людей, которые принимают наркотические вещества, они могут пристать. Как я уже говорил, ты идешь, на тот же самый Комсомольский пруд, и ты видишь, как люди ковыряются (в закладках). Этот человек и на другого человека может напасть. Потому что все может произойти в этом месте.

Сейчас тихо и спокойно, а потом машина может сбить, либо водитель не справится с управлением при переходе дороги» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист).

«Вообще никаких проблем. Много друзей ко мне приезжают в Пятигорск из других областей, из других краев, городов, у меня друзей много. Они себя свободно, комфортно чувствуют. Никаких сложностей. Всем все нравится. Ограничений нет, все в порядке. Вот пример: в парке Победы свободно себя чувствую абсолютно там. Там все огорожено, все свободно, все комфортно». Дышится полной грудью, так сканать (Артем, 18 лет, Пятигорск, студент вуза).

Выказывается обеспокоенность некоторыми особенностями кавказского менталитета: «Не стоит забывать, что мы находимся на Северном Кавказе, в нашем обществе есть мужчины, которые позволяют себе неподобающие высказывания в сторону женщин, девушек. От этого хочется уйти (Кристина, 19 лет, Пятигорск, студентка вуза). «Особенно много неприятных парней нерусских, считающих, что они самые умные, самые сильные, что им все можно» (Михаил, 17 лет, студент вуза, Ставрополь).

«Времяпрепровождение в форме встреч с друзьями у кого-то дома без особой цели, домашних, кальянных, кофейные алкогольных посиделок, по мнению респондентов, определяется ощущением безопасности, защищенности. Ты сидишь абсолютно расслаблено, доверчиво (Диана, 28 лет, Новоалександровск, учитель); «Вообще не опасно. Здесь никто и никого не тронет. Мы все друг друга знаем» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист, работает); «Мы иногда приглашаем к настольным играм других людей. Никто никого не обижает» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист, работает).

Ощущение внутренней свободы и проблема самоконтроля. Общение и прогулки с друзьями по ощущениям внутренней свободы на втором месте после домашнего времяпрепровождения. Рефлексируется необходимость в сдержанности, самоконтроле, а такая сдержанность в компании воспринимается уместной и комфортной: «Допустим, голой не танцевать, не бегать. Это уже идут рамки приличия. То, что ты ведешь себя адекватно, не ссоришься, не кричишь. Такие моменты. Как человеческий фактор. Поведение свое ты корректируешь» (Виктория, 28 лет, Буденновск, продавец); «Я полностью свободен, меня никто не ограничивает. Понятное дело, что есть какие-то рамки общества или устанавливаемые рамки государственным законом, но все равно, в плане дозволенного меня никто не ограничивает» (Роман, 16 лет, Ставрополь, школьник); «В принципе, абсолютно свободен. Я обо всем забываю. Даже на время не смотришь» (Николай, 30 лет, Буденновск, рабочий вахты). «Ну, не прям, все, что хочу. Не все мож-

но делать на природе. Это тоже вредит. От человека зависит. Те же поджоги. Не уследил за костром, не потушил до конца, например. Или еще что-то. Это все во вред идет и природе, и всему окружающему» (Николай, 30 лет, Буденновск, рабочий вахты); «Абсолютно свободно. Никто нас не трогает. Ты можешь идти и говорить все, что хочешь. Общаться с друзьями на любые темы. И никто не подойдет, и ничего не скажет. Все нормально» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист); «У меня просто порядок в голове, что неадекватно себя вести не могу. Конечно, можно посвободнее, но, опять же, и так хорошо. Я спокойно ко всему отношусь. Я уважаю свое личное пространство, личное пространство этих людей. И точно также правила этих мест. Все в рамках приличия» (Артем, 18 лет, Пятигорск, студент вуза). «Всегда можно вести себя так, как ты хочешь себя вести» (Анастасия, 30 лет, Кисловодск, администратор в магазине); «На ощущение влияет внутренний самоконтроль и принятые моральные нормы поведения. Индикатор оценки – нормы поведения на работе. На работе рефлексировалось ощущение наиболее высокой ответственности за собственное поведение, чем в учебных заведениях или других общественных местах. Я на работе более сдержанная, а при общении с друзьями – нет. Я могу и поругаться матом, и громко засмеяться, т.е., раскрепощенной себя чувствую» (Виктория, 28 лет, Буденновск, продавец).

Нарушения правил, как своих, так и чужих, хорошо рефлексировались. Рефлексируемые причины нарушений общепринятых норм – выброс адреналина. И это либо азарт, либо выход накопленных эмоций/агрессии, либо ответ на чьи-то действия. Явные различия по городам из интервью не определяются.

В условиях проведения досуга в компьютерных клубах уровень свободы, по мнению опрошенных, недостаточный, влияет финансовый фактор – давление поминутной оплаты. «Меня сковывает время. То, что капает. Мысленно идет какой-то подсчет, сколько нам осталось. Также это страх что-то сломать. Сняла баллы за то, что время быстро идет. Ты его считаешь постоянно» (Ставрополь, Дария, 17 лет, учащаяся колледжа, подрабатывает).

Выявлен такой фактор, как относительная бесконтрольность проявления эмоций в досуговом пространстве. «В клубе я могу быть довольно агрессивной в играх. В колледже я себе такого не позволяю, чтобы материться во всю глотку. Нарушала. Да, мы воду пили. И матерились. Маты – по моей инициативе. Вода – не совсем. Я замечала, когда мальчики играют, они не знакомы между собой, но, при этом, играют в одну игру по сети, они могут разругаться. И как бы этот конфликт не вылился в драку какую-нибудь» (Ставрополь, Дария, 17 лет, учащаяся колледжа, подрабатывает).

Налицо возможность создавать свои нормы поведения, относительная безнаказанность. «Запрецать воду – это глупое правило. Ты кричишь, там жарко, это подвальное помещение, как не попить? Пить хочется. Я поняла, что запрет только на свое. На свою воду, на свою еду. У них покупать можно, поэтому я плевала на этот запрет, честно говоря. Мат – это привычное состояние, как часть моей сути. Повышение громкости на маты – это эмоции» (Ставрополь, Дария, 17 лет, учащаяся колледжа, подрабатывает).

Свобода от официальных норм присутствует, согласно мнению респондентов, хотя и в ограниченном объеме во времяпрепровождения в форме встреч с друзьями у кого-то дома без особой цели, домашних, кальянных, кофейных, алкогольных посиделок. «Контроль речи. Все равно в каких-то высказываниях стараешься себя сдерживать. Больше ничего. Отличается разговором. Это в любом случае. Работая учителем, ты сдерживаешь себя во многих фразах, высказываниях. Внешний вид, стиль одежды и так далее» (Диана, 28 лет, Новоалександровск, учитель); «Если после 23.00 громко музыку слушать, соседи могут полицию вызвать. Да, кто-то громко музыку включит, бьет. Я прошу сделать потише» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист, работает); «Мы можем иногда повеселиться, посмеяться. На работе себе такого не позволишь. Я бы громко не стал кричать в офисе или смеяться, чтобы не отвлекать других людей. Их тоже надо уважать» (Александр, 28 лет, Ставрополь, программист, работает); «Я всегда понимаю, когда грань можно перейти, и что нужно в этот момент как-то остановиться, сменить тему, разрядить обстановку, чтобы отдых не превратился во что-то неприятное. Встречи чаще всего происходят с какими-то алкогольными напитками. Бывает, люди переберут лишнего, алкоголь ударит в голову, и может что-то произойти. Это очень редко происходит, но вероятность есть. Я могу громко разговаривать, эмоционировать. Ну, вот так. Были какие-то мелкие моменты – разговоры, споры на повышенных тонах, но это заканчи-

валось просто громкими разговорами. И все. Не более того» (Виктор, 30 лет, Ставрополь).

Заключение.

В результате проведенного анализа выясняется, что личное досуговое пространство и социокультурное досуговое коммуникационное образованы на совмещении институционального и неинституционального регулирования (саморегуляция), причем, последнее материализует необходимость индивидов чувствовать независимость от официальных правил.

Молодежное мнение может базироваться на нормах тех сообществ, где ребята коротают свое досуговое время, на своих соображениях о нормативах и девиантности.

В результате эмпирического изучения нормативного базиса погруженности молодых в досуговые действия установлено, что нормативная составляющая обыденно-потребительского типа досуговых практик отличается доминированием диалектического единства институциональных норм и отклонений от них, отсутствием давления формальных норм. Этот феномен может модифицироваться в девиации, но это не формируется в тенденцию, поскольку установленные формальные и неформальные нормы анализируются молодыми людьми, управление своими действиями имеет довольно большую степень осмысленности. Однако отдельные досуговые обыденно-потребительские практики (игра на компьютерах, гулянья с приятелями, хоум-пати с алкоголем, наркотиками) обладают свойством проявления бесконтрольности, агрессивности, нецензурной речи. Несоблюдение правил личных и сторонних сообществ довольно хорошо отражается в самооценках, опрошенных. Выявленные в ходе опроса детерминанты несоблюдения общепринятых норм – адреналиновое возбуждение, задор, переизбыток эмоций, ответная реакция на чью-то агрессию.

Большой разницы в нормативной базе досуговых практик обыденно-потребительского типа молодых людей по городам четырех типов Ставропольского края не обнаружено.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Глава ВЦИОМ пожаловался, что новое поколение российской молодежи ставит личное благополучие выше интересов Родины. URL : <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2588277.html> (дата обращения 25.02.2025).

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Каравай А.В. Досуговая активность российской молодежи: основные типы и факторы выбора // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2(130). С. 130–140.
3. Рожкова С.А. Досуговые предпочтения современной молодежи // Научный альманах. 2022. № 8-2(94). С. 68–70.
4. Хайруллина А.А. Структура реализации досуговой потребности в системе социального и культурного развития молодежи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2. С. 131–135.
5. Литвинцев Д.Б. Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 124–13.
6. Masunda O. Youth without a Vision or a Vision without Youth: The Bulawayo Vuzu Parties Revisited // Alkebulan : A Journal of West and East African Studies 2022. Vol. 2. № 2. P. 41–47.
7. More drugs, more problems? Simultaneous use of alcohol and marijuana at parties among youth and young adults / K.L. Egan [et al.] // Drug and Alcohol Dependence. 2019. Vol. 202. P. 69–75.
8. Альпидовская М.Л. Философия потребления как мнимая ценность современности // Вопросы политической экономики. 2019. № 4. С. 153–161.
9. Лилукин А.М. Современная российская молодежь: потребительские практики и аддиктивное поведение / А.М. Лилукин, Н.В. Баблюян, Д.С. Лебедева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 239–242.
10. Львин Ю.М. Досуговые практики и стратегии досугового поведения в современной городской среде // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2(10). С. 46–51.
11. Тихова В.А. Понятие социализации и социализационные траектории молодежи в условиях потребительского общества / В.А. Тихова, С.Н. Митин // Симбирский научный вестник. 2021. Т. 43. № 1. С. 62–68.

References:

1. The head of VTsIOM complained that the new generation of Russian youth puts personal well-being above the interests of the Motherland. URL : <https://www.yaplakal.com/forum1/topic2588277.html> (date of application on 02/25/2025).
2. Karavai A.V. Leisure activities of Russian youth: main types and factors of choice // Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions. 2020. № 1–2(130). P. 130–140.
3. Rozhkova S.A. Leisure preferences of modern youth // Scientific almanac. 2022. № 8-2(94). P. 68–70.
4. Khairullina A.A. Structure of realization of leisure needs in the system of social and cultural development of youth // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. 2018. № 2. P. 131–135.
5. Litvintsev D.B. The Role of the «Third Place» in Youth Leisure Practices: House Party as a Social Event // Sociological Science and Social Practice. 2023. Vol. 11. № 1. P. 124–13.
6. Masunda O. Youth without a Vision or a Vision without Youth: The Bulawayo Vuzu Parties Revisited // Alkebulan : A Journal of West and East African Studies 2022. Vol. 2. № 2. P. 41–47.
7. More drugs, more problems? Simultaneous use of alcohol and marijuana at parties among youth and young adults / K.L. Egan [et al.] // Drug and Alcohol Dependence. 2019. Vol. 202. P. 69–75.
8. Alpidovskaya M.L. Philosophy of consumption as an imaginary value of modernity // Issues of political economy. 2019. № 4. P. 153–161.
9. Lilyukhin A.M. Modern Russian youth: consumer practices and addictive behavior / A.M. Lilyukhin, N.V. Babloyan, D.S. Lebedeva // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. № 3. P. 239–242.
10. Lvin Yu.M. Leisure practices and strategies of leisure behavior in the modern urban environment // Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. № 2(10). P. 46–51.
11. Tikhova V.A. The concept of socialization and socialization trajectories of youth in a consumer society / V.A. Tikhova, S.N. Mitin // Simbirsk Scientific Bulletin. 2021. Vol. 43. № 1. P. 62–68.

Информация об авторах

Барсукова Татьяна Ивановна

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии
и социальных инноваций,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0000-0003-3966-6216
ti94@yandex.ru

Сергодеева Елена Александровна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии и этнологии,

Tatyana I. Barsukova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Sociology and Social Innovations,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0000-0003-3966-6216
ti94@yandex.ru

Elena A. Sergodeeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department

Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0000-0002-2076-1988
sergodeewa2014@yandex.ru

of Philosophy and Ethnology,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0000-0002-2076-1988
sergodeewa2014@yandex.ru

Кобзаренко Людмила Николаевна
соискатель кафедры социологии
и социальных инноваций,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0009-0005-6739-3114
liudmilakobzarenko@yandex.ru

Lyudmila N. Kobzarenko
Applicant of the Department
of Sociology and Social Innovations,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0009-0005-6739-3114
liudmilakobzarenko@yandex.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-6>

УДК 316.485.6

Attribution

cc by

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЗРАСТНОГО НЕРАВЕНСТВА: ЭЙДЖИСТСКИЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Политическое конструирование возрастного неравенства является одним из методов целенаправленного негативного информационно-пропагандистского воздействия и информационно-психологического давления и входит в арсенал нового вида военных действий в киберпространстве – информационной войны. Технологическое использование эйджизма в информационных войнах предполагает его описание в гиперболическом образе с использованием негативной лексики, «языка вражды». Молодежь и пожилые люди противопоставляются друг другу как социальные общности, имеющие различающиеся интересы и преследующие противоположные цели. Конструирование политического эйджизма обнаруживает два основных вида: 1) «конструирование политической старости»; 2) «конструирование политической молодости». «Конструирование политической старости» вербализует и визуализирует власть как забюрократизированную и оторвавшуюся от реальности «власть стариков», которой противопоставляется молодежь как сила развития, обновления общества, политических изменений.

Ключевые слова: возрастное неравенство, возрастная дискриминация, стигматизация, стереотипизация, эйджизм, конструирование возраста, информационная война, конструирование политической старости.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

Original article

THE POLITICAL CONSTRUCTION OF AGE INEQUALITY: THE AGEIST ASPECT OF INFORMATION WARFARE

Dmitry A. Lushnikov, Kirill A. Dolgoplov, Oksana N. Kuznetsova

North Caucasus Federal University

Abstract. The political construction of age inequality is one of the methods of targeted negative information and propaganda influence and information and psychological pressure and is part of the arsenal of a new type of military action in cyberspace - information warfare. The technological use of ageism in information warfare involves describing it in a hyperbolic way using negative vocabulary, «hate speech». Youth and the elderly are opposed to each other as social communities with differing interests and pursuing opposite goals. The construction of political ageism reveals two main types: 1) «constructing a political old age»; 2) «constructing a political youth». The «construction of political old age» verbalizes and visualizes power as a bureaucratic and detached from reality «power of the elderly», which is opposed by youth as a force for development, social renewal, and political change.

Keywords: age inequality, age discrimination, stigmatization, stereotyping, ageism, the construction of age, information warfare, the construction of political old age.

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 1023112800142-3-5.4.1. «Technologies for countering information warfare among young people» (FSRN-2024-0009).

Введение.

Возрастное измерение социального неравенства существовало на всем протяжении истории человечества, принимая различные формы и из-

меняясь сообразно развитию общества и изменениям социальной структуры. Эйджизм или дискриминация по возрастному признаку имеет два своих естественных проявления: дискриминация более молодыми категориями более воз-

растных и наоборот – притеснение молодежи, ограничение возможностей и жизненных шансов ее представителей со стороны возрастных носителей статусов и бенефициаров позиций в социальной структуре и стратификации общества.

Проявления данных отношений весьма разнообразны и наблюдаемы в разные исторические эпохи и периоды жизни конкретного общества, при этом в одном случае они могут вызываться демографическим ростом при ограниченном для растущей молодежи рынке труда, а в другом случае, наоборот – депопуляцией, старением общества и кадровым голодом. То есть, это явление фоновое для социального развития, но с тенденциями обострения в определенных условиях.

Впервые термин «эйджизм» был использован в 1969 году американским психиатром и геронтологом Р. Батлером [1] относительно стереотипизации и дискриминации в отношении индивидов или групп по возрастному критерию. Достаточно продолжительное время существовали различия в интерпретации эйджизма, предполагавшие его определение через различающиеся категории, наиболее распространенными из которых были «предрассудки» и «дискриминация».

Психиатрический, геронтологический генезис и научная локация распространения данного понятия детерминировали изначальный акцент на проблемах пожилых людей, поэтому эйджизм рассматривался либо как предрассудки, предубеждения в отношении пожилых, либо их дискриминация по возрастному признаку. Однако еще сам Р. Батлер интерпретировал «эйджизм», как «...предубеждение одной возрастной группы по отношению к другим возрастным группам» [1, с. 243], что вовсе не предполагало внимания исключительно на проявления неравенства в отношении наиболее старших возрастных категорий.

В конечном итоге, в результате научных дискуссий, происходивших в 70–80-е годы XX века выработалось достаточно устойчивое, комплементарное и интегральное понимание сущности и структурных компонентов данного понятия. Эйджизм стал рассматриваться как комплексное понятие, относящееся как к пожилым, так и к молодежи, и включающее три измерения или компонента:

- 1) когнитивный компонент (стереотипы и процессы типизации и стереотипизации);
- 2) аффективный или эмоциональный компонент (предрассудки и предубеждения);
- 3) поведенческий компонент (дискриминация по возрастному признаку).

М. Ивасаки и Дж. Джонс приводят следующие примеры данных структурных компонентов: «...эйджизм включает три измерения:

– стереотипы (когнитивный компонент – например, «я считаю, что пожилые люди являются обузой для общества»);

– предубеждение (эмоциональный компонент – например, «мне не нравится общаться с пожилыми людьми»);

– дискриминация (поведенческий компонент – например, «я стараюсь не взаимодействовать с пожилыми людьми») [2, с. 243].

Эйджизм имеет два вида трансфера агрессии и направленности – на другую возрастную группу и на себя. Если в первом случае дискриминация, стереотипизация и негативная эмоциональная реакция затрагивает более старших по возрасту людей или младших, то во втором случае является продуктом неудовлетворенности, рефлексии, самокритики, самоиронии и т.п.

Помимо этого, эйджизм может быть положительным (позитивным) или отрицательным (негативным), а также явным и (осознанным) или неявным, латентным (бессознательным) [3, с. 261].

Методология и методы. В современной психологии и психиатрии эмпирические исследования эйджизма ведутся относительно регулярно, но в большинстве своем они касаются отношения к пожилым. Предпринимались попытки выстроить инструментарий для оценки отношения к другим возрастным группам, который бы носил признаки относительно универсальности и унификации, но большинство из них, так или иначе, касаются отношения представителей младших возрастных категорий к старшим.

Несмотря на накопленную солидную эмпирическую базу существуют проблемы измерения данного явления. Это обусловлено различиями не столько в интерпретации (тут установилось общее понимание не дефиниции, но сути явления), сколько в операционализации этого понятия. Анализ существующих инструментариев показывал, что наблюдается общая нехватка психометрических оценок существующих шкал эйджизма. Так, Л. Аялон и др., на основании систематического сравнительного исследования пришли к выводу о том, что: «Из всех доступных шкал эйджизма только одна соответствовала минимальным требованиям для психометрической валидации, но все еще не охватывала все измерения эйджизма» [4].

Следует также отметить, что заимствование термина эйджизм представителями социально-гуманитарного знания, в частности, социологии, привело к тому, что стала постепенно исчезать акцентуация исключительно на проблемах дискриминации и негативного отношения к пожилым. И хотя следует признать, что в большинстве своем эмпирические исследования в социологии предполагают все-таки традиционную геронтологическую привязку и коннотацию, но именно благодаря этой науке появляется инте-

рес к дискриминации представителей молодого поколения.

Основной макрофактор появления эйджизма — это генезис и развитие индустриального общества, поэтому основной теорией, описывающей массовизацию проблем возрастного неравенства в социологии, является теория модернизации. Согласно ей, индустриализация и урбанизация ведут к снижению статуса пожилых людей и, как следствие, усилению дискриминации этой возрастной категории. В частности, Д. Коугилл отмечал, что индустриализация, механизация и автоматизация труда — процессы параллельные демографическому переходу, снижению рождаемости, «старению населения». Все эти факторы обуславливают снижение спроса на навыки пожилых людей, а увеличение доли пенсионеров приводит к «кадровому голоду» на рабочие руки молодежи [5, с. 125].

Следовательно, очевидная связь между процессом модернизации и появлением эйджизма может привести к предположению, что по мере «старения населения» и увеличения значимости молодых рабочих рук, проблемы возрастного неравенства будут лишь обостряться.

Однако данный вывод неверен, поскольку не учитывает действие других факторов. М. Норт и С. Фиске, проводившие сравнительные кросс-континентальные исследования старения и возрастной дискриминации, установили, что уровень модернизированности общества коррелирует с относительно положительным отношением к старости [6, с. 983].

Другими смягчающими факторами являются:

- культура и идеология индивидуализма;
- институциональная поддержка пожилых;
- рост уровня образованности населения и др.

В конечном итоге, исследования процессов модернизации Р. Инглхартом и его коллегами явственно свидетельствовали о том, что после окончания быстрой индустриализации в модернизированных обществах повышается уровень толерантности и уважения к личности, что отражается на отношении к пожилым даже при интенсификации процесса «старения населения» [7]. Как следствие, эйджизм может вызываться не окончившейся или неудачной модернизацией, а также усиливаться в модернизированных обществах в периоды социально-экономических кризисов.

Д. Абрамс и Д. Хьюстон отмечают один важный, в первую очередь, для развитых стран Запады признак — стигматизация и дискриминация молодежи в большей степени касается принадлежности ее представителей к другим социальным общностям и группам [8]. Молодежь доминирует в возрастной структуре сообществ беженцев и иммигрантов, а также в некоторых уже традици-

онных этнических диаспорах и религиозных сообществах. Молодые сообщества мигрантов вызывают опасения у представителей титульных этносов, уже завершивших демографический переход, депопулирующих и стареющих.

Эйджизм в отношении подобных общностей формируется значительно быстрее, поскольку физические и культурные отличия быстрее стереотипизируются и стигматизируются. В своем крайнем проявлении это отношение может привести к формированию такого вида эйджизма как «эфебифобия» (ephebiphobia) — боязни молодежи, когда она рассматривается как угроза обществу и личности и подвергается стигматизации и дегуманизации.

В конечном итоге, можно согласиться с мнением К. Братта, Д. Адамса и Х. Свифт: «Борьба с обеими формами эйджизма и поиск способов улучшения межпоколенческой сплоченности и поддержки будут становиться всё более насущными задачами по мере того, как продолжительность жизни увеличивается, а общество становится всё более разнородным по возрасту» [9, с. 1031].

Возрастное измерение социального неравенства и эйджистские установки, идеи и представления имеют объективную природу и детерминируются комплексом очевидных и исследуемых факторов. С другой стороны, возрастная дискриминация — это результат социального конструирования реальности и эйджизм в этом аспекте предстает перед нами как конструкт. Данный аспект выражается и в его интерпретации, к примеру, по мнению Л. Аялон и С. Тэш-Рюма: «Эйджизм — это социальный конструкт старости, который изображает старение и пожилых людей в стереотипном, часто негативном виде» [10, с. 3]. Эта дефиниция эйджизма может быть инверсивно применена и к дискриминации в отношении представителей молодежи, эйджизм может быть представлен как социальный конструкт молодости.

Конструктивистский аспект анализа эйджизма позволяет рассматривать его и как политический конструкт, а также в технологическом измерении — как социально-политическую технологию, использующую дискриминацию по возрастному признаку. Технологическое использование эйджизма в информационных войнах предполагает его проблематизацию в гиперболическом масштабе с использования негативной лексики, «языка вражды». Хотя данное явление в строго научном понимании затрагивает просто более старшие или младшие группы, тем не менее, акцент в данном случае ставится именно на молодежи и пожилых людях, которые противопоставляются друг другу как социальные общности, имеющие различающиеся интересы, своеобразные «классы для себя», преследующие противоположные цели.

Результаты. Обсуждение.

Опираясь на конструктивистские основания исследовательской методологии, можно диффе-

ренцировать «конструирование политического эйджизма» на два основных вектора:

- 1) «конструирование политической старости»;
- 2) «конструирование политической молодости» (в своих крайних формах, скорее даже «политической детскости»).

С позиции акторов информационных войн бесpoleзным является только конструирование «политической зрелости», поскольку зрелость являет собой качества психологической зрелости, адекватности ситуации, ответственности, лидерства и т.п. Взрослость – это состояние развившегося, зрелого общественного организма, что свидетельствует о норме в большей степени, чем определенная «недоразвитость» детства, подросткового возраста и юности, а также издержки стареющего общества и цивилизации.

Эйджизм используется как один из аспектов построения образа врага в информационной войне, при этом как для стигматизации «молдых», так и «стариков».

Рассмотрим один из видов и векторов подобного использования – конструирование политической старости. Вначале нельзя не упомянуть совершенно логичные представления и предубеждения против политического старения, которые показывают отношение к пожилым людям во власти и являются вполне понятными, исходя из восприятия и понимания возрастных ограничений и проблем. К примеру, Л. Торнстам следующим образом резюмировал данные своих лонгитюдных исследований: «Сравнивая данные современного исследования (2002 г.) и исследования 1984 года, было обнаружено, что в настоящее время, как и тогда, люди демонстрируют, казалось бы, противоречивые констелляции отношения к пожилым людям. Большая часть респондентов, сейчас, как и тогда, выступает за большее влияние и пространство для группы 65+, в то же время многие считают, что никто в парламенте не должен быть старше 65 лет» [11, с. 54].

Подобные представления господствуют и в отношении образа политического лидера в исследовании М. А. Курочкиной и Н. А. Помеловой среди студенческой молодежи: «На вопрос: «Какого возраста, на Ваш взгляд, должен быть современный российский политический лидер?» – 97 % респондентов ответили: «Не старше 50 лет». И лишь 3 % посчитали, что «чем старше будет политический лидер, тем лучше (мудрее)» [12, с. 246]. Согласно исследованиям А.А. Комаровой, средний возраст идеального политического деятеля, который отметили мужчины, составил 43,5 лет (для 95 %-ного доверительного интервала от 42,5 до 44,5 лет). Женщины отметили оптимальный средний возраст политического деятеля 45,3 лет (для 95 %-ного доверительного интервала от 44,4 до 46,2 лет).

По расчетам непараметрического критерия Манна-Уитни (сравнение двух независимых групп) найденные различия являются статистически значимыми ($p = 0,018$). Медианный оптимальный возраст политического деятеля у мужчин и женщин совпадает – 45 лет. Как отмечает автор, молодежь представляет политика более молодым, приближенным к ним по возрасту, но компетентным, так как важны наличие профильного образования и опыт работы [13, с. 169].

В информационной войне, использующей восходящий вектор конструирования эйджистского межпоколенческого конфликта, отношения между возрастными категориями редуцируются до этологической модели геронтократии у человекообразных обезьян с жесткой групповой организацией и четкими возрастными рангами. Это та базовая и относительно простая, даже примитивная этологическая модель, которая, однако позволяет выстраивать все более сложные образы и связи.

Мифологизированная архетипическая основа данного политического конструкта представлена в концепции «мифа о вечном возвращении» М. Элиаде. Мифологема «войны молодых против стариков» строится на циклической концепции времени, предполагающей «деградацию исторического времени», накопление системных ошибок и сбоев, духовно-нравственный регресс и уменьшение жизненных сил общества. Старение выступает в виде общественного застоя, деградации и, в конечном итоге, регресса, влекущего за собой неизбежное приближение цивилизационного эсхатологического события и являющегося его фатальным симптомом. В качестве основного субъекта, виновника этой деградации рассматривается политическая власть, которая стереотипизируется и стигматизируется в терминах возрастной дифференциации как сообщество «стариков», закостенелых, забюрократизированных, тормозящих развитие и новации.

Эйджистский аспект информационной войны предполагает акцентирование на противоречиях между возрастными категориями, которые выстраиваются как антагонисты по отношению друг к другу. То есть, постулируется, что снятие противоречий между ними, якобы, возможно только при победе одной из сторон мнимого антагонистического конфликта. В противоположность «старикам» молодежь выступает в качестве силы общественных изменений, как минимум реформационного характера, но лучше – революционного.

Во времена «Перестройки» в СССР 1985–1991 годов возрастные члены Политбюро ЦК КПСС представлялись олицетворениями устаревшей и мертвящей «власти стариков». Дебюрократизация в забюрократизированной системе конструировалась как борьба с геронтократией, «омоложение кадров», способных «повернуться лицом к народу». Процесс омоложения управлен-

ческой системы и господствующих элит отождествлялся с самим течением проводимого социального реформирования. Одним из примеров этого являлся, пришедший к власти, самый молодой член Политбюро М.С. Горбачев.

Социально-политическое измерение информационной войны неизбежно предполагает и культурное, появляются «новые молодые лица» со «своей правдой», сообщества молодых «неформалов» и протестные молодежные субкультуры.

Эта же технология использовалась и используется современной российской оппозицией, конструирующей политическую старость как «власть стариков», которая должна столкнуться с молодежным протестом на улице. В противоположность этим усилиям, политическое руководство РФ ведет свою контригру, которая заключается в активной молодежной и кадровой политике, предполагающей внимание к проблемам молодежи и способам ее социализации в институтах образования, гражданского общества, культуры и спорта, в сферах как занятости, так и досуга, инфильтрацию молодых кадров в систему управления. Как следствие, активная молодежная политика ведет к определенному омоложению образа самой политической власти, как не боящейся возрастной конкуренции и, более того, активно готовящей себе смену из представителей более молодых категорий.

Конструирование политической старости используется и в качестве ответных действий на внешнем контуре информационной войны, как метод информационного противодействия, контрпропаганды и, в свою очередь, активных наступательных информационно-пропагандистских и информационно-психологических компаний. Так, Ю.Н. Фролова, анализируя тематику проправительственных СМИ, отмечает следующее: «Что касается старости, то это также достаточно часто используемый концепт, однако в основном в негативных смыслах. Кроме этого, характеристики «старости» используются только для описания событий вне Российской Федерации. Поколенческий конфликт представлен в основном в контексте разрыва поколений во властных структурах других стран либо как негативная компонента имиджа оппозиционеров. Такая интерпретация символа возраста, свойственная проправительственному дискурсу, направлена, прежде всего, на легитимацию действующей власти» [14, с. 21].

Заключение.

В процессе модернизации, генезиса и развития индустриального общества: промышленного переворота, индустриализации и урбанизации, наблюдается социально-экономический эффект снижения статуса пожилых людей и, как следствие, усиление дискриминации этой возрастной категории.

Возникший в рамках психиатрического и геронтологического знания термин «эйджизм» входит в тезаурус социологического знания и интерпретируется через взаимосвязь нескольких составляющих:

- 1) когнитивного компонента (стереотипы и процессы типизации и стереотипизации);
- 2) аффективного или эмоционального компонента (предрассудки и предубеждения);
- 3) поведенческого компонента (дискриминация по возрастному признаку).

В рамках конструктивистской методологии, эйджизм выступает как политический конструкт и социально-политическая технология, использующая дискриминацию по возрастному признаку.

Эйджизм в конструктивистском аспекте выступает как политический конструкт возраста (в большей степени старости или молодости), который изображает представителей какой-либо возрастной категории в стереотипическом и негативном образе, что может провоцировать риторическую или поведенческую дискриминацию.

В своем полит-технологическом измерении — эйджизм рассматривается как социально-политическая технология, использующую дискриминацию по возрастному признаку в качестве способа достижения политических целей.

Политическое конструирование возрастного неравенства является одним из методов целенаправленного негативного информационно-пропагандистского воздействия и информационно-психологического давления и входит в арсенал нового вида военных действий в киберпространстве — информационной войны.

«Конструирование политического эйджизма» являет собой два наиболее распространенных вида:

- 1) «конструирование политической старости»;
- 2) «конструирование политической молодости».

Конструирование политической старости — это технология информационной войны, в рамках которой происходит акцентуация и гиперболизация противоречий между возрастными категориями.

Имеющаяся политическая иерархия и правящая элита вербализируются и изображаются как забюрократизированная и оторвавшаяся от реальности «власть стариков», которой противопоставляется молодежь как сила развития, обновления общества, политических изменений.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Butler R.N. Ageism: Another form of bigotry // The gerontologist. 1969. Vol. 9. № 4. P. 243–246.
2. Iwasaki M. Attitudes toward older adults: a reexamination of two major scales / M. Iwasaki, J.A. Jones // Gerontology & Geriatrics Education. 2008. Vol. 29. № 2. P. 139–157.
3. Longevity increased by positive self-perceptions of aging / B.R. Levy [et al.] // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 83. № 2. P. 261–273.
4. A systematic review of existing ageism scales / L. Ayalon [et al.] // Ageing research reviews. 2019. Vol. 54. pp. 100–119.
5. Cowgill D.O. Aging and modernization: A revision of the theory. 1974. 331 p.
6. North M.S. An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots / M.S. North, S.T. Fiske // Psychological bulletin. 2012. Vol. 138. № 5. P. 982–997.
7. Inglehart R. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press, 2003. 226 p.
8. Abrams D. A profile of prejudice in Britain: Report of the national survey. The Equalities Review / D. Abrams, D.M. Houston. 2006. 105 p.
9. Bratt C. Supporting the old but neglecting the young? The two faces of ageism / C. Bratt, D. Abrams, H.J. Swift // Developmental Psychology. 2020. № 56(5). P. 1029–1039.
10. Ayalon L. Introduction to the section: Ageism – Concept and origins / L. Ayalon, C. Tesch-Römer // Contemporary perspectives on ageism. 2018. P. 1–10.
11. Tornstam L. The complexity of ageism. A proposed typology // International Journal of Ageing and Later Life. 2006. Vol. 1. № 1. P. 43–68.
12. Курочкина М.А. Образ современной политической элиты в сознании студенческой молодежи / М.А. Курочкина, Н.А. Помелова // Вестник МГУ. 2011. № 3. С. 245–247.
13. Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // Вестник ГУУ. 2021. № 6. С. 166–171.
14. Фролова Ю.Н. Образ возраста как инструмент политического маркетинга: анализ российских проправительственных СМИ // Комплексные исследования детства. 2021. № 1. С. 13–22.

References:

1. Butler R.N. Ageism: Another form of bigotry // The gerontologist. 1969. Vol. 9. № 4. P. 243–246.
2. Iwasaki M. Attitudes toward older adults: a reexamination of two major scales / M. Iwasaki, J.A. Jones // Gerontology & Geriatrics Education. 2008. Vol. 29. № 2. P. 139–157.
3. Longevity increased by positive self-perceptions of aging / B.R. Levy [et al.] // Journal of personality and social psychology. 2002. Vol. 83. № 2. P. 261–273.
4. A systematic review of existing ageism scales / L. Ayalon [et al.] // Ageing research reviews. 2019. Vol. 54. P. 100–119.
5. Cowgill D.O. Aging and modernization: A revision of the theory. 1974. 331 p.
6. North M.S. An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots / M.S. North, S.T. Fiske // Psychological bulletin. 2012. Vol. 138. № 5. P. 982–997.
7. Inglehart R. Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press, 2003. 226 p.
8. Abrams D. A profile of prejudice in Britain: Report of the national survey. The Equalities Review / D. Abrams, D.M. Houston. 2006. 105 p.
9. Bratt C. Supporting the old but neglecting the young? The two faces of ageism / C. Bratt, D. Abrams, H.J. Swift // Developmental Psychology. 2020. № 56(5). P. 1029–1039.
10. Ayalon L. Introduction to the section: Ageism – Concept and origins / L. Ayalon, C. Tesch-Römer // Contemporary perspectives on ageism. 2018. P. 1–10.
11. Tornstam L. The complexity of ageism. A proposed typology // International Journal of Ageing and Later Life. 2006. Vol. 1. № 1. P. 43–68.
12. Kurochkina M.A. The image of the modern political elite in the minds of students / M.A. Kurochkina, N.A. Pomelova // Bulletin of Moscow State University. 2011. № 3. P. 245–247.
13. Komarova A.A. The image of an ideal politician in the minds of Russian youth // Bulletin of GUU. 2021. № 6. P. 166–171.
14. Frolova Yu.N. The image of age as a tool of political marketing: an analysis of Russian pro-government media // Comprehensive studies of childhood. 2021. № 1. P. 13–22.

Информация об авторах

Лушников Дмитрий Александрович
доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии
и социальных инноваций,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0000-0003-0352-4662
keremet2000@mail.ru

Долгополов Кирилл Андреевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0000-0003-4496-1789

Кузнецова Оксана Николаевна
доцент кафедры государственного,
муниципального управления и экономики труда,
Северо-Кавказский федеральный университет
ORCID: 0009-0007-6949-8491
okuznetcova@ncfu.ru

Dmitry A. Lushnikov
Doctor of Sociology,
Professor,
Head of the Department
of Sociology and Social Innovation,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0000-0003-0352-4662
keremet2000@mail.ru

Kirill A. Dolgoplov
Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Procedure,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0000-0003-4496-1789

Oksana N. Kuznetsova
Associate Professor
of the Department of State,
Municipal Management and Labor Economics,
North Caucasus Federal University
ORCID: 0009-0007-6949-8491
okuznetcova@ncfu.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-24>

УДК 316

Attribution

cc by

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ХАРАКТЕРА РУССКОГО НАРОДА И РУССКИЕ СМУТЫ

Любецкий Н.П.¹, Кротов Д.В.², Самыгин С.И.³, Кузьменко О.В.⁴

¹Донской государственный технический университет,

^{2, 3, 4}Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. В результате духовного кризиса российского общества и русского западничества в Отечественной истории XX века произошли две русские Смуты планетарного характера (1905–1921), (1985–2000), сопровождавшиеся разрушением российской государственности, массовой гибелью российских граждан и творческой интеллигенции, эмиграцией российских учёных, экономическим обнищанием русского народа, масштабными геополитическими изменениями и в России, и в мире, а также кризисом цивилизационной идентичности. В связи с этим, у современных историков и социологов возникла потребность понять и осмыслить масштаб кардинальных перемен, происходивших тогда (в XX веке) в нашей стране и в мире: «Кто виноват и что делать?» Поэтому в нашей статье мы решили подвергнуть анализу социальное поведение и специфические особенности (странности) русского национального характера и его негативное влияние на ход отечественной истории, опираясь при этом на авторитетные мнения – размышления, на эту тему, русских консерваторов XVIII–XX вв.: А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, А.С. Грибоедова, Н.Я. Данилевского, И.Л. Солоневича, В.В. Шульгина, К.П. Победоносцева, К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, Н.А. Бердяева, И.П. Павлова, А.А. Зиновьева, И.А. Ильина, П.Я. Чаадаева и др. Цель нашего социолого-исторического экскурса – анализ особенностей (странностей) русского национального характера – недопущение в будущем, в истории современной России XXI века подобных трагических повторов обрушения российской государственности, имевших у нас место в двадцатом веке.

Ключевые слова: национальный характер, русская смута, особенности русского национального характера, антиномичность и амбивалентность русского национального характера, болезнь «европейничанья», русофобия, богоборчество, сервилизм и низкопоклонство российской интеллигенции- русское западничество, традиционные жизненные ценности русского народа, либерализм, демографическая катастрофа, гармоничная Личность, культура Православия, воспитание – образование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

RUSSIAN PEOPLE'S SPECIFIC SOCIAL BEHAVIOR AND CHARACTER AND THE RUSSIAN TROUBLES

Nikolay P. Lyubetsky¹, Dmitry V. Krotov²,
Sergey I. Samygin³, Oksana V. Kuzmenko⁴

¹Don State Technical University,

^{2, 3, 4}Rostov State University of Economics

Abstract. As a result of the spiritual crisis of Russian society and Russian Westernism in the Russian history of the twentieth century, two Russian Troubles of a planetary nature occurred (1905–1921), (1985–2000), accompanied by the destruction of Russian statehood, the mass death of Russian citizens and creative intelligentsia, the emigration of Russian scientists, the economic impoverishment of the Russian people, large-scale geopolitical changes both in Russia and in the world, as well as a crisis of civilizational identity. In this regard, modern historians and sociologists have a need to understand and comprehend the scale of the cardinal changes that took place then (in the twentieth century) in our country and in the world: «Who is to blame and what to do?» Therefore, in our article, we decided to analyze the social behavior and specific features (oddities) of the Russian national character and its negative impact on the course of national history, relying on the authoritative opin-

ions on this topic of Russian conservatives of the XVIII–XX centuries: A.S. Pushkin, N.M. Karamzin, A.S. Griboyedov, N.Y. Danilevsky, I.L. Solonevich, V.V. Shulgin, K.P. Pobedonostsev, K.N. Leontiev, F.M. Dostoevsky, The purpose of our historical excursion is to analyze the features (oddities) of the Russian national character – to prevent in the future, in the history of modern Russia of the XXI century, such tragic repetitions of the collapse of Russian statehood that took place in our country in the twentieth century.

Keywords: Russian Russians, the national character, the Russian troubles, the peculiarities of the Russian national character, the antinomianism and ambivalence of the Russian national character, the disease of «Europeanization», Russophobia, God-fighting, servility and low worship of the Russian intelligentsia- Russian Westernism, the traditional life values of the Russian people, liberalism, demographic catastrophe, harmonious Personality, culture of Orthodoxy, upbringing – education.

Funding: Independent work.

Введение.

Чтобы понять природу русских Смут (1905–1921), (1985–2000) необходимо подвергнуть объективному анализу основные причины обрушения российской государственности в XX веке, в том числе особенности (странности) русского национального характера, их влияние на ход российской истории, а для этого нам надо вернуться нашим сознанием в эту историческую эпоху.

Гибель царской России (Февраль-Октябрь 1917 года) и развал, изнутри, Красной империи (Август 1991 года) изначально стали реальностью в результате:

- духовного и нравственного кризиса психологически неустойчивого, несамостоятельного российского общества, подверженного социокультурной мутации;
- кризиса наших традиционных ценностей, русского западничества, идеологической расколотости отечественной интеллигенции на государственников – патриотов и либералов-западников («Бесы Достоевского»);
- из-за не сформированности исторического самосознания российской молодёжи, заговора московских купцов-старообрядцев и царских генералов против Николая Второго, из-за одновременного заговора масонов-либералов в Госдуме и в ближайшем окружении царя.

Крах царской империи стал возможен в связи с массовой гибелью кадровых русских офицеров-державников на фронтах Первой мировой войны, а также из-за предательства интересов России её коварными «союзниками» по Антанте («Сердечное согласие» – договор – 1904–1907 гг. между Англией, Францией и Россией). Но главную причину обрушения российской государственности (дважды) в XX веке мы, согласно нашей гипотезы, связываем со спецификой русского противоречивого национального характера с его загадочной антиномичностью, которая во все времена (в силу генетики) есть величина постоянная. Действительно, русский национальный характер буквально «зашит» в генофонде русской нации, поэтому неудивительно, что гос-

ударственный переворот в России Февраля-Октября 1917 года повторился (как под копиру) и в августе 1991 года – русская, либеральная Смута – (1985–2000 гг.).

Для полноты картины этих судьбоносных событий в России *следует перечислить особенности (странности) русского национального характера:*

- максимализм, анархизм, амбивалентность, социальная инфантильность, способность легко поддаваться влиянию всякого рода демагогов и проходимцев, легковнушаемость, мгновенный переход от законопослушания в своеволие, нигилизм, сервиллизм, неспособность критически мыслить и изучать реальную жизнь, равнодушие к происходящему;
- необычайное русское самомнение, политическая близорукость российского общества и элиты, одержимых болезнью «европейничанья», русофобией и богоборчеством, что на протяжении всего XX века проявилось нашим традиционным низкопоклонством перед откровенно враждебным нам Западом, когда, по мнению русского писателя Ф.М. Достоевского, мы сделали для себя из Европы какой-то «духовный Египет». Причём, привязанность России к Европе – страсть роковая, неотступная, безответная и всегда жертвенная» (Дневник писателя, Ф.М. Достоевский). И далее Ф.М. Достоевский пишет: «Не пора ли позаботиться об исходе, перестав быть рабами и приживальщиками? Пора ли собраться с мыслями, сосредоточиться на себе, жить своими интересами» [1].

Обсуждение.

Объективности ради, необходимо отметить, что о традиционном низкопоклонстве представителей русской нации и, особенно, российской либеральной элиты, девиз которой в России уже давно «чем хуже, тем лучше», ранее писали: П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, А.А. Зиновьев и, конечно, А.С.Грибоедов. Так, *Александр Чацкий* – знаменитый литературный герой пьесы А.С. Грибо-

едова «Горе от ума» с горечью восклицает: «Воскреснем ли когда от чужевластия мод / Чтob умный бодрый наш народ / Хотя б по языку нас не считал за немцев». И далее, на страницах пьесы «Горе от ума», Чацкий продолжает страстно критиковать извечное наше российской низкопоклонство: «Чтob истребил Господь нечистый этот дух / Пустого рабского, слепого подражания; / Чтob искру заронил он в комнубудь, / Кто мог бы словом и примером / Нас удержать как крепкого вожжой, / От жалкой тошноты по стороне чужой» [2, с. 161–163]. И здесь же Чацкий в своих гневных филиппиках справедливо сетует на то, что, приехав в Россию никчемный «французик из Бордо», чувствует себя как дома, во Франции, не видя особой разницы ни в лицах, ни в языке. Поскольку в дворянских семьях России XIX века, быт, нравы, вкусы и предпочтения мало чем отличались от западно-европейских.

Написано А.С. Грибоедовым это уникальное литературное произведение было 250-ти лет назад, а актуально оно в современной либеральной России и сегодня. Либералами и западниками в XIX веке были такие знаковые личности в России, как профессор, историк, крупный педагогический мыслитель Т.Н. Грановский, профессор, историк, социолог и философ К.Д. Кавелин, литературный критик В.П. Боткин, литературный критик и публицист В.Г. Белинский, профессор правовед Б.Н. Чичерин, общественный и политический деятель Александр Герцен, знаменитый русский писатель И.С. Тургенев, англофил, поэт и писатель Владимир Набоков, а ещё Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, Д.А. Милютин, С.М. Соловьев, В.С. Соловьев, П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов и другие. Все эти высокообразованные люди («властители умов») оказали огромное влияние на общественное мнение в предреволюционной России. Следует заметить, что русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Многие из них были мистиками, оккультистами, пренебрежительно относились к православию, традиционно были врагами самодержавия на Руси. Нашим либеральным мечтателям ответил российский историк Н.М. Карамзин: «Самодержавие есть палладиум (оберег) России, целостность его необходимо для её счастья». То есть, для счастья России. Но русские западники его не услышали и привели Российскую империю к катастрофе 1917 года.

Для более глубокого постижения смыслов, заключённых в нашей статье, считаем необходимым обратиться к двум ключевым понятиям статьи, и это: «Национальный характер» и «Русский народ». Итак, «русский народ» — органическая коллективная надэтническая общность — объединение, преимущественно восточнославянских, финноугорских и тюркских этнических групп в единое социальное, надэтническое образование, основанное на общности особых стереотипов поведения, взявшее на общее название и с ним вошедшее в историю, создавшее

общий язык на основе множества диалектов и говоров и созидующее континентальное государство — цивилизацию с единой культурной средой. Русским является тот, кто мыслит, говорит, чувствует и видит сны на русском языке. Под понятием «русский» мы имеем в виду не только конкретную национальность, но и всех, кто готов разделить с русскими историческую судьбу, кто любит Россию как свою Родину, кто признаёт её духовные и нравственные ценности, главная из которых «Бог — мера всех вещей» [3]. По Достоевскому стать русским — значит перестать презирать народ свой [4]. И, наконец, «национальный характер» — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. Общеизвестно, что судьба народа, как и судьба отдельного человека, во многом, определяется его характером, который не остаётся вечно постоянным. С течением веков, а порой и десятилетий, национальный характер русского народа меняется в зависимости от окружающей среды и питающего душу ландшафта, от происходящих с народом знаковых событий, от духа эпохи, особенно резкой на исторических изломах русской истории и очередной российской смуты.

Национальный характер формируется под воздействием:

- духовно-нравственных начал (мифология, нормы), культурно-мировоззренческих факторов (мировоззрение, идеология, культура);
- на него также серьёзное влияние оказывают социум, политика, экономика (политико-экономическая сфера).

Именно в русском национальном характере «защита» онтоцентричная модель (от человека к смыслу) цивилизационных принципов; миротворчество (как высший смысл), жертвенность (мифология), совестливость (норма), «Я для мира» (мировоззрение), польза (идеология), поиск смысла (культура), общинность (социум), а в политике — это идеальное намерение, в экономике — разумная достаточность [5, с. 164].

В русском национальном характере также «защиты» древние архетипы: созидания блага, приумножения рода, возвышения духа, устройства лада, удержания мира, освоения земли, стремления к воле, архетип преданности делу, архетип приверженности к чести. Совокупность этих и ряда других архетипов естественно назвать бытийным кодом России.

Главная ценность для человека русской цивилизации — сам человек, его душа. И здесь следует отметить, что многие замечательные черты русского национального характера, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из Православия, то есть из Нагорной проповеди, являющейся для нас образцом этики, из десяти заповедей Иисуса Христа, церковной догматики и евангельской мистики.

Именно Церковь привила и укрепила в русском человеке его лучшие органические качества, и это:

— всечеловечность, быть смиренным, способным к жертве, к часто нечеловеческим условиям жизни, способным к короткому сверхусилию, бытийный максимализм, быть способным к милосердному сочувствию и прощению врагов, душевность, сострадание, совестливость, готовность к самоосуждению, публичному раскаянию; даже к преувеличению своих слабостей и ошибок, бескорыстие;

— жажда идеала и праведности, личная нравственность, и стремление русского человека к общественной справедливости. *Приоритет духовного над материальным*, смирение, терпимость, открытость, прямоту, естественная непринуждённость, простота в поведении (вплоть до изрядной простоватости);

— несуетность, юмор, великодушие, уживчивость, отзывчивость, способность «всё понять», размах способностей «широкий всеоткрытый ум»;

— созерцательность, широта характера и размах решений.

Все эти замечательные качества русского национального характера Н.А. Бердяев называет термином «русский дух».

У нас, у русских, нет национального эгоизма и брезгливого чувства превосходства над другими народами, свойственного иудеям и англосаксам; мы воистину демократичны и терпимы к другим народам. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму. Мы готовы довольствоваться малым и жить на низком социально-экономическом уровне, демонстрируя покорность властям, которая тут же может внезапно перерасти в русский бунт, бессмысленный и беспощадный.

Наш исторический экскурс в бурные события XX века подвигает нас к мысли о том, что одной из главных причин обрушения дважды российской государственности в XX веке является двойственность (амбивалентность) русского национального характера, в котором удивительным образом уживаются два взаимоисключающих друг друга психологических комплекса: комплекс социокультурной неполноценности — болезнь «европейничанья», низкопоклонство и комплекс социальной исключительности — «Москва — Третий Рим», создающих антиномическое напряжение внутри мятущегося у мрачной «бездны на краю» русского духа, раздваивающих и разрывающих его целостность [5, с.193]. Как мы видим, всякий характер на Земле противоречив и даже может совмещать в себе полные противоположности. Недаром в русском народе говорят,

что наши недостатки, есть продолжение наших достоинств. От себя добавим, что «русский человек никогда не живёт настоящим, а только ради эфемерного, непонятного и иллюзорного «будущего», которое, когда настанет или его обманывает, или ужасает (ирония истории) приводя в состояние изумления, растерянности и хронического стресса» (автор). И, действительно, Россия XX века — это «Страна непрочитанных книг, упущенных возможностей и... невыученных уроков истории» (автор). Ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из его самых больших соблазнов.

Корни западничества и низкопоклонства были в России во многом обусловлены комплексом «барства» помещиков, мысленно живущих на Западе, регулярно посещавших «за границу», тратя там русские деньги, уча детей не русскому, а иностранным языкам [6]. И здесь уместно вспомнить Татьяну Ларину (героиню романа в стихах «Евгений Онегин», автор А.С. Пушкин), которая своё любовное письмо к Евгению писала на французском языке, ибо «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала / И выражалась с трудом / На языке своём родном [7, с.698]. При анализе феномена западничества, характерного для российской дворянской элиты, мы опять возвращаемся к стихам А.С. Пушкина («Евгений Онегин»), объективно отражавшим уничижительную атмосферу низкопоклонства, царившую в российском обществе XIX века: «Сокровищем родного слова, / — Считают важные умы — / Для лепетания чужого / Пренебрегли безумно мы, / Мы любим муз чужих изружки. / Чужих наречий погремушки. / А не читаем книг своих» (А.С. Пушкин) [7, с. 829]. Для дворян свои крепостные крестьяне стали неким инокультурным миром, низшей кастой, не заслуживающей лучшей участи. Этот квазиколониальный дух был свойствен именно дворянским элитам — и его отчасти, в идеологизированной форме, унаследовала, полуобразованная русская разнородная интеллигенция — «обезьяны прогресса» [8]. Однако то, что не удалось масонам - декабристам (разрушить самодержавную Россию) удалось российским либералам-западникам — П.Б. Струве, П.Н. Милюкову, В.Д. Набокову, П.И. Новгородцеву, С.А. Ковалевскому, М. Родзянко, А.Ф. Керенскому, А.И. Гучкову и др., которые в Феврале 1917 года (во время Первой мировой войны) разрушили собственную страну в угоду коварным и циничным англосаксам. Самодержавие пало, была разрушена русская модель управления, отвечавшая менталитету русского народа, а ослабленную Россию потом уже энергично восстанавливали большевики во главе с государственным В.И. Лениным, подобравшим власть, буквально валявшуюся в России на земле, на улице.

Социально-психологический портрет нашей, политически близорукой либеральной прозаической элиты, так называемого передового «прогрессивного общества», ярко обрисовал

советский, русский патриот – государственник И.Л. Солоневич (1891–1953). Вот что Иван Лукьянович пишет об отечественной либеральной интеллигенции, одержимой болезнью «европеичанья», богоборчеством и русофобией: *«Русская интеллигенция – и революционная, и контрреволюционная – почти в одинаковой степени рассматривала себя как последнее слово русской истории – без оглядки на прошлое и, следовательно, без предвидения будущего. Каждое поколение прошлого и нынешнего века ломало или пыталось сломать все идейные и моральные стройки предыдущего поколения, клало ноги на стол отцов своих и не предвидело той неизбежности, что кто-то в будущем положит ноги свои и на его стол»* [9].

А вот ещё одно письменное свидетельство русского философа И.А. Ильина о тех трагических событиях в России Февраля-Октября 1917 года, когда пало самодержавие. Причём, часть российской интеллигенция из либерального стана играла на англичан, которые использовали российских либералов в тёмную в своих планах по ослаблению и расчленению России, а российские интеллигенты из числа большевиков и социал-демократов работали на немцев! *«Надо ли изумляться, констатировал философ Иван Ильин, с какой готовностью и безответственностью, с каким отсутствием патриотизма и достоинства русская революционная интеллигенция предоставила Россию западно-европейским экспериментаторам и палачам»* [10].

С гибелью Самодержавия во время второй русской Смуты (1905–1921) обрушилась не только система централизованного управления и хозяйствования, рухнул православный уклад русской жизни, прервалась духовная связь русского народа с Богом, было подорвано нравственное здоровье нашего народа, а в результате большевистского террора в России погибли миллионы людей, в основном, русских.

Результаты.

По мнению доктора исторических наук, профессора МГИМО(У) МИД РФ Андрея Борисовича Зубкова общее число жертв красного террора 1918–1922 гг. было «не менее 2 миллионов человек», а с учётом голода, холода и болезней число безвременно погибших в России за период 1918–1922 гг. – 12 млн человек [11, с. 700, 972].

Примерно такие же данные приводятся в нынешней экспозиции Музея политической истории России (Санкт-Петербург). С числом жертв Красного террора 1918–1922 гг. в 2 млн человек согласен и доктор исторических наук, профессор Сергей Владимирович Волков.

По данным учёного-аналитика. Михаила Матосова «за время переворотов в 1917 году (Февраль–Октябрь) и 1-й Гражданской войны Россия потеряла 20 миллионов человек! [12]. Особо отличилась жестокостью по отношению к идеологиче-

ским противникам фанатичная революционерка Розалия Землячка (Залкинд), *«Красная фурия революции»*. Розалия Самуиловна, которая вместе с венгерским революционером Белой Куном лично причастна к расстрелам 96 тысяч русских солдат и офицеров в Крыму (1920 год), добровольно сдавшихся большевикам после ухода армии Врангеля из Крыма. Таковы были трагические итоги «деятельности» нашей, по мнению профессора П.И. Ковалевского, - либеральной интеллигенции [13], которая весь XIX век во главе с Александром Герценом (из Лондона) безумно и безответственно призывала «Русь к топору» и грезилась, что грядущий XX век станет веком «Разума и Прогресса», «и мы увидим небо в алмазах», а он стал (ирония истории) самым кровавым веком в истории России. Увы, после победы большевиков, в трагическую эпоху В.И. Ленина с русскими и Россией всё сбылось по Достоевскому. К сожалению. *«С русской интеллигенцией, – писал Николай Бердяев, – в силу исторического её положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине... Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели её народу будет лучше жить, если люди будут счастливее, долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие»... Такое человеколюбие, утверждал Бердяев, было ложным, оно превратилось в «человекопоклонство» и «народопоклонство»*. Интеллигентская доктрина служения народу, – замечал Пётр Струве, – не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач... Народническая, не говоря уж о марксистской, проповедь в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию» [14]. «А в наши дни и воздух пахнет смертью», – писал в 1919 году тогда ещё молодой поэт Борис Пастернак. *Увы, но наши сентиментальные либералы абсолютно не учитывали греховную природу человека и мира, а ведь именно в ней заложены корни человеческих бедствий, страданий, войн, смуты, эпидемий и крушения общественного строя* (потрясение Апокалипсиса).

Последствия «народопоклонства» и традиционного (для российской интеллигенции), «низкопоклонства» были ужасными – общая численность российской интеллигенции в начале 1918 года, оценивалась приблизительно в 1 млн человек (менее 1 % населения). Итак, уже через полгода после Октябрьской революции в стране остался всего 1 млн лиц умственного труда против 3 млн в 1913 году – всего лишь одна треть от бывшего отборного генофонда, от того самого «интеллектуального слоя». А две трети его – это невозполнимые потери России от преждевременной гибели или эмиграции [15].

Вот что пишет в своих воспоминаниях раскаявшийся монархист, интеллектуал Василий Шуль-

гин, участвовавший 02 марта 1917 года в отречении православного царя Николая Второго на железнодорожной станции с красноречивым и символическим названием «ДНО», и поэтому несомненно причастный к русской Смуте: «Я считаю, – пишет Василий Шульгин, – «Великий Октябрь» – началом русского погрома. Судите сами: уничтожена династия; истребили дворянство, духовенство, купечество, мещанское сословие, крестьянство под видом раскулачивания. У остальных крестьян не кулаков просто отняли землю под видом национализации. К этому надо прибавить, что разрушена армия; частично истреблена и разрушена интеллигенция. Если принять в соображение, что в подавляющем большинстве все эти слои и классы были русскими, то приходится признать, что деятельность Советской власти, начавшейся в Октябре 1917 года, нельзя назвать иначе как грандиозный русский погром» [16].

Развал СССР изнутри, как следствие странностей русского национального характера и многолетней информационно-психологической войны США против Советского Союза, показал, что к войне духовной против наглой западной лжи, ненависти, лицемерия, политики «двойных стандартов», пороков, человеческого ничтожества – правящая партийно-номенклатурная власть Советского Союза, советская творческая элита и русский народ оказались явно неподготовлены. Весь парадокс непростых отношений России и США заключается в том, что народы России, начиная со второй половины XX века, не воспринимали коллективный Запад и Америку как врага, вплоть до СВО операции России на Украине (24.02.2022 г.). А зря! В то же время, США в XX-XXI веках поступали с нами и сегодня поступают с Россией именно как со своим заклятым врагом – англосаксонская тактика «выжженной земли» [17].

Русский народ, начиная с эпохи Михаила Горбачёва растлевали осознанно, поэтапно, внушая ему ущербность, бесстыдство, садизм, глубинную порочность, неуважение к своей истории, к национальным героям, к святыням. И главным призом США в этой борьбе «с русским империализмом», по замыслу американских ястребов, является установление жёсткого контроля над людскими, энергетическими и сырьевыми ресурсами России, потом расчленение России на слабые политически и экономически зоны-анклавы, и затем ликвидация исторической России как суверенного государства.

В своих публичных высказываниях на эту тему лидеры западного мира в конце XX века уже не стеснялись. Например, Генри Киссинджер: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство». Ему вторит его коллега, видный американский политолог Збигнев Бжезинский: «Россия будет раздроблена и под опёкой». И ещё одно его откровенное

высказывание насчёт безрадостного для России будущего России по американскому сценарию: «В XXI веке Америка будет жить за счёт России, вопреки России и на обломках России!» Ярким свидетельством преемственности в агрессивной американской политике по отношению к России является ещё одна красноречивая цитата из рассекреченного недавно доклада бывшего директора ЦРУ Алена Даллеса: «Уничтожить, победить Россию невозможно, а растлить можно». И ещё одно из его русофобских откровений: «Такое понятие, как русский народ, должно исчезнуть вообще». После такого рода откровений (насчёт безрадостного для нас, для русских, будущего) из уст высоколбой англосаксонской элиты комментарии, здесь, как говорится, излишни. Для понимания полноты картины геополитической катастрофы – распада изнутри Советского Союза – перейдём к красноречивым цифрам материального ущерба для экономики СССР в результате разрушительной деятельности архитекторов и прорабов либеральной «Перестройки-Катастрофы» эпохи Горбачёва – Ельцина. Итак, экономический ущерб России после распада СССР составил более 4 трлн долларов в текущих ценах. Это примерно два годовых ВВП, что сопоставимо с экономическим ущербом СССР в Великой Отечественной войне. Таков же по масштабу и уровень демографических потерь [18].

По сравнению с уровнем конца 1980 года, из-за взлёта смертности за 30 лет торжества либеральной идеологии в стране, России потеряла 12 млн избыточно умерших. Из-за спада рождаемости относительно 1980-х гг. нация не досчиталась 21 млн потенциальных граждан. По демографическим траекториям 1980-х, нас должно быть сейчас 178 миллионов человек, а имеется 144 миллиона (без Крыма). А другого быть и не может с суммарным коэффициентом рождаемости 1,4 (СКР). В Национальном проекте «Демография» ориентиром заявлен СКР-1,7. Тем самым, невольно правительством РФ запланировано вымирание коренного населения. При целевой величине. СКР 1,7 репродуктивное ядро нации; то есть население 20–39 лет (поставщик более 80 % младенцев), сократится вдвое через 37 лет – «Время полураспада нации». Всё это свидетельствует о том, что у правительства нет в полной мере понимания трагичности положения и видения, что делать [19].

Но это ещё не весь негатив российской действительности после 30 лет торжества в нашей стране либеральной идеологии. Сегодня Россия занимает 50-е место среди 150 стран по уровню реальных доходов, по индексу социального развития только 80-е место, по численности бедных и социальному неравенству – 100-е место, по уровню жизни пенсионеров – 79–87-е место. Экономическое развитие России было остановлено, а многое из того, что было, достигнуто при советской власти оказалось разрушено. По сути, народ великой страны оказался в хосписе [20].

Вот такая, понимаешь, селяви, господа Ельцин и К°.

Чтобы окончательно понять причины удивительной повторяемости обрушения российской государственности (трижды) в XX веке, обратимся к циклу лекций – размышлений лауреата Нобелевской премии, физиолога *Ивана Петровича Павлова на тему «Об уме вообще и о русском в частности»*. (1918 год). В последней своей лекции, посвящённой русской интеллигенции, великий учёный высказался предельно откровенно: «То, что произошло сейчас в России, есть, безусловно, дело интеллигентского ума. Массы же сыграли совершенно пассивную роль. Они восприняли движение, по которому её направляла интеллигенция. Отказываться от этого, я полагаю, было бы несправедливо и недостойно». И далее, он рассмотрел образ мышления типичного русского интеллигента: *«Русский интеллигентский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова, он ими оперирует... Это не забавно, это ужасно! Это приговор над русской мыслью. Она знает только слова и не хочет прикоснуться к действительности... То есть, несколько не проверяет смысла слов, не идёт за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность. Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением реальной жизни...»* [21, с.94, 97, 98]. А теперь – особенно важное!

Академик И.П. Павлов поясняет: «Свобода и дисциплина – это абсолютно равноправные вещи. То, что мы называем свободой, то у нас на физиологическом языке называется возбуждением. То, что обычно зовётся дисциплиной, на физиологическом языке соответствует понятию «торможение». Вся нервная деятельность состоит из этих двух процессов – из возбуждения и торможения. И торможение имеет даже большее значение. Раздражение, возбуждение – это нечто хаотическое, а торможение вставляет эту хаотичность в рамки». Иван Петрович Павлов резюмирует, что с возбуждением у русского интеллигентского ума всё в порядке. А вот с торможением – как-то совсем у нас плохо! После метких наблюдений и невеселых размышлений И.П. Павлова на тему особенностей русского ума и негативного социального поведения русского человека на крутых изломах истории становятся теперь понятными максимализм, мгновенный переход от послушания к своеволию, анархизм, беспечность, нетерпимость к чужому мнению, самомнение, равнодушие к происходящему, легковнушаемость, социальная инфантильность, антиномичность, амбивалентность и неспособность к критическому мышлению и изучению реальной жизни, неслышанный сервилизм, отсутствие уважения к действующей власти, отечественной истории, к национальным героям, к своим предкам, несамостоятельность и традиционное наше низкопоклонство перед Западом. Все эти негативные особенности русского национального характера и привели историческую Россию в XX веке к двум русским Смутам, когда

история обрушила на Россию апокалиптические ужасы в виде двух мировых войн и трех революций.

С авторитетным мнением академика И.П. Павлова на тему образа мышления русского человека перекликается другое, не менее авторитетное мнение русского философа *Николая Александровича Бердяева* о русском национальном характере, которое он изложил в книге *«Судьба России»* (1918). Здесь Бердяев говорит об «антиномичности» России: «Русский народ – самый аполитичный и самый анархичный народ, а Россия самая безгосударственная страна и одновременно самая бюрократическая, обожествляющая государство и его носителей. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. Вместе с тем, для русского народа характерна роковая неспособность и нежелание самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна скитальцев, странников и искателей, страны мятежная и жуткая в своей стихийности. А вот ещё антитезис. Одновременно, Россия – страна неслышанного сервилизма и жуткой покорности, страна, лишённая прав личности и не защищающая достоинства личности... Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов?» [22, с. 14, 21, 22] Загадочную амбивалентность и антиномичность России можно проследить и во множестве других аспектов Русского национального характера – *всюду у нас сплошные тезисы и антитезисы, которые переходят друг в друга*: «Бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм – из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в её духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного светоносного начала [23].

Драматическая история России XX века подвигает нас к пониманию того, что *Россия – это «государство – цивилизация»* со своим культурным кодом и системой традиционных ценностей, кардинально отличных от ценностей западноевропейской цивилизации, поэтому не надо нам «призывать варягов» на Русь, не надо искать себе на стороне вождей или ждать из-за кордона руководящей помощи, *только пробуждение национального самосознания*, – по мнению Николая Бердяева, – *спасёт Россию*.

Наш ретроспективный экскурс в историю России и русских смут, соотнесённый со спецификой (странностями) русского национального характера и авторитетным мнением, в этой связи, знакомых людей – очевидцев, живших в XVIII–XX вв., в

России подвигает нас (для полноты картины) обратиться, наконец, к глубоким текстам и сакральным смыслам, заложенным в философических письмах русского пророка П.Я. Чаадаева: *«У нас, в России, нет ничего устойчивого, ничего постоянного; всё течёт, всё исчезает, не оставляя следов ни войне, ни в нас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам... Мы живём лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего. Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня, мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперёд, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи вымываются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растём, но не созреваем, мы продвигаемся вперёд по кривой, то есть по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так, что когда они вырастают, своего в них нет ничего; всё их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы»* [24, с. 28–30].

Драматическая история нашей страны в XX веке подтвердила самые парадоксальные мысли П.Я. Чаадаева о России, о специфике нашего национального характера и о негативных особенностях мышления и поведения (на генетическом уровне) русского человека в современном социуме. Поразительно, но трагические события гибели царской России в начале XX века вновь повторились (как под копирку) уже в конце XX века, когда погибла «Красная империя» – Вторая русская Смута (1985–2000 гг.). Это стало возможным после отмены Президентом СССР Михаилом Горбачёвым 6-й статьи Конституции Советского Союза о руководящей роли КПСС на очередном Пленуме ЦК (февраль 1990 года). В результате этого убийственного решения, произошло окончательное отстранение партии от реальной власти – началось резкое сокращение партийных рядов, которые к июлю 1991 года покинули более 4 млн человек, т.е. более 20 % членов партии [25]. Как следствие развала КПСС («окаянные дни»), контроль за жизнью политически наивных советских людей практически исчез. Люди с несформированным историческим и цивилизационным сознанием, недостаточным развитием личного начала своей жизни, с несамостоятельным мышлением, были теперь предоставлены самим себе и тлетворному влиянию

лукавой западной агрессивной пропаганды в рамках многолетней информационно-психологической войны США против СССР – план 20/1 СНБ США от 18.08.1948 г. директора ЦРУ Аллена Даллеса (1945–1953 гг.). Вот как описывает роковые события горбачевской «Перестройки-Катастрофы» философ А.А. Зиновьев в своей книге «Русский эксперимент». На её страницах он пишет: *«Вследствие своего национального характера, русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами своей победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он никогда не восставал против глумления над ним, исходившим от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет... Такой массовой эпидемии антипатриотизма, самоуничтожения, поражения, холуйского низкоклонства перед Западом, зависти к западным народам, подражания всему западному, особенно – порокам, двурушничеству и прямого предательства, какая началась после 1985 года, не допустил бы ни один европейский народ. Я не знаю ни одного другого народа в истории и на планете, который так покорно стерпел бы нечто подобное тому, что сделали с русским народом после 85-го года и который так усердно помогал бы врагам уничтожать себя»* [26].

Прав был советский философ Мераб Мамардашвили, когда о данном социальном феномене, ставящем Россию у роковой черты (дважды) в XX веке, сказал: *«Гений повторений буквально разгулялся на российских просторах, как в дурном сне»*. И этот гений повторений – русское западничество, которое привело Российскую империю к катастрофе 1917 года, а в августе 1991 года стало причиной гибели (изнутри) Красной империи!

Заключение.

На основании вышеизложенного, авторы статьи однозначно пришли к признанию исторической правоты знаковых людей России (от Петра Чаадаева и Николая Бердяева до Александра Зиновьева), сумевших через магический кристалл времени разглядеть громадную опасность для исторической судьбы России, таящуюся в иррациональном поведении русского народа на крутых изломах истории, предопределённом западничеством и специфическими особенностями (странностями) русского национального характера, имеющего генетическую основу, что и предопределило природу и характер «Смутных времён» в России начала – конца XX века. Считаем, что при принятии правительственных решений руководство страны должно учитывать данный

социальный феномен, чтобы избежать в будущем трагических повторов очередного обрушения российской государственности, которого Россия может уже и не выдержать. Две русские Смуты (1905–1921), (1985–2000) стали суровой реальностью жизни российских граждан в эпоху Николая II и в советское время – в результате низкопоклонства, богоборчества, двоемыслия, русофобии и болезни «европейничанья» (русское западничество), поразивших отечественную либеральную интеллигенцию, отрицающую уже самую Россию.

Сегодня руководству страны и правящей элите необходимо признать, что *«западничество – тяжёлая форма болезни русского самосознания»* (автор). Вот, что думал и писал, ещё в XVII веке, о русском западничестве в своём основном научном труде «Политика» Юрий Крижанич (1618–1683) хорватский богослов, философ, лингвист и историк: *«Чужебесие – это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь русский народ. Мы слишком доверчивы к чужеземцам и позволяем им в нашей стране делать всё, что они хотят. Все наши беды из-за того, что мы слишком много общаемся с иноземцами и слишком много им доверяем»*, – писал в «Политике» панславист Ю. Крижанич, находясь на государственной службе у царя Ивана IV и наблюдавший Россию XVII века изнутри свежим критическим взглядом агента Ватикана.

28 января 2025 года, на пленарном заседании XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений, посвящённых «80-летию Великой победы», перед епископатом, духовенством и национальной элитой нашей страны с докладом выступил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. По мнению патриарха Кирилла: *«История развития нашей самобытной евразийской восточно-христианской цивилизации свидетельствует, что православная вера, христианская нравственность, стали тем источником сил, благодаря которому сформировались лучшие (ключевые) качества нашего национального характера, позволившие России и русской культуре стать по настоящему великими: совесть, милосердие, сострадание, жажда правды и справедливости, терпение, трудолюбие, выносливость, мужество, устремлённость к высшим идеалам и ценностям»*. И далее он отметил, что «значительную часть управленческих элит и российской интеллигенции поразила духовная болезнь – болезнь неверия и религиозного релятивизма, что и стало одной из причин революционных потрясений в России».

По мнению патриарха Кирилла, *изменить к лучшему социальную атмосферу в российском обществе, победить западного Левиафана можно только через нравственное преображение человека и всего народа российского*. Чтобы России выжить и победить коллективный Запад

в цивилизационной войне экзистенциального характера, необходимо в течение ближайших десяти лет воспитать в стране новую патристичную, пассионарную национальную элиту, и здесь ключевая роль в воспитании и нравственном формировании личности принадлежит нравственному образованию на основе культуры Православия. Сегодня в российском обществе реально существует запрос на гармоничную (качественную) не-западную личность, способную жить праведно и хорошо, видеть демонические угрозы – вызовы XXI века, а главное – своевременно и адекватно отвечать на эти угрозы, работая стратегически на их опережение, как это успешно делает Президент РФ В.В. Путин и его окружение из патриотов – государственников (С.В. Лавров, А.В. Жога, В.А. Садовничий, С.Ю. Глазьев, Н.А. Нарочницкая, А.А. Проханов, М.В. Ковальчук, патриарх Кирилл, Р.А. Борисов, Ю.В. Ушаков, Митрополит Тихон (Шевкунов)), М.В. Захарова и др.). Поэтому мы, авторы статьи, считаем важным включение в образовательные программы общеобразовательных школ, колледжей и педагогических вузов России таких дисциплин, как «Основы православной культуры», «Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Нравственные основы семейной жизни». Педагогическим вузам и колледжам, считает Патриарх Кирилл, может быть предоставлена свобода выбора из этих курсов; на сегодня важно, чтобы эти предметы, эти курсы были действительно внедрены в наше образование, несмотря на серьёзное противодействие этому либеральной «пятой колонны», осевшей в годы правления Бориса Ельцина в структурах Министерства просвещения РФ (Сергей Кравцов), Министерства науки и высшего образования РФ (Валерий Фальков). Духовно-нравственное просвещение молодёжи необходимо поскольку, в конце концов, речь идёт о самом главном – о мировоззренческом и нравственном выборе. Заметим, что наши предложения являются идеологическим подтверждением Указа 809 Президента РФ В.В. Путина от 09 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором говорится и об особой роли Православия в становлении и укреплении этих ценностей. Напомним, читателю, что *образование и воспитание – ключевая функция государства и существует в России для обеспечения общественного развития*. При этом авторы статьи, опираясь на глубокие мысли патриарха Кирилла, считают, что в процессе обучения образования – воспитания целостной, качественной личности, мы должны сделать акцент, прежде всего, на духовно-нравственном воспитании, ибо воспитание духовное имеет целью способствовать развитию интеллектуальных и нравственных сил ребёнка, подростка и образованию его характера; оно имеет в виду создать гармоничную личность, наилучше приспособленную к социальной борьбе за существование и к активному воздействию на окружающую среду. Причём, нравственное воспитание, по мнению патриарха

Кирилла, должно быть на основе культуры Православия и опережать технологическое образование. Здесь залог нашего политического, военного, дипломатического, экономического, культурного и технологического суверенитета. И ещё, «Россия – при всех ее проблемах – основная сила, удерживающая мир от Нового мирового

порядка. Предстоящие события второй четверти XXI века могут стать более судьбоносными, чем всё, что было в двадцати столетии, ставки – колоссальны. На кону – судьбы и России, и мира» [27]. *Не измени же себе Россия и оправдайся перед Богом!*

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Сараскина Л.И. Достоевский. Жизнь замечательных людей: сер. биогр. Вып. 1320. М. : Молодая гвардия, 2011. С. 663. с.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума: комедия в четырёх действиях в стихах: Подробный иллюстрированный комментарий. М. : Р.Г. Пресс, 2020. 162, 163.
3. Россия и русский национальный характер / Н.П. Любецкий [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 161.
4. Дневник писателя. Фёдор Достоевский. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 574.
5. Любецкий Н.П. Отечественная интеллигенция как фактор нестабильности российской государственности : монография / Н.П. Любецкий; Отв. ред. О.С. Мавропуло. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русайнс, 2023. С. 164, 193.
6. Аверьянов В.В. Мировоззрение русской цивилизации: путь к себе // Изборский клуб. 2024. № 1(119). С. 15.
7. Пушкин А.С. Золотой том. Собрание сочинение. М. : Эксмо, 2014. С. 698, 829.
8. Солоневич И.Л. Народная монархия. М. : Алгоритм, 2011. С. 481.
9. Ильин И.А. За национальную Россию // Слово. 1991. № 5. С. 283.
10. История России XX век. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922). М. : Издательство «Э», 2016. Т. 1. С. 700, 972.
11. Матосов М.В. Русский Холокост. Истоки и этапы демографической катастрофы в России. М. : Алгоритм, 2012. 47 с.
12. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. СПб., 1912. С. 231.
13. История России XX век. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922). М. : Издательство «Э», 2016. Т. 1. С. 353.
14. Севастьянов А.Н. Апология интеллигенции. Русская элита в катастрофах XX века. М. : Вече; Наше завтра, 2021. С. 145.
15. Рыбас С. Жизнь замечательных людей. Василий Шульгин. М. : Молодая гвардия, 2014. С. 498.
16. Обрежа В. Применение Западом новейшего оружия массового уничтожения – причина гибели СССР и разрушения России. М. : ООО Изд-ва АлМи, 2006. С. 305.
17. Агеев А. Не пора ли «за флажки» дозволенного? / А. Агеев, Д. Митяев // Изборский клуб. 2024. № 3–4 (121–122). С. 40.
18. Игорь Гундаров. Эпидемия психогенного бесплодия как угроза национальной безопасности // Изборский клуб. 2023. № 5(113). С. 25–26.
19. Малинецкий Г. Российский императив – от прошлого к будущему // Изборский клуб. 2022. № 1(99). С. 35.
20. Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. № 8. С. 94, 97, 98.
21. Бердяев Н.А. Судьба России; Самопознание; Русская идея. Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып. 1013. М. : Эксмо, 2025. С. 14, 21, 22.
22. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. Жизнь замечательных людей: Сер. биогр.; Вып., 1013. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 156, 211, 218.
23. Чаадаев П.Я. Философские письма / Пётр Чаадаев; Пер. с фр. Д. Шаховского. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. С. 28, 29, 30.
24. Спицын Е.Ю. Россия. – Советский Союз 1946–1991 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. IV. М. : Концептуал, 2019. С. 466.
25. Зиновьев А.А. Русский эксперимент / А.А. Зиновьев; Ред. сост. О.М. Зиновьева А.С. Блинов. М. : Изд-ский дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2024. С. 47.
26. Рюриков Д.Б. Времена зверя. Новый мировой порядок. Архитекторы расчеловечивания / Д.Б. Рюриков; Предисл. С.Ю. Глазьев. М. : Книжный мир, 2018. С. 286.

References:

1. Saraskina L.I. Dostoevsky. The life of wonderful people: ser. biogr.; Issue 1320. M. : Molodaya Gvardiya, 2011. P. 663.
2. Griboyedov A.S. Woe from wit: a comedy in four acts in verse: A detailed illustrated commentary. M. : R.G. Press, 2020. 162, 163.
3. Russia and the Russian national character / N.P. Lyubetsky // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 4. P. 161.
4. Diary of a writer / Fyodor Dostoevsky. SPb. : ABC, ABC-Atticus, 2021. P. 574
5. Lyubetsky N.P. The domestic intelligentsia as a factor of instability of the Russian statehood : monograph / N.P. Lyubetsky; Ed. by O.S. Mavropulo. 2nd ed., ispr. and add. M. : Rusains, 2023. P. 164, 193.
6. Averyanov V.V. The worldview of Russian civilization: the path to self // Izborsk Club. 2024. № 1(119). P. 15.
7. Pushkin A.S. Golden volume. Collected works. M. : Eksmo, 2014. P. 698, 829.
8. Solonevich I.L. The People's monarchy M. : Algorithm, 2011. P. 481.
9. Ilyin I.A. For national Russia // Slovo. 1991. № 5. P. 283.
10. The history of Russia in the twentieth century. How Russia moved towards the twentieth century. From the beginning of the reign of Nicholas II to the end of the Civil War (1894–1922). M. : Publishing House «E», 2016. Vol. 1. P. 700, 972.
11. Matosov M.V. The Russian Holocaust. The origins and stages of the demographic catastrophe in Russia. M. : Algorithm, 2012. P. 47.
12. Kovalevsky P.I. Russian nationalism and national education. SPb., 1912. P. 231.
13. The history of Russia in the twentieth century. How Russia moved towards the twentieth century. From the beginning of the reign of Nicholas II to the end of the Civil War (1894–1922). M. : Publishing House «E», 2016. Vol. 1. 353 p.
14. Sevastyanov A.N. The Apology of the intelligentsia. The Russian elite in the catastrophes of the twentieth century. M. : Veche; Our Tomorrow, 2021. P. 145.
15. Rybas S. The life of wonderful people. Vasily Shulgin. M. : Molodaya Gvardiya Publ., 2014. P. 498.
16. The use of the latest weapons of mass destruction by the West is the cause of the death of the USSR and the destruction of Russia. M. : AIMi Publishing House, 2006. P. 305.
17. Alexander Ageev, Dmitry Mityaev. Isn't it time to «check the boxes» of what is allowed? // Izborsk club. 2024. № 3–4(121–122). P. 40.
18. Igor Gundarov. The epidemic of psychogenic infertility as a threat to national security // Izborsk Club. 2023. № 5(113). P. 25–26.
19. George Malinetsky. The Russian imperative – from the past to the future // Izborsk Club. 2022. № 1(99). P. 35.
20. Pavlov I.P. On the Russian mind // Nature. 1999. № 8. P. 94, 97, 98.
22. Berdyayev N.A. The fate of Russia; Self-knowledge; The Russian idea. M. : Eksmo, 2025. P. 14, 21.
21. ILL. – (The life of wonderful people: Ser. biogr. Iss. 1013
22. Gulyga A.V. The creators of the Russian idea. The life of remarkable people: Ser. biogr.; Issue, 1013. M. : Molodaya Gvardiya Publ. 2006. P. 156, 211, 218.
23. Chaadaev P.Ya. Philosophical letters / Peter Chaadaev; translated from the French by D. Shakhovskiy. SPb. : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2020. P. 28, 29, 30.
24. Spitsyn E.Y. Russia. – The Soviet Union 1946–1991: A complete course on the History of Russia for teachers, lecturers and students. Book IV. M. : Conceptual, 2019. P. 466.
25. Zinoviev A.A. Russian experiment / A.A. Zinoviev; Ed. comp. O.M. Zinoviev A.S. Blinov. M. : Publishing House «Canon-Plus» named after Alexander Zinoviev, 2024. P. 47.
26. Rurikov D.B. The Times of the Beast. The new world order. Architects of dehumanization / D.B. Rurikov; Preface by S.Y. Glazyev. M. : Knizhny Mir Publ., 2018. P. 286.

Информация об авторах

Любецкий Николай Петрович
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры теории и практики
физической культуры и спорта,
Донской государственный
технический университет
lyubeckiyn@mail.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич
доктор социологических наук,
профессор кафедры экономической теории,
Ростовский государственный
экономический университет
d537798@gmail.ru

Lyubetsky N. Petrovich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice
of Physical Culture and Sports,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Dmitry V. Krotov
Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Economic Theory,
Rostov State University of Economics
d537798@gmail.ru

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
финансового и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

Кузьменко Оксана Викторовна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
oksana_09@yahoo.com

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
samygin78_@yandex.ru

Oksana Kuzmenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law, R
ostov State University of Economics
oksana_09@yahoo.com

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-16>

УДК 316

Attribution

cc by

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ

Маланцева С.А., Степанова Т.А.

Южный федеральный университет

Аннотация. Данная статья посвящена социологическому осмыслению популяризации спортивно-оздоровительной деятельности как фактора формирования ценностных ориентаций и культуры здоровья молодежи. Теоретическая и методологическая база исследования включает концептуальные принципы институционального, деятельностного, аксиологического и социализационного подходов. С точки зрения институционального и деятельностного подходов, мы определяем физкультурно-оздоровительную деятельность молодежи как комплекс оздоровительных мероприятий, которые организуются и реализуются социальными институтами в области физической культуры и спорта, согласуясь с принципами государственной молодежной политики, действующей в целях формирования культуры здоровья, в рамках которой формируются ценностные ориентации, направленные на активизацию здорового образа жизни. Культура здоровья личности/группы соотносится с общей культурой общества, являясь ее важной составляющей, ориентированной на общекультурные ценности и социальные аспекты развития. Важным индикатором культуры здоровья является отношение молодежи к здоровью как ценности. Именно ценности являются основой культуры здоровья, демонстрирующей как объективные, так и субъективные результаты деятельности молодых людей в сфере здоровьесбережения. По мнению авторов статьи, важно продолжать развивать и поддерживать физкультурно-оздоровительную деятельность молодежи в процессе формирования культуры здоровья и ценностных ориентаций молодых людей.

Ключевые слова: молодежь, спортивно-оздоровительная деятельность, ценности, ценностные ориентации, культура здоровья, здоровый образ жизни.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

POPULARIZATION OF SPORTS AND HEALTH ACTIVITIES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS AND CULTURE OF YOUTH HEALTH

Sofia A. Malantseva, Tatyana A. Stepanova

Southern Federal University

Abstract. This article is devoted to the sociological understanding of the popularization of sports and health activities as a factor in the formation of value orientations and a culture of health in young people. The theoretical and methodological basis of the study includes the conceptual principles of the institutional, activity, axiological and socialization approaches. From the point of view of the institutional and activity approaches, we define physical education and health activities of young people as a set of health events that are organized and implemented by social institutions in the field of physical culture and sports, consistent with the principles of the state youth policy acting to form a health culture, within the framework of which value orientations are formed aimed at activating a healthy lifestyle. The health culture of an individual/group correlates with the general culture of society, being its important component, focused on general cultural values and social aspects of development. An important indicator of health culture is the attitude of young people to health as a value. It is the values that are the basis of a health culture, demonstrating both objective and subjective results of young people's activities in the field of health preservation. According to the authors of the article, it is important to continue to develop and support physical education and health activities of young people in the process of forming a culture of health and value orientations of young people.

© Маланцева С.А., Степанова Т.А.

Keywords: youth, sports and health movement, values, value orientations, health culture, healthy lifestyle.

Funding: Independent work.

Введение.

Сегодня популяризации спорта и спортивно-оздоровительной деятельности уделяют активное внимание, о чем свидетельствует Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года, в которой указано, что миссия государства состоит в том, чтобы формировать культуру здорового образа жизни (ЗОЖ) и создавать необходимые условия для развития физической культуры и спорта (ФКиС) в России [1].

Молодежь является особым, сложным социальным актором, действующим в спортивно-оздоровительном движении (связанном с ФКиС), поскольку трудности социокультурной идентификации молодежи как специфической социальной группы, создают определенные проблемы для государства и общества, стремящихся сформировать ее мировоззренческие принципы, ценностные ориентации (ЦО) и культуру здоровья. При этом проблема формирования ЦО и культуры здоровья молодежи является одной из приоритетных задач в сфере социально-гуманитарного знания.

Теоретическое обоснование.

Социологическая наука предоставляет возможность целого спектра подходов в выборе и изучении разнообразных общественных феноменов, явлений, процессов и социальных действий. Наиболее распространенным подходом к анализу ФКиС является институциональный подход, которым в данной работе мы не ограничиваемся.

Теоретическая и методологическая база исследования включает концептуальные принципы институционального, деятельностного, аксиологического и социализационного подходов, в рамках которых рассматриваются три социологических понятия: «спортивно-оздоровительная деятельность», «ценностные ориентации», «культура здоровья».

С позиции институционального подхода, популяризация спортивно-оздоровительной деятельности регулируется законами, стратегическими нормативными программами развития, в которых прописаны кодексы поведения, устанавливающие и регламентирующие деятельность социальных субъектов в сфере ФКиС. Определяя культуру в целом и культуру здоровья, в частности, как совокупность средств, форм, способов и результатов человеческой деятельности, мы придерживаемся деятельностного подхода к пониманию спортивно-оздоровительной деятельности молодежи, ибо деятельностный подход к исследованию культуры здоровья личности строится на методологическом положении о

единстве личности и ее деятельности. В соответствии со статьей 2 п. 12 Федерального закона от 04.12.2007 г. № 329 (в редакции от 03.11.2015 г.) «О физической культуре и спорте в РФ» ФКиС – это «сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним».

Ключевым аспектом проблемы исследования популяризации спортивно-оздоровительного движения среди молодежи является аксиологический и социализационный подходы, позволяющие раскрыть особенности формирования личности молодого человека и его ценностных ориентаций.

Результаты. Обсуждение.

Обращаясь к описанию портрета российской молодежи, мы не можем не согласиться с тем, что сегодня данная социально-демографическая группа населения России является одним из интересных объектов исследования и ключевым субъектом конструирования будущего.

Современная молодежь, говоря о себе, указывает, что для нее важны такие характеристики, как: безопасность (как личная, так и близких), ощущение стабильности, достижение успеха в одной или нескольких областях жизни [2]. Достижение успеха, по мнению молодежи (поздних миллениалов и поколения т.н. цифры), зависит от их собственных усилий, а также личных способностей (72 %) [3]. При рассуждении о собственных усилиях и построении долгосрочных планов, российская молодежь подчеркивает, что достичь всего в будущем ей помогает семья и наличие потенциала здоровья.

Достичь поставленных целей, реализоваться во всех сферах жизни, поддерживать здоровье молодежи помогает, конечно, ФКиС и культура здоровья, причем последняя в свете наблюдающихся в современной реальности перемен, «находящих отражение в социальной и образовательной сферах, в институциональном пространстве социума, детерминирует уровень здоровья и качества жизни» [4, с. 23].

Решая ключевую задачу оздоровления молодежи, различные социальные институты выполняют необходимые подзадачи формирования полноценной личности:

Во-первых, общая культура – задает ценностно-нормативные установки социального поведения, формирует образ жизни;

Во-вторых, физическое воспитание – реализует целенаправленное «воспитание личности путем

формирования и развития необходимых и достаточных психофизических, моторных (функциональных) качеств и двигательных (поведенческих) реакций, обеспечивающих оптимальную адаптацию к среде и профессиональной деятельности» [5, с. 3–4].

Спортивно-оздоровительная деятельность реализует три важные социальные задачи:

- достижения уровня функциональной готовности организма молодого человека, обеспечивающего выполнение социальной нормы учебной и/или трудовой деятельности;
- освоения набора двигательных действий, требуемого для эффективной реализации себя в различных формах социальной деятельности;
- освоения способов «конструирования операционного состава двигательных действий, направленных на решение стандартных жизненных задач» [5, с. 9].

Что же представляет собой физкультурно-оздоровительная деятельность?

По мнению Е.В. Нестеровой, данная деятельность основополагается на системе знаний и ценностей, определяет возможности создания программ по формированию ЗОЖ, развития творческих способностей и т.д. [6].

Е.С. Планидин определяет спортивно-оздоровительную деятельность молодежи в качестве компонента физической культуры, включенной «в повседневную жизнедеятельность человека с целью решения комплексных задач, выраженных в межличностном общении, повышении психического здоровья, оптимального физического развития и сохранения рациональных двигательных функций в практической жизнедеятельности», подчеркивая при этом, что данная деятельность молодежи неразрывно соединена с физической культурой и спортом [7, с. 56]. Осуществляют эту деятельность социальные институты, «функционал которых направлен на решение важных задач воспитания, образования и физического совершенствования молодого человека» [7, с. 57].

С точки зрения институционального и деятельностного подходов, мы определяем физкультурно-оздоровительную деятельность молодежи как комплекс оздоровительных мероприятий, которые организуются и реализуются социальными институтами в области ФКиС, согласуясь с принципами государственной молодежной политики, действующей в целях формирования культуры здоровья, в рамках которой, в свою очередь, формируются ЦО, направленные на активизацию ЗОЖ.

Далее остановим взгляд на понятии «культура здоровья».

С точки зрения О.А. Ахвердовой и В.А. Вагина, культура здоровья – это интегративное личностное образование, включающее в себя следующие компоненты: когнитивно-мотивационный, эмоциональный, волевой. Данные компоненты отражают уровень и объем знаний, коммуникативной толерантности, эмоциональной устойчивости, активности личности, а также ее волевых качеств как главных составляющих образа жизни [8, с. 5–7].

О.С. Мавропуло при рассмотрении культуры здоровья, отмечает, что данная категория может выступать как макро-, так и микрокатегория. Первая отражает уровень развития культуры здоровья в обществе, вторая же выражается на индивидуально-личностном уровне отношения к здоровью, «поведения в сфере здоровья и значимости ценности здоровья» [4, с. 23]. Сохранение и воспроизводство культуры здоровья в обществе, по мнению О.С. Мавропуло, «находится в прямой зависимости от уровня культуры, от сложившейся концепции человека и его жизненного мира, образа жизни, синтезирующих ценности и реальную жизнедеятельность» [4, с. 28].

Подчеркивая роль культуры в сохранении здоровья, Е.В. Конькина определяет культуру здоровья в качестве «составной части мировоззренческой позиции человека, проявлениями которой оказывается здоровьесотворяющее мышление и здоровьесберегающее, здоровьесформирующее поведение» [9, с. 119].

На наш взгляд, культура здоровья личности/группы соотносится с общей культурой общества, являясь ее важной составляющей, ориентированной на общекультурные ценности и социальные аспекты развития. Важным индикатором культуры здоровья является отношение молодежи к здоровью как ценности. Именно ценности являются основой всякой культуры, в том числе и культуры здоровья, демонстрирующей как объективные, так и субъективные результаты деятельности молодых людей в сфере здоровьесбережения.

Обратимся к тому, каким образом формируется культура здоровья молодежи посредством спортивно-оздоровительной деятельности, и какие условия создаются для развития физической культуры и спорта в России.

Если мы рассматриваем такую категорию, как студенческая молодежь, то в рамках образовательных программ физическая культура является обязательной дисциплиной в учебных планах и реализуется в рамках обучения на первых двух курсах обучения. В рамках учебных пар, во многих учебных заведениях России реализуется не комплексное обучение, а запись студентов на конкретные занятия (плавание, шахматы, волейбол, йога и др.). Такой формат обучения позволяет привлечь к спорту большее количество студенческой аудитории.

Помимо обязательной реализации дисциплины по ФКиС, при высших учебных заведениях действуют студенческие спортивные клубы, которые привлекают инициативных и активных студентов для продвижения студенческого спорта среди молодежи. На сегодняшний день в России действует Ассоциация студенческих спортивных клубов России (АССК России). Миссия АССК России – формирование гармонично развитой личности молодого человека с устойчивыми ЦО, направленными на культуру здоровья и оздоровление молодого поколения. Цель – сделать студенческий спортивную деятельность интересной, доступной и популярной. АССК России организует и проводит всероссийские, окружные, межрегиональные, областные, городские и локальные (на уровне образовательных организаций), физкультурные и образовательные мероприятия.

Касательно популяризации спортивно-оздоровительного движения среди всей молодежи России, а не только студенческого сообщества, мы можем выделить реализуемые в России мероприятия, например, в рамках федерального целевого проекта «Спорт – норма жизни» [10]. Благодаря данному проекту реализуются, такие мероприятия, как «Лыжня России», «Оранжевый Мяч», «Кросс Нации», «Декада спорта и здоровья», «День Физкультурника», «День здоровья».

Помимо этого, производится ремонт старых и строительство новых спортивных объектов по всей России – от дворовых площадок с тренажерами до дворцов спорта, способных принимать молодежь из других регионов и стран, проводить международные соревнования, а также ведется улучшение условий для подготовки спортивного резерва национальных сборных команд Российской Федерации. Спортивные школы и училища олимпийского резерва получают в свое распоряжение инвентарь, экипировку и технику, соответствующую стремительно изменяющимся требованиям ФКиС.

Спортивные и оздоровительные мероприятия способствуют развитию не только физической активности, но и формируют важные жизненные навыки и ЦО, которые молодежь может перенести в разные аспекты своей жизнедеятельности, тем самым «запускается» культура здоровья. Это зафиксировано в словах профессиональных спортсменов. Например, в интервью главы Федерации многоборья ГТО Санкт-Петербурга от-

мечено: «Более того, регулярные занятия спортом укрепляют уверенность в себе и воспитывают дисциплину, создавая чувство контроля над своей жизнью. Особенно это важно в нашем современном мире, полном непредсказуемых ситуаций и стресса. Регулярные тренировки стимулируют выработку эндорфинов – гормонов радости, которые поднимают настроение и помогают справиться с негативными эмоциями» [11].

По данным опроса, проводимого на платформе «Неравнодушный человек», 89 % российских студентов считают, что спорт может быть средством самореализации и достижения личных целей, 86 % ответили, что участие в физкультурно-спортивных мероприятиях может способствовать формированию дружеских отношений, командного духа и ценностных ориентиров в жизни [12].

Исследование специфики формирования ЦО молодежи в процессе ее социализации целесообразно рассматривать в двух взаимосвязанных ипостасях: усвоения и преобразования общественно-исторически накопленного опыта. Социализация молодежи в сфере спортивно-оздоровительной деятельности осуществляется при воздействии т.н. социальных агентов, т.е. физкультурно-спортивных организаций и социальных институтов, ответственных за организацию ФКиС. Социализация как процесс усвоения опыта в сфере ФКиС предполагает рассмотрение образования как важнейшего социального института и агента, поскольку на этом этапе социализации молодежи идет накопление и усвоение опыта, который, в свою очередь, способствует проявлению активности личности/группы.

Заключение.

Таким образом, популяризация спортивно-оздоровительного движения и спортивно-оздоровительной деятельности является стратегически важной задачей государства, которая способствует формированию полноценной, сознательной и ответственной молодежи. Спортивная деятельность помогает развивать не только физическую силу и выносливость, но и такие важные человеческие качества, как ответственность, честность, умение работать в команде и терпимость. На наш взгляд, важно продолжать развивать и поддерживать такие инициативы для укрепления здоровья, формирования культуры здоровья и ценностных ориентаций будущих поколений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492>
2. Опрос ВЦИОМ «Образ российской молодежи: мониторинг». URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring>
3. Опрос ВЦИОМ «Образ будущего: оценки россиян». URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan?ysclid=m4nnovi2m9432465171>
4. Мавропуло О.С. Культура здоровья и нездоровья в российском обществе : монография. Ростов-н/Д., 217. 218 с.
5. Каргин Н.Н. Теоретические основы здоровья человека и его формирования средствами физической культуры и спорта / Н.Н. Каргин, Ю.А. Лаамарти. М. : ИНФРА-М, 2022. 243 с.
6. Нестерова Е.В. Принципы, факторы и компоненты физкультурно-оздоровительной деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 1.
7. Планидин Е.С. Формирование ценностных ориентаций студенческой молодежи на спортивно-оздоровительную деятельность // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 2(60). С. 55–63.
8. Ахвердова О.А. К исследованию феномена «культуры здоровья» в области профессионального физкультурного образования / О.А. Ахвердова, В.А. Магин // Теория и практика физической культуры. 2002. № 9. С. 5–7.
9. Конькина Е.В. Здоровьесохранительные культурные формы: семантика и прагматика фольклора // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 1. С. 119.
10. ФЦП «Спорт – норма жизни». URL : <https://minsport.gov.ru/activity/gosprogramma/fed-proect-sngn>
11. Елена Комарова: «Спорт помогает обрести уверенность и контроль над жизнью». URL : <https://spbdnevnik.ru/news/2024-12-14/elena-komarova-sport-pomogaet-obresti-uverenost-i-kontrol-nad-zhiznyu>
12. Спорт: профессия или стиль жизни? URL : <https://www.неравнодушный.рф/news3>

References:

1. Order of the Government of the Russian Federation of November 24, 2020 No. 3081-r On approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2030. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492>
2. VTsIOM survey «Image of Russian youth: monitoring». URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring>
3. VTsIOM survey «Image of the future: assessments of Russians». URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan?ysclid=m4nnovi2m9432465171>
4. Mavropulo O.S. Culture of health and ill health in Russian society : monograph. Rostov-on/D., 217. 218 p.
5. Kargin N.N. Theoretical foundations of human health and its formation by means of physical culture and sports / N.N. Kargin, Yu.A. Laamarti. M. : INFRA-M, 2022. 243 p.
6. Nesterova E.V. Principles, factors and components of physical culture and health activities // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2010. № 1.
7. Planidin E.S. Formation of value orientations of student youth towards sports and health activities // Humanitarian of the South of Russia. 2023. Vol. 12. № 2(60). P. 55–63.
8. Akhverdova O.A. On the study of the phenomenon of «health culture» in the field of professional physical education / O.A. Akhverdova, V.A. Magin // Theory and practice of physical education. 2002. № 9. P. 5–7.
9. Kon'kina E.V. Health-protecting cultural forms: semantics and pragmatics of folklore // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2011. № 1. P. 119.
10. Federal Targeted Program «Sport is the Norm of Life». URL : <https://minsport.gov.ru/activity/gosprogramma/fed-proect-sngn>
11. Elena Komarova: «Sport helps to gain confidence and control over life». URL : <https://spbdnevnik.ru/news/2024-12-14/elena-komarova-sport-pomogaet-obresti-uverenost-i-kontrol-nad-zhiznyu>
12. Sports: Profession or Lifestyle? URL : <https://www.невидается.рф/news3>

Информация об авторах

Маланцева София Александровна
преподаватель
Академии физической культуры и спорта,
Южный Федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
sofger@sfedu.ru

Степанова Татьяна Анатольевна
директор
Академии физической культуры и спорта,

Sofia A. Malantseva
Lecturer of the Academy
of Physical Education and Sports,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don
sofger@sfedu.ru

Tatyana A. Stepanova
Director of the Academy
of Physical Education and Sports,

Южный Федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
tastepanova@sfedu.ru

Southern Federal University,
Rostov-on-Don
tastepanova@sfedu.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-17>

УДК 316

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ГЕНЕЗИС И ТРЕНДЫ

Оздоева Л.А.

Ингушский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена современным технологиям социальной адаптации молодежи. Актуальность данной темы сегодня приобретает новое звучание: молодежная политика каждой страны – это формирование и развитие ценностного потенциала общества, государства, личности. Автор исследует возможности для расширения и конструирования социальных адапторов. Цель исследования заключается в совершенствовании диагностики проблем студенческой молодежи для разработки и внедрения инновационных технологий коррекции девиантного поведения, профилактики негативных тенденций, в частности, моббинга. Результаты исследования представлены анализом различных элементов моббинга в студенческих группах: внутригрупповое конфликтное взаимодействие, межличностная конкуренция, формы санкций, эмоциональная взаимозависимость и др., а также анализом различных методов профилактики моббинга. Автор доказывает необходимость операционализации понятия применительно к формальным и неформальным группам молодежи. В статье сформулирован вывод о необходимости создания специализированных программ социальной реабилитации и профилактики девиантных проявлений в молодежной среде и представлены конкретные примеры внедрения мобильных социальных технологий в воспитательную работу среди студентов и аспирантов Ингушского государственного университета.

Ключевые слова: социологические исследования, социальные адапторы, социальная диагностика, моббинг, мобберы, межличностная конкуренция, психодиагностика, девиантные группы, волонтерские движения, молодежные инициативы.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG PEOPLE: GENESIS AND TRENDS

Lika A. Ozdоеva

Ingush State University

Abstract. The article is devoted to modern technologies of social adaptation of youth. The relevance of this topic today takes on a new meaning: youth policy of each country is the formation and development of the value potential of society, state, and individual. The author explores the possibilities for expanding and constructing social adapters. The purpose of the study is to improve the diagnostics of problems of student youth for the development and implementation of innovative technologies for the correction of deviant behavior, prevention of negative trends, in particular, mobbing. The results of the study are presented by the analysis of various elements of mobbing in student groups: intra-group conflict interaction, interpersonal competition, forms of sanctions, emotional interdependence, etc., as well as the analysis of various methods of mobbing prevention. The author proves the need to operationalize the concept in relation to formal and informal groups of youth. The article formulates a conclusion about the need to create specialized programs for social rehabilitation and prevention of deviant manifestations among young people and presents specific examples of the introduction of mobile social technologies in educational work among students and graduate students of the Ingush State University.

Keywords: sociological research, social adapters, social diagnostics, mobbing, mobbers, interpersonal competition, psychodiagnostics, deviant groups, volunteer movements, youth initiatives.

Funding: Independent work.

Введение.

Попытки осмысления механизмов социальной адаптации молодежи были предприняты в России в 20-е годы XX века. По различным данным за период 20–30-х годов было издано более 300 книг и брошюр по данной проблематике. В 60–70 годы XX века в стране проводились комплексные социологические исследования по изучению различных категорий молодежи. Происходит становление социологических центров по исследованию данной проблематики в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске и других городах страны.

По мнению социологов, возможно выделить четыре основополагающих направления социологического анализа молодежи:

- антропологическое (социально-психологическое);
- структурно-функциональное;
- социо-культурное (включающее изучение молодежных субкультур);
- интегративное (ювенологическое) [1; 2].

Согласно фундаментальным выводам выдающихся социологов Т. Парсонса и Р. Мертон, в своем развитии система ориентируется либо на эндогенные, либо на экзогенные факторы, стремясь к расширению адапторов. Молодежная политика — важнейший социальный адаптор.

В настоящее время уделяется внимание развитию социальной диагностики. Ученые из Южного федерального университета выделили основополагающие принципы диагностики социальных проблем молодежи: принцип объективности, принцип верификации, принцип системности, принцип клиентоцентризма. Все эти принципы возможно применить при изучении генезиса и перспектив студенческих волонтерских движений. Важную роль в процессе диагностики играют методы исторического, структурно-функционального, компаративного анализа и др.

Возрастает значение социальной профилактики с целью предотвращения возможных негативных процессов в молодежной среде: девиантного поведения, безнадзорности и беспризорности, насилия, молодежной безработицы и т.д. Возможно применение социальной адаптации, как технологии, в случае изменения социальных обстоятельств личности и социальной группы, а также обстоятельств форс-мажора.

Обсуждение.

В настоящее время кардинально увеличилось количество публикаций по социологическому анализу конфликтного взаимодействия в студенческой среде, в частности, социально-психологических особенностей моббинга. Тер-

мин происходит от английского глагола «to mob» (грубо обращаться, атаковать, нападать и др.). Одно из самых фундаментальных социологических исследований по анализу моббинга проводилось шведскими учеными в течение нескольких лет. Наиболее известным принято считать определение, предложенное Х. Лейманом. Оно определяет моббинг, как отрицательное коммуникативное действие, направленное против личности и совершаемое мобберами.

Шведскими учеными под руководством Х. Леймана были выявлены закономерности протекания моббинга: конфликтогенные отношения в группе, переход к моббингу, применение мер по урегулированию конфликтных ситуаций, определение фазы протекания конфликта, завершение конфликта. По мнению шведских ученых, причины моббинга в профессиональных группах сводятся к особенностям совместной деятельности, отсутствию возможностей самореализации, неопределенности критериев контроля со стороны руководства проектами. По мнению шведских ученых, моббинговые действия возможно классифицировать по эффекту воздействия: ограничение возможностей общения, посягательство на социальный статус, угроза состоянию здоровья, ограничение возможностей профессионального роста, вызовы и т.д.

Ученые Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова отмечают, что тренды взаимодействия в студенческой группе, с одной стороны, направлены на овладение профессиональными знаниями, с другой стороны, на создание атмосферы эмпатии или конкуренции. Развитие волонтерских движений необходимо, поскольку вертикальная структура студенческих групп формируется административным аппаратом университетов и старостами. Иногда лидеры студенческих групп определяются в ситуациях форс-мажора.

Особенности моббинга в студенческой среде детерминируются во многом эмоциями, которые могут придать конфликту деструктивный характер. Анализ социологических исследований по моббингу в студенческой среде позволяет выделить следующие критерии: когнитивные противоречия; эмоциональная напряженность в функционировании группы; особенности эмпирических форм взаимодействия.

Анализ эмпирических исследований проблемы по регионам указывает на следующие особенности моббинга в студенческих группах.

Во-первых, моббинг возможно определить, как элемент межличностных конфликтных взаимоотношений.

Во-вторых, моббинг возможно рассматривать, как выражение межличностной конкуренции.

В-третьих, моббинг возможно анализировать, как запретительные формы санкций большей части студенческой группы против меньшей. В целом имеются основания выделять в данном контек-

сте санкции группы; санкции формальных и неформальных лидеров; санкции жертв моббинга.

В-четвертых, необходимо исследовать генезис моббинга в контексте эмоциональных условий функционирования студенческих групп.

В пятых, анализировать моббинг с позиции открытости или закрытости студенческой группы, как системы, по отношению к вузу.

Результаты.

По мнению исследователей из Воронежского государственного университета, возможно сделать следующие выводы. Важнейшим элементом социологического анализа моббинга является операционализация понятия в контексте оценки уровня эмоциональной напряженности в студенческих группах. Для полноты оценки возможно применение методов психодиагностики.

Проблемные аспекты деятельности студенческих коллективов связаны с особенностями санкций формального и неформального характера. Моббинг – теоретически недостаточно изученное явление. Важнейшей задачей является операционализация понятия применительно к формальным и неформальным студенческим группам, и объединениям.

Одновременно существует целый ряд факторов, связанных с тенденциями социально-экономического развития, нуждающихся в постоянном мониторинге: демографическая ситуация, состояние здоровья молодежи и подростков, профилактика алкоголизма и применения психостимуляторов в молодежной среде и др.

Мониторинг Управления Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области выявил следующие группы рисков, оказывающие влияние на состояние здоровья молодежи.

Во-первых, к ним относят биологические (высокий уровень хронических, врожденных и генетических заболеваний родителей).

Во-вторых, медико-организационные, связанные с уровнем диспансерно-поликлинического наблюдения.

В-третьих, социально-средовые, обусловленные тенденциями экономического развития, снижением культурного уровня населения.

Также, острой проблемой для регионов является несовершенство системы контроля за выбытием учащихся, по различным причинам, не получившим основного общего образования. В регионах возрастает тенденция обращения подростков в вечерние (сменные) общеобразовательные школы, имеющих перерыв в учебе в несколько лет. Это – также потенциально возможный фактор моббинга в молодежной среде.

В данном контексте важную роль играет социальная профилактика с целью воздействия на определенные социальные группы для сохранения их функционального состояния и предотвращения возможных негативных последствий.

Реализация профилактических мер осуществляется при помощи определенных технологий. В частности, значительную роль играют технологии социальной адаптации. Социальная адаптация представляет собой многоуровневый структурный феномен в условиях социальных изменений [3; 5]. Необходимость в социальной адаптации может быть вызвана изменением социального статуса, социальной роли, миграцией и т.д. В практике воспитательной работы с молодежью и студентами возрастает роль социальной реабилитации, т.е. применения комплекса мер, направленных на восстановление социального статуса, здоровья, дееспособности [1; 7].

При реализации комплекса мер ученые рекомендуют соблюдать основные принципы реабилитации: соблюдение этапов, комплексность, доступность, дифференцированность, непрерывность и др. Анализируя тренды социальной реабилитации, ученые подробно описали следующие уровни: профессионально-трудовой, медико-социальный, социально-психологический, социально-ролевой, социально-трудовой, социально-правовой, социально-бытовой и др.

В данном контексте, широко применяются социально-психологические технологии. К наиболее распространенным относятся: психологическое консультирование девиантных групп, применение диагностического и функционального подходов, психоаналитика, применение бихевиористской психотерапии, личностной психотерапии.

В целях профилактики девиантного поведения в молодежной среде, необходимо создание комплексной системы работы с группами риска по формированию социальных адапторов и предотвращения проявлений агрессии. Специализированные учебные заведения осуществляют деятельность в сферах профилактики беспризорности и безнадзорности, оказания медицинских услуг подросткам; формирования у подростков положительного опыта социального поведения; выполнения попечительских функций; психологической поддержки; содействия возвращению в семью; получение образования и профессиональных навыков; оказание помощи в трудоустройстве и т.д.

В настоящее время внимание уделяется трудовой интеграции и профессиональной переподготовке. Молодые люди, в том числе выпускники университетов и вузов, неизбежно сталкиваются с проблемами социальной адаптации [4; 6]. Независимо от количества вакансий молодым людям сложно определиться с выбором профессии. Им необходимо содействие в получении вакансий на рынке труда. Молодые люди по

уровню образования и квалификации не всегда соответствуют требованиям, предъявляемым работодателями.

Наиболее востребованы на рынке труда специальности, связанные с инновационными технологиями, процессами дигитализации, искусственным интеллектом, инжинирингом, медицинскими технологиями и др. Необходимо разрабатывать программы социальной адаптации молодежи к требованиям рынка труда на базе федеральных университетов с использованием инновационных технологий. В настоящее время все большее значение приобретает социальная работа с молодежью.

Заключение.

Современные технологии мобильной адаптации применяются в воспитательной работе со студентами и выпускниками Ингушского государ-

ственного университета. Принцип состоит в солидарном взаимодействии с волонтерскими движениями и организациями. Поскольку в молодежной среде доминируют групповые интересы, большое внимание уделяется внедрению мобильных технологий в воспитательную работу среди студентов и выпускников университета. В университете регулярно проводятся встречи со студентами и аспирантами, социологические опросы, осуществляется поддержка молодежных инициатив и программ дополнительного образования.

Исходя из взаимообусловленности процессов социальной адаптации студентов и аспирантов, необходимо активное внедрение технологий социальной профилактики в учебный процесс университетов и вузов страны. Целесообразно разработать комплексную ювенильную политику для всех категорий молодежи и студентов, способствующую их реализации на рынке труда.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Пищачина Ю.А. Исследование ценностных ориентаций молодежи в современной России / Ю.А. Пищачина, В.В. Стебляк // В сборнике: Научные исследования молодых ученых. Сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 237–240.
2. Социальная и профессиональная адаптация молодежи : монография / Ю.С. Афанасьева [и др.]; Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани. М., 2023.
3. Дякин А.В. Социальная адаптация молодежи в современном обществе / А.В. Дякин, Д.А. Лыхин // Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 1.
4. Иванов С.Ю. «Виртуальный» человеческий капитал и профессиональная адаптация молодежи / С.Ю. Иванов, Д.В. Иванова, В.А. Чвякин // Социодинамика. 2023. № 6. С. 1–21.
5. Российская молодежь: социальная диспозиция и перспектива / Е.В. Реутов [и др.] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 3(71). С. 132–137.
6. Халиулина А.И. Социальная адаптация молодежи Башкортостана в современных социально-экономических условиях (по результатам социологического опроса) // Социодинамика. 2023. № 6. С. 37–47.
7. Черепенкова А.О. Адаптация студенческой молодежи в высшем учебном заведении // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2023. № 19. С. 109–114.

References:

1. Pishchagina Yu.A. A study of the value orientations of youth in modern Russia / Yu.A. Pishchagina, V.V. Steblyak // In the collection: Scientific research of young scientists. Collection of articles of the XXVI International Scientific and Practical Conference. Penza, 2024. P. 237–240.
2. Social and professional adaptation of youth : monograph / Yu.S. Afanasyeva [et al.]; Witte Moscow University, branch in Ryazan. M., 2023.
3. Dyakin A.V. Social adaptation of youth in modern society / A.V. Dyakin, D.A. Lykhin // Science and Education. 2023. Vol. 6. № 1.
4. Ivanov S.Yu. «Virtual» human capital and professional adaptation of youth / S.Yu. Ivanov, D.V. Ivanova, V.A. Chvyakin // Sociodynamics. 2023. № 6. P. 1–21.
5. Russian youth: social disposition and perspective / E.V. Reutov [et al.] // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences. 2023. № 3(71). P. 132–137.

6. Khaliulina A.I. Social adaptation of the youth of Bashkortostan in modern socio-economic conditions (according to the results of a sociological survey) // Sociodynamics. 2023. № 6. P. 37–47.
7. Cherepnenkova A.O. Adaptation of students in higher education institutions. Education and science without borders: social and humanitarian sciences. 2023. № 19. P. 109–114.

Информация об авторе

Оздоева Лика Абукаровна
проректор по молодежной политике
и воспитательной работе,
Ингушский государственный университет
lika.ozdоеva@yandex.ru

Lika A. Ozdоеva
Vice-Rector for Youth Policy
and Educational Work,
Ingush State University
lika.ozdоеva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-10>

УДК 342.5

Attribution

cc by

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Родюкова Т.Н.

МИРЭА – Российский технологический университет

Аннотация. В статье проводится анализ взаимодействия населения и органов власти в области противодействия коррупции, определяется степень важности информирования граждан о деятельности органов государственной власти как одного из способов взаимодействия. Уделено внимание нормативно-правовой базе в части участия граждан в противодействии коррупции и в общественном контроле, представлены точки зрения исследователей на роль граждан в профилактике коррупции. В своей работе автор приводит результаты социологических исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения, показывающих отношение населения к коррупции и деятельности органов власти, а также результаты опросов граждан субъектов РФ, проведенных органами власти этих субъектов в рамках поставленных задач в Национальном плане противодействия коррупции, выявляет отношение к коррупции граждан, к антикоррупционной деятельности органов публичной власти, определяет их информированность о проводимых мероприятиях в этой области.

Ключевые слова: органы власти, население, взаимодействие, коррупция, противодействие коррупции, социологические исследования, информирование, субъекты РФ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INTERACTION OF THE POPULATION AND PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Tatiana N. Rodyukova

MIREA – Russian University of Technology

Abstrat. The article analyzes the interaction of the population and authorities in the field of combating corruption, determines the importance of informing citizens about the activities of public authorities as one of the ways of interaction. Attention is paid to the regulatory framework regarding the participation of citizens in combating corruption and in public control, and the views of researchers on the role of citizens in preventing corruption are presented. In his work, the author cites the results of sociological research conducted by the All-Russian Center for the Study of public opinion, showing the attitude of the population to corruption and the activities of government authorities, as well as the results of surveys of citizens of the subjects of the Russian Federation conducted by the authorities of these subjects within the framework of the tasks set in the National Plan for Combating Corruption, reveals the attitude of citizens to corruption, to the anti-corruption activities of public authorities. It determines their awareness of the activities carried out in this area.

Keywords: authorities, population, interaction, corruption, anti-corruption, sociological research, information, subjects of the Russian Federation.

Funding: Independent work.

Введение.

Коррупция представляет собой угрозу для эффективного функционирования любого государства. Подстраиваясь под изменение условий общественной жизни, появляются новые формы и виды коррупционных отношений, влекущие за

собой ущерб в экономической, политической, социальной, духовной жизни страны. Поэтому противодействие коррупции является одним из основных направлений современной политики государства.

Ущерб экономике государства от коррупционных

преступлений рассчитывается миллиардами и кроме этого негативно сказывается на нравственном состоянии общества, снижает уровень доверия граждан к органам публичной власти. По данным Следственного комитета, за 9 месяцев 2023 года в суды направлены почти 8000 дел о коррупции. Среди них 67 % дел о взяточничестве, 13 % – о мошенничестве, расследованы 118 уголовных дел в отношении организационных групп и преступных сообществ. В 2024 году за тот же период в суд передали уже 9000 дел, а ущерб составил 14,2 миллиарда рублей. В результате этого, председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин отмечает важность использования комплексных мер для совершенствования противодействия коррупции, которые направлены на повышение эффективности работы уполномоченных на это государственных органов, разработку соответствующего законодательства и усиление профилактической работы [3].

Обсуждение.

Эффективность деятельности по противодействию коррупции во многом зависит от уровня развития общества и соответственно от качества взаимодействия органов власти с населением. Учитывая важность, данного вопроса для общества, тема коррупции и антикоррупционных мероприятий является одним из актуальных направлений исследований.

Следует согласиться с А.М. Муртазалиевым, который обращает внимание на то, что борьба с коррупцией силами только правоохранительных органов и всего государственного аппарата не будет эффективной без согласованных усилий государства и общественных институтов [5, с. 6].

Необходимость такого взаимодействия, отмечает П.Ю. Кузнецова, основываясь на социальной сущности коррупции как общественного явления и субъектном участии граждан в коррупционных действиях наравне с государственными и муниципальными служащими, из чего следует необходимость совместных действий в профилактике коррупции и формированию нетерпимого к ней отношения в обществе [4, с. 81].

И.М. Алиева также подчёркивает важную роль общественного сознания в преодолении коррупционных явлений и вводит такое понятие, как «антикоррупционная компетентность». Данное понятие включает в себя не только знания человека о коррупции, о её видах, особенностях проявления, установки поведения, но и опыт, который он приобретает при взаимодействии с органами власти [1].

Вместе с тем, Е.С. Чеботаренко обращает внимание на то, что эффективность общественного участия и общественного контроля в противодействии коррупции зависит от информационной открытости органов государственной и муниципальной власти [15, с. 67].

Также, в своих исследованиях мы отмечаем, что использование принципа открытости органа власти приводит к эффективности государственного управления [13, с. 86].

Следует отметить, что в настоящий момент уровень сознания и ответственности граждан в области противодействия коррупции достаточно высок. Так, по данным сетевого издания Коммерсантъ, россияне оценивают коррупцию (взяточничество) как серьёзный проступок, который нельзя оправдать. С этим согласны 85 % опрошенных. Среди причин, способствующих коррупционному поведению респонденты выделяют такие как поощрение коррупции государством, отсутствие контроля, коррумпированность самих органов власти, особенности менталитета [14].

На законодательном уровне можно отметить ряд аспектов говорящих о взаимодействии органов власти и граждан в области противодействия коррупции. Об этом свидетельствует включение граждан и организаций в саму систему борьбы с коррупцией. Современное законодательство определяет одним из субъектов деятельности по противодействию коррупции, действующих в рамках своих полномочий наравне с органами власти, граждан и организации. Поэтому деятельность органов власти должна быть направлена на сотрудничество с ними путём развития институтов общественного контроля за соблюдением законодательства в области противодействия коррупции. Право граждан на эту деятельность подтверждается также принципами, закреплёнными в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Также в Федеральном законе от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» законодатель закрепляет право общественных институтов и граждан за счёт своих средств проводить антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов.

Как говорилось выше, важным аспектом эффективного взаимодействия граждан с органами государственной власти является информационная открытость последних. По мнению граждан, наиболее значимой характеристикой открытости органов власти является отсутствие коррупции. Так считают 35 % респондентов, проведённых исследований ВЦИОМ [2]. Для установки прочной обратной связи с гражданами в этом вопросе были поставлены задачи в Национальном плане противодействия коррупции о проведении социологических исследований, которые показали бы оценку гражданами деятельности органов власти того или иного субъекта РФ. Для этих целей Правительством РФ разработана Методика проведения социологических исследований [6].

Результаты.

Уполномоченные региональные органы власти, опираясь на данную Методику проводят социологические исследования. К сожалению, не все региональные правительственные порталы предлагают такую информацию, что снижает

возможность получить достоверные материалы о деятельности органов власти, также снижается уровень информированности граждан. Респонденты субъектов РФ отмечают, что коррупции больше на федеральном уровне нежели на региональном и муниципальном уровне (табл. 1).

Таблица 1

Динамика коррупции [7;8;10]

Уровень власти	Архангельская область (%)	Краснодарский край (%)	Республика Алтай (%)
Федеральный уровень			
Стало больше/не изменился/стало меньше	23/33,5/24,2	33,8/33,8/13,5	20/30,8/18,3
Уровень субъекта РФ			
Стало больше/не изменился/стало меньше	7,7%/38,6/24,4	18,9/40,8/11,4	10,5/33,8/19,3
Муниципальный уровень			
Стало больше/не изменился/стало меньше	6,5/40,6/29,2	16/47,7/12,8	7,8/35,3/18,5

В основном большинство опрошенных граждан считают, что за последние год-два уровень коррупции не изменился.

В ходе исследования было выявлено, что большинство граждан осуждают и тех, кто даёт взятки, и тех, кто их берёт (табл. 2).

Таблица 2

Отношение граждан к даче взятки [7; 11; 12]

Вопросы анкеты	Архангельская область (%)	Республика Алтай (%)	Сахалинская область (%)
Осуждаю тех, кто даёт взятки, и тех, кто их берёт	58,5	42,0	31,8
Не осуждаю ни тех, кто даёт взятки, ни тех, кто их берёт	15,5	22,5	15,2

Респонденты выделяли также основные причины, по которым точно не давали бы взятку. Самыми популярными оказались, связанные с принципиальностью граждан (табл. 3).

Тем не менее респонденты также выделили причины из-за которых решились бы дать взятку (табл. 4).

Таблица 3

Причины отказа от дачи взятки [7; 9; 12]

Вопросы анкеты	Архангельская область (%)	Красноярский край (%)	Сахалинская область (%)
Для меня это слишком дорого	10,1	13,8	14,4
Мне противно это делать	14,4	16,9	9,1
Я принципиально не даю взятку, даже если все это делают	35,3	20,5	17,0
Я боюсь, что меня поймут и накажут	5,8	8,1	13,2

Таблица 4

Причины согласия на дачу взятки [7;11;12]

Вопросы анкеты	Архангельская область (%)	Республика Алтай (%)	Сахалинская область (%)
Если только принудят (намекают, создают подобную ситуацию)	15,1	25,9	24,3
Если известно заранее, что без взятки не обойтись	23,0	29,6	31,3
Если требуется 100-процентного результата, так надёжнее	31,7	22,2	24,8

Данные результаты наглядно показывают отношение граждан к коррупции, что позволяет сделать вывод о существующих тенденциях в обществе и необходимости проводить в дальнейшем мероприятия, позволяющие формировать устойчивое негативное отношение к коррупции.

Также, социологические исследования затрагивали тему взаимодействия органов власти и населения в рамках информирования граждан о мерах, которые власти принимают для противодействия коррупции. В основном респонденты показали небольшую осведомлённость в этих

вопросах. Наиболее неосведомлёнными оказались жители Новосибирской области. Следует также отметить за последние годы повышение

интереса граждан к информации об антикоррупционной деятельности органов власти (табл. 5).

Таблица 5

Информированность граждан о мероприятиях антикоррупционной направленности [7;9;10;12]

Вопросы анкеты	Архангельская область (%)	Красноярский край (%)	Новосибирская область (%)	Сахалинская область (%)
Известно, постоянно слежу об этом	7,8	7,4	4,0	18
Известно, но специально не слежу за этим	24,5	26,1	19,0	36,5
Что-то слышал, но определённо ничего не могу сказать	35,6	28,3	29,0	29,2
Ничего не знаю об этом	31,5	33,1	47,0	16,3

Отсутствие информации негативно сказывается на оценке деятельности органов власти в борьбе с коррупцией. Многие респонденты отмечают, что что-то слышали о проводимой антикоррупционной деятельности, но воспроизвести не смогут. Это говорит о том, что проводимые мероприятия имеют узкий формат и в их реализацию

не вовлекается население. В итоге, граждане предполагают, что органы власти если и занимаются борьбой с коррупцией, то это делают неэффективно, т.к. не имеют к этому должного стремления. Самый высокий процент негативной оценки в этой области был получен от населения Красноярского края (табл. 6).

Таблица 6

Суждения граждан о борьбе с коррупцией органов власти [7;8;9;12]

Вопросы анкеты	Архангельская область (%)	Краснодарский край (%)	Красноярский край (%)	Сахалинская область (%)
Руководство нашего региона хочет и может эффективно бороться с коррупцией	30,4	11,8	8,9	31,8
Руководство нашего региона хочет, но не может эффективно бороться с коррупцией	27,3	22,1	21,8	22,3
Руководство нашего региона может, но не хочет эффективно бороться с коррупцией	23,3	32,3	40,8	16,8
Руководство нашего региона не хочет и не может эффективно бороться с коррупцией	11,7	22,5	21,8	15,2

Информирование граждан о своей деятельности в области противодействия коррупции является важным способом взаимодействия населения и органов власти, его отсутствие снижает эффективность профилактической деятельности противодействия коррупции. Основной площадкой для этого служат электронные ресурсы. Именно в этой области в современном обществе существует запрос на взаимодействие с органами власти. По данным исследований ВЦИОМ платформой для взаимодействия с органами власти за последнее время стали интернет-сервисы (52 %) и официальные сайты (44 %). Личные встречи предпочли только 36 % опрошенных граждан [2].

Заключение.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Граждане являются важными участниками в процессе противодействия коррупции. Активная позиция гражданского общества позволяет сде-

лать профилактику коррупционных правонарушений наиболее эффективной.

2. Информированность населения о мероприятиях, носящих противокоррупционный характер, позволяют повысить доверие к деятельности органов власти.

3. Существующие проблемы в этой области, такие как отсутствие информации, неготовность органов власти к взаимодействию с гражданами в сфере противодействия коррупции приводят к негативной оценке работы государственных органов, что отрицательно сказывается на отношении граждан к органам власти, снижении уровня доверия к ним.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в плане противодействия коррупции органам власти необходимо развивать способы взаимодействия с гражданами, используя Интернет-ресурсы путём размещения на них необходимой информации, что на данное время ещё недостаточно развито.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Алиева И.М. Формирование антикоррупционного сознания // Вестник молодежной науки. 2018 URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-antikorrupsionnogo-soznaniya-1> (дата обращения 17.01.2025).
2. ВЦИОМ. Открытость органов государственной власти как способ повышения эффективности государственного управления в части профилактики коррупции. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-v-rossii-zaprosy-ozhidaniya-nadezhdy> (дата обращения 17.01.2025).
3. Информационное агентство ТАСС. URL : <https://tass.ru/interviews/19484225> (дата обращения 17.01.2025).
4. Кузнецова П.Ю. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (Российский опыт) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 4. С. 80–88.
5. Муртазалиев А.М. Теоретико-правовые проблемы взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2012. Вып. 2. С. 5–9.
6. Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 года № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации». URL : <https://docs.cntd.ru/document/554707087> (дата обращения 17.01.2025).
7. Правительство Архангельской области. URL : <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/b5ab8d6b95750cd1aec7115e67bb80b7/default/?&> (дата обращения 12.01.2025).
8. Правительство Краснодарского края. URL : <https://admkrasnodar.ru/content/1276>; Правительство Красноярского края. URL : <http://www.krskstate.ru/korrup/stat/page4599> (дата обращения 12.01.2025).
9. Правительство Красноярского края. URL : <http://www.krskstate.ru/korrup/stat/page4599> (дата обращения 12.01.2025).
10. Правительство Новосибирской области. URL : <https://www.nso.ru/page/26838> (дата обращения 12.01.2025).
11. Правительство республики Алтай. URL : <https://www.altai-republic.ru/activity/korrupsiya-net/statisticheskaya-informatsiya.php> (дата обращения 12.01.2025).
12. Правительство Сахалинской области. URL : <https://sakhalin.gov.ru/?id=121> (дата обращения 12.01.2025).
13. Родюкова Т.Н. Открытость органов государственной власти как способ повышения эффективности государственного управления в части профилактики коррупции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 83–88.
14. Сетевое издание «Коммерсантъ». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (дата обращения 17.01.2025).
15. Чеботаренко Е.С. Эффективность институтов гражданского общества по противодействию коррупции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 64–69.

References:

1. Alieva I.M. Formation of anti-corruption consciousness // Bulletin of Youth Science. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-antikorrupsionnogo-soznaniya-1> (date of application 17.01.2025).
2. VTsIOM. Openness of public authorities as a way to increase the effectiveness of public administration in terms of corruption prevention. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-v-rossii-zaprosy-ozhidaniya-nadezhdy> (date of application 17.01.2025).
3. TASS News Agency. URL : <https://tass.ru/interviews/19484225> (date of application 17.01.2025).
4. Kuznetsova P.Y. Participation of civil society institutions in public anti-corruption control (Russian experience) // Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Pravo. 2015. № 4. P. 80–88.
5. Murtazaliev A.M. Theoretical and legal problems of interaction between authorities and civil society institutions in the field of anti-corruption // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2012. Iss. 2. P. 5–9.
6. Decree of the Government of the Russian Federation № 662 dated May 25, 2019 «On approval of the methodology for conducting sociological research in order to assess the level of corruption in the subjects of the Russian Federation». URL : <https://docs.cntd.ru/document/554707087> (date of application 17.01.2025).
7. The Government of the Arkhangelsk region. URL : <https://office.dvinaland.ru/docs/pub/b5ab8d6b95750cd1aec7115e67bb80b7/default/?&> (date of application 12.01.2025).

8. The Government of the Krasnodar Territory. URL : <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1276>; Government of the Krasnoyarsk Territory. URL : <http://www.krskstate.ru/korrupt/stat/page4599> (date of application 12.01.2025).
9. The Government of the Krasnoyarsk Territory. URL : <http://www.krskstate.ru/korrupt/stat/page4599> (date of application 12.01.2025).
10. Government of the Novosibirsk region. URL : <https://www.nso.ru/page/26838> (date of application 12.01.2025).
11. The Government of the Altai Republic. URL : <https://www.altai-republic.ru/activity/korrupsiya-net/statistic/heskaya-informatsiya.php> (date of application 12.01.2025).
12. Government of the Sakhalin region. URL : <https://sakhalin.gov.ru/?id=121> (date of application 12.01.2025).
13. Rodyukova T.N. Openness of public authorities as a way to increase the effectiveness of public administration in preventing corruption // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 11. С. 83–88.
14. Online publication «Kommersant». URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (date of application 17.01.2025).
15. Chebotarenko E.S. The effectiveness of civil society institutions in combating corruption // State and municipal administration. Scientific notes of SKAGGS. 2016. № 4. P. 64–69.

Информация об авторе

Родюкова Татьяна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
МИРЭА – Российский технологический университет,
г. Москва
ORCID 0000-0002-0553-0890
Rodiukova.T@yandex.ru

Tatiana N. Rodyukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Organizational
and Personnel Work in Public Authorities,
MIREA – Russian Technological University, Moscow
ORCID 0000-0002-0553-0890
Rodiukova.T@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-11>

УДК 316.3

Attribution

cc by

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ИНВАЛИДАМ В РФ

Сабанов З.М.

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы комплексной реабилитации инвалидов в РФ, раскрываются основные направления реабилитации инвалидов, представлены определяющие термины и понятия, раскрывающие современные тенденции и содержательные основы социальной защиты инвалидов, включая вопросы социальной адаптации и интеграции, а также вопросы организации социальной помощи как приоритетного направления государственной политики в отношении инвалидов.

Исследование позволило сделать выводы о том, что комплексная реабилитация инвалидов включает достаточно полную компенсацию потребностей инвалидов в услугах, направленных на профилактику и лечение функциональных нарушений и ограничений жизнедеятельности, а главными факторами её успешности в являются формирование и системное развитие социальной помощи; конструирование адаптированного пространства для инвалидов и укрепления их межличностных связей; обеспечение возможности для личного развития через участие в социальной жизни общества.

Социальная поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья крайне необходима, так как данной категории граждан нужна срочная социальная помощь для нормальной жизнедеятельности и социальные службы, обязаны обеспечить им достойные меры комплексной реабилитации. На первый план здесь выходит качество работников социальной сферы их комплексный и грамотный подход при планировании мер социальной поддержки.

Проанализированный научный дискурс в области социальной поддержки и реабилитации инвалидов, определил необходимость дальнейшего совершенствования системы социальной поддержки инвалидов в РФ, в основе которой лежит повышение качества, объективности, «прозрачности» и доступности услуг по социальному сопровождению инвалидов и определение их потребностей в технологиях социальной поддержки и реабилитации.

Ключевые слова: комплексная социальная реабилитация; организации медико-социальной реабилитации; социально-средовая реабилитация; рациональное трудоустройство; социальная интеграция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MODERN TECHNOLOGIES OF SOCIO-ECONOMIC ASSISTANCE TO DISABLED PEOPLE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zaurbek M. Sabanov

K.L. Khetagurov North Ossetian State University

Abstract. The article deals with the problems of comprehensive rehabilitation of the disabled in the Russian Federation, reveals the main directions of the rehabilitation of the disabled, presents the defining terms and concepts that reveal the current trends and substantive foundations of the social protection of the disabled, including the issues of social adaptation and integration, as well as the organization of social assistance as a priority direction of the state policy in relation to the disabled.

The study made it possible to conclude that comprehensive rehabilitation of disabled people includes a fairly complete compensation for the needs of disabled people in services aimed at the prevention and treatment of functional disorders and limitations of vital activity, and the main factors of its success are the formation and systematic development of social assistance; the design of an adapted space for people with disabilities and the strengthening of their interpersonal ties; providing opportunities for personal development through participation in the social life of society.

Social support for persons with disabilities is extremely necessary, since this category of citizens needs urgent social assistance for normal life and social services are obliged to provide them with decent measures of comprehensive rehabilitation. The quality of social workers, their comprehensive and competent approach to planning social support measures comes to the fore here.

The analyzed scientific discourse in the field of social support and rehabilitation of people with disabilities determined the need for further improvement of the system of social support for people with disabilities in the Russian Federation, which is based on improving the quality, objectivity, «transparency» and accessibility of services for social support of people with disabilities and determining their needs for technologies of social support and rehabilitation.

Keywords: comprehensive social rehabilitation; organizations of medical and social rehabilitation; social and environmental rehabilitation; rational employment; social integration.

Funding: Independent work.

Введение.

Инвалид сегодня может являться независимым от милосердия сограждан бенефициарием программ социальной защиты, а полноценным членом общества. Однако в этой реинтеграции он вправе рассчитывать на поддержку со стороны государства. Адекватная этой цели стратегия предполагает, прежде всего, создание доступной среды, устранение деприваций, порожденных исключением инвалидов из активной деятельности.

Инвалиды являются более уязвимой и менее защищённой категорией населения, поскольку у них наиболее обширные потребности в медицинском, а также социальном обслуживании. Отношение к инвалидам на определённом историческом промежутке времени существенно отличалось от сегодняшнего.

Обсуждение.

В средневековье преобладало мнение о том, что наиболее оптимальным образом жизни таких больных служили только заточение и изоляция, а об участии в нормальной повседневной жизни даже не шло речи. Сейчас же дела с отношением к инвалидам обстоят иначе [5, с. 18].

Тем не менее, идея социальной интеграции инвалидов в рамках социальной политики стала реализовываться лишь в 20 веке. В первую очередь, это происходило через защиту и обеспечение равных прав с другими для конкретных слоёв населения. Инвалиды же оказались последними в списке, кто смог обрести на западе равные права со всеми. Понять обществу полный смысл демократии помогли общественные движения, речи активистов и учёных из числа инвалидов.

Как показывает статистика, предоставленная на официальном сайте реестра инвалидов, в России на февраль 2024 года насчитывалось свыше 11 миллионов зарегистрированных инвалидов. Причём, их численность среди женщин в процентном соотношении составляет 57 % от общего числа инвалидов, а среди мужчин – 43 %. Если переводить проценты в числа, то мы получим следующее: женщины – 6169976 человек, муж-

чины – 4707097 чел. Приведённые цифры показывают, насколько остро стоит проблема инвалидизации населения не только в нашей стране, но и во всём мире [1, с. 24].

Согласно медицинской модели инвалидности, хроническое заболевание, инвалидность, ограниченность возможностей обусловлено физическими свойствами лица, что однозначно ставит это лицо в неблагоприятные условия по сравнению с окружающими.

Таким образом, подходы к проблеме инвалидности связаны с вопросами о диагностике, лечении заболеваний, изысканию возможностей контролировать заболевание, менять его течение в более благоприятную сторону.

Гуманное общество должно, исходя из этой модели, в первую очередь, выделять адекватные ресурсы на медицинское обслуживание граждан с инвалидностью; акцент делается на возможностях для лечения заболеваний с целью улучшить физическое состояние инвалида и спектр доступных ему возможностей, подвести его как можно ближе к «нормальной жизни»; центральное место в этой модели отводится врачам и лечению [3, с. 29].

Существуют так называемые факторы риска инвалидности. Важно отметить, что факторы риска не являются истинными причинами заболевания, они лишь обуславливают отклонения в росте и развитии, а также возникновение болезни и даже летальных исходов. Данные факторы можно разделить на следующие четыре группы:

I. Биологические. К биологическим факторам относят:

1) состояние материнского здоровья, осложнённое протекание беременности и родов, что приводит к развитию заболеваемости, младенческой и детской смертности, появлению перинатальной патологии, а также нарушение роста и развития.

2) генетические – наследственные заболевания, детская смертность, рождение незрелого плода, самопроизвольные аборт и т.д.

II. Вторую группу составляют условия жизнедеятельности, к которым относятся плохое питание, раннее начало трудовой деятельности, условия окружающей среды и степень загрязнённости экологии, наличие стресса в нашей повседневной жизни.

III. Медико-социальные факторы риска. В данную группу включают наличие бедных семей, так как, по причине малообеспеченности, они не могут позволить себе должного дорого лечения. Также сюда включают неполные семьи, детей без попечения родителей, безнадзорных детей, детей матерей-подростков.

Перечисленным категориям населения уделяется особое внимание, потому что, чаще всего, за ними нет контроля, они взрослеют раньше положенного срока, вступают в сомнительные отношения и половые связи под различными веществами (алкоголь, наркотики и другая различная химия), что приводит, в случае зачатия, к различным нарушениям в развитии и росте плода, а уже после рождения ребёнка к различным тяжким заболеваниям, которые даже не поддаются лечению или же коррекции.

И, наконец, четвёртую группу факторов риска инвалидности составляют медико-организационные, которые включают:

- недостаток в системе медицинской помощи подросткам;
- недостаточное внимание к наличию потребности формировать здоровый образ жизни среди населения;
- отсутствие мониторинга состояния здоровья среди детей и подростков, а также снижение профилактики в медицинском обеспечении.

Исследования, которые проводятся с целью изучения структуры детской инвалидности, показывают, что ведущее место, более 60 %, среди болезней, которые обуславливают инвалидность среди всех возрастных групп, занимают сердечно-сосудистые заболевания психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы и врождённые аномалии развития. Также сюда относят различные инфекционные и соматические заболевания, составляющие 21,5–34,5 %. В последние годы также было замечено возрастание болезней эндокринной системы и злокачественных новообразований.

Основной причиной детской инвалидности среди заболеваний нервной системы является детский церебральный паралич (ДЦП). Его распространённость в России составляет 2–5 случаев на 1000 детей, что в два – пять раз выше, чем за рубежом [2, с. 5].

Кроме ДЦП, а в некоторых случаях совместно с ним, ещё одной распространённой причиной инвалидности является эпилепсия, которая приводит к дефициту движения и созданию ситуа-

ции, угрожающей не только здоровью, но и жизни ребёнка, т.к. эпилептические припадки наступают неожиданно, могут проходить в тяжёлой форме и нести за собой физические повреждения.

Инвалидность является очень значимой и довольно распространённой медико-социальной проблемой. Она является одним из главных показателей здоровья детского населения. Также, это один из основных показателей уровня жизни. Основным путём снижения детской инвалидности является её профилактика, что неразрывно связано с проблемой охраны материнства и детства.

Наблюдается также недоучёт детской и взрослой инвалидности, который связан со сложным юридическим оформлением данной проблемы, недостаточной осведомлённостью родителей в области рассматриваемого нами вопроса, кроме этого, причиной также является довольно жёсткие требования службы медико-социальной экспертизы. Семья, воспитывающая ребёнка – инвалида сталкивается также с множеством социальных проблем, которые призван помочь решить социальный работник.

Методики, принятые в официальной статистике разных странах, различны, и официальные статистические данные по населению с инвалидностью сильно различаются. В зависимости от целей исследования либо целей обсуждаемых мер социальной политики, могут использоваться различные определения. Так, для эмпирических целей в сравнительных исследованиях, проводимых в странах ЕС, часто используется такой показатель, как «индекс ежедневной жизнедеятельности» (Activities of Daily Living (ADL)) или «индекс инструментальной ежедневной жизнедеятельности». Показатели инвалидности строятся также на основе типов функциональных расстройств, самооценки здоровья и видов хронических заболеваний со слов респондента [1, с. 12].

Социальная поддержка населения и лиц с ограниченными возможностями здоровья необходима, так как многим людям нужна помощь для нормальной жизни. Государство, руководимое идеей гуманизма, обязано обеспечить достойные меры поддержки инвалидам. На первый план здесь выходит качество работников социальной сферы.

Социальные работники предоставляют услуги в различных областях социальной сферы, таких как:

- защита детей-сирот;
- благосостояние детей и малообеспеченной семьи;
- молодежные программы;
- социальная защита инвалидов и людей пенсионного возраста;

- здравоохранении;
- образование;
- предоставлении рабочих мест и разработка социальной политики.

Социальные работники востребованы в любом контексте, связанном с людьми и их окружением. Поскольку фокус социальной работы широк, от повседневной жизни до очень сложных ситуаций, практикующие работники имеют дело со всеми видами людей, на которых влияют различные аспекты ситуаций.

Основными характеристиками социальной работы являются:

Социальная работа – это благотворительная деятельность, основанная на гуманитарной философии; она уважает ценность и достоинство отдельных людей; она является профессиональной деятельностью; помогает отдельным лицам, группам и обществам стать самодостаточными.

Социальная работа способствует адаптации индивидов к социальному функционированию; это деятельность, которая помогает справиться с социальными проблемами, она тесно связана с психологией и социологией.

Социальная работа имеет прочную научную базу, однако, требует специальных знаний, навыков, приобретенных в ходе формального обучения.

Цели социальной работы – это формулировка того, что мы пытаемся сделать. Как правило, социальная работа имеет следующие цели:

- решение материальных проблем индивида;
- удовлетворение гуманитарных потребностей;
- помощь с разрешением социальных проблем клиента;
- укрепление гармоничных общественных отношений;
- предоставление профилактических и реабилитационных услуг;
- изменение окружающей среды в пользу индивидуального роста и развития личности;
- обеспечение социальной справедливости и демократического функционирования;
- повышение самооценки клиентов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Низкая материальная обеспеченность вступает одной из главных проблем инвалидов в современном российском обществе. Как показывают различные исследования, около 60 % инвалидов испытывают необходимость в улучшении своей

материальной обеспеченности. Сегодня пенсии инвалидам хватает, в основном, лишь на удовлетворение своих физиологических потребностей в питании, в меньшей степени – на оплату услуг жилищно-коммунального хозяйства и покупку медикаментов. Также, большинство российских пенсионеров не может поддерживать приличествующий уровень жизни западного общества; то есть, они не имеют возможности путешествовать и даже регулярно посещать культурные заведения в своем городе, покупать товары длительного пользования.

По причинам низкой материальной обеспеченности и из-за недоступности многих социально-культурных услуг, инвалиды вынуждены вести пассивный образ жизни.

В связи с этим, важное значение, в жизни инвалидов имеют меры социальной поддержки предусмотренные законодательством.

Льготы инвалидам предусмотренные законодательством Российской Федерации:

1. Получение квалифицированной медицинской помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации в рамках программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи.
- 2). Обеспечение техническими средствами реабилитации, предоставленными за счет средств федерального бюджета и Фонда социального страхования Российской Федерации (передаются инвалидам в безвозмездное пользование).
3. Техническое обслуживание и ремонт технических средств реабилитации инвалидов производятся вне очереди с освобождением от оплаты или на льготных условиях.
4. Инвалидам, нуждающимся в постороннем уходе и помощи, предоставляются медицинские и бытовые услуги на дому либо в стационарных учреждениях. Условия пребывания инвалидов в стационарном учреждении социального обслуживания должны обеспечивать возможность реализации инвалидами их прав и законных интересов в соответствии с Федеральным законом.
5. Предоставление места для строительства гаража или стоянки для технических и других средств передвижения предоставляются инвалидам вне очереди вблизи места жительства с учетом градостроительных норм. На каждой стоянке (остановке) автотранспортных средств, в том числе около предприятий торговли, сферы услуг, медицинских, спортивных и культурно-зрелищных учреждений, выделяется не менее 10 процентов мест (но не менее одного места) для парковки специальных автотранспортных средств инвалидов, которые не должны зани-

мать иные транспортные средства. Инвалиды пользуются местами для парковки специальных автотранспортных средств бесплатно.

6. Получение инвалидами общедоступного и бесплатного основного общего, среднего общего образования и среднего профессионального образования, а также бесплатного высшего образования.

7. Первоочередное получение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, ведения подсобного и дачного хозяйства и садоводства.

Одним из основных направлений социально-бытовой реабилитации является адаптация жилого помещения, это достаточно широкие дверные проемы, наличие пандусов, подъемников, специальной посуды и адаптированной бытовой техники, ванные комнаты и туалеты должны быть изменены, чтобы удовлетворить потребности человека.

Социальная изоляция инвалидов проявляется не только в сфере жилья, а также транспорта и коммунальных услуг, которые не учитывают их потребности. Что касается транспорта, то не все инвалиды могут иметь частный автомобиль для удовлетворения своих потребностей, так как многие люди не имеют физических возможностей для управления транспортным средством, следовательно, доступ к общественному транспорту имеет для них важное значение.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), доступные инвалидам через учебные центры, школы и колледжи, ограничены из-за недостаточного финансирования; наряду с этим, существует необходимость в соответствующей подготовке. Наличие доступа к компьютеру и соответствующему программному обеспечению может открыть новые двери для инвалидов.

Существует стигма, что люди с ограниченными возможностями не хотели бы участвовать в развлекательных мероприятиях. Но это – человеческая потребность, когда каждый должен расслабиться от повседневных обязанностей [1, с. 31].

Социальная и рекреационная среда имеет аналогичные барьеры по отношению к жилищным,

транспортным и общественным зданиям, к которым имеет доступ. Наличие доступа к объектам отдыха способствует свободе человека вести сбалансированный здоровый образ жизни.

Еще одним препятствием является доступ к профессиональной подготовке, обучению навыкам, необходимым для участия в трудовой деятельности. При меньших навыках инвалиды получают более низкооплачиваемую работу. Кроме того, с развитием промышленной инфраструктуры, наше общество развивалось без привязки к потребностям людей с ограниченными возможностями барьеры, создаваемые недоступными зданиями, жильем и транспортной системой, препятствуют тому, чтобы инвалиды могли получить желаемую работу. Это только подчеркивает тот факт, что, будучи безработным, инвалид должен будет зависеть от пособий, поэтому самостоятельная жизнь становится невозможной. Инвалид становится ограниченным и это при-скорбно, поскольку сдерживает способность инвалида оптимально функционировать в современном обществе.

Достижение указанной цели зависит от успешного решения следующих задач:

- совершенствование системы управления и контроля за проведением МСЭ;
- снижение риска коррупцигенности;
- реформирование штатной структуры медико-социальной экспертизы.

В контексте сказанного чрезвычайно важным и своевременным является разработка единых стандартов ранней медицинской и социальной реабилитации на основе ИПРА.

Заключение.

Таким образом, проанализированные выше проблемы инвалидов являются, на наш взгляд, между собой взаимосвязанными и острыми для современного российского. Для их решения и обеспечения нормальной жизнедеятельности людей рассматриваемой социально-демографической группы необходимо совершенствование всей системы социального обслуживания и социальной защиты, развития новых методов социальной реабилитации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бегидов М.В. Социальная защита инвалидов : учеб. пособие для академического бакалавриата / М.В. Бегидов, Т.П. Бегидова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 98 с.
2. Теория и методика социальной работы : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононова, М.В. Вдовиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 288 с.
3. Кононова Т.Б. Теория и методика социальной работы: история социальной работы : учеб. пособие для СПО. М. : Издательство Юрайт, 2019. 356 с.
4. Менеджмент в социальной работе : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Отв. ред. Е.И. Холостова, Е.И. Комаров, О.Г. Прохорова. 2-е изд. М. : Издательство Юрайт, 2018. 319 с.
5. Теория и методика социальной работы : учебник для СПО / Е.И. Холостова [и др.]; Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононова, М.В. Вдовиной. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. 288 с.

References:

1. Begidov M.V. Social protection of the disabled : training manual for academic baccalaureate / M.V. Begidova, T.P. Begidova. 2nd ed., revised M. : Yurait Publishing House, 2019. 98 p.
2. Theory and methodology of social work : textbook for vocational education / E.I. Kholostova [et al.]; Edited by E.I. Kholostova, L.I. Kononov, M.V. Vdovina. 3rd ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2019. 288 p.
3. Kononova T.B. Theory and methodology of social work: history of social work : training manual for vocational education. M. : Yurait Publishing House, 2019. 356 p.
4. Management in social work : textbook for vocational education / E.I. Kholostova [et al.]; Ed. by E.I. Kholostova, E.I. Komarov, O.G. Prokhorova. 2nd ed. M. : Yurait Publishing House, 2018. 319 p.
5. Theory and methodology of social work : textbook for vocational education / E.I. Kholostova [et al.]; Edited by E.I. Kholostova, L.I. Kononov, M.V. Vdovina. 3rd ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2019. 288 p.

Информация об авторе

Сабанов Заурбек Михайлович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогического образования,
Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова
sabanovz@mail.ru

Zaurbek M. Sabanov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Pedagogical Education,
K.L. Khetagurov North Ossetian State University
sabanovz@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-14>

УДК 316.33

Attribution

cc by

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ «КАПИТАЛ» В КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ С ПОЗИЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хорошкевич Н.Г.

*Уральский технический институт связи и информатики;
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики*

Аннотация. В статье исследуются характеристики понятия «капитал» с момента возникновения самого понятия и до конца XIX века – в классический период развития экономической науки. Анализ эволюции понятия предложен с учетом общественно-исторического развития. Для этого были использованы концепция постиндустриального развития Д.Белла и теория К.Маркса об общественно-экономических формациях, концепции модернизации.

В ходе работы выявлены ключевые характеристики понятия «капитал». Это – то, что имеет ценность; может быть неоднороден, выражен по-разному, в разных видах; приносит доход; используется в производстве товаров, но не весь; предполагает динамику, когда речь идет о принесении прибыли; невозможность приносить доход без взаимодействий разных субъектов, затрагивается взаимодействие субъектов, с классовой точки зрения, и как субъектов, дополняющих друг друга в процессе экономических отношений.

Ключевые характеристики данного феномена были выделены уже в этот период. Изучение сущности и природы капитала было тесно связано с развитием промышленности и рынка. По мере их развития все более появлялся интерес к межличностным взаимодействиям по поводу капитала.

Ключевые слова: Понятие «капитал», история изучения, классический период развития экономики, общественные теории развития.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «CAPITAL» IN THE CLASSICAL PERIOD OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SCIENCE FROM A DEVELOPMENT PERSPECTIVE PUBLIC RELATIONS

Natalia G. Khoroshkevich

*Ural Technical Institute communications and informatics;
Siberian State University Telecommunications and Informatics*

Abstract. The article examines the characteristics of the concept of «capital» from the moment the concept arose until the end of the 19th century – in the classical period of the development of economic science. An analysis of the evolution of the concept is proposed taking into account socio-historical development. For this, the concept of post-industrial development of D. Bell and the theory of K. Marx on socio-economic formations, the concept of modernization were used.

In the course of the work, the key characteristics of the concept of «capital» were identified. This is what has value; can be heterogeneous, expressed in different ways, in different species; generates income; used in the production of goods, but not all; assumes dynamics when it comes to making a profit; inability to generate income without the interactions of different subjects, the interaction of subjects from a class point of view is affected, and as subjects that complement each other in the process of economic relations.

The key characteristics of this phenomenon were highlighted already during this period. The study of the essence and nature of capital was closely related to the development of industry and the market. As they developed, there was an increasing interest in interpersonal interactions over capital.

Keywords: The concept of «capital,» the history of study, the classical period of economic development, social theories of development.

Funding: Independent work.

Введение.

В период становления и развития нового типа общества – информационного, когда происходит изменение требований к личности, практически ко всем его институтам, и – к государству. Для каждого исторического типа общества характерен свой, только этому обществу присущий, тип человека с его ценностями, нормами, мировоззрением и т.д. В таких условиях происходит переосмысление ряда понятий. Этот процесс коснулся и такого понятия как капитал.

Понятие «капитал» изучалось всегда преимущественно в рамках экономической науки. Однако в XX веке его изучают более редко, преимущественно начинается исследование таких понятий как «личностный капитал», «человеческий капитал», «интеллектуальный капитал» и т.д. Но, чтобы точнее разобраться в данных понятиях, все-таки необходимо изучение и самого понятия «капитал», при этом с позиций той науки, в которой ведется изучение какого-либо из видов капитала.

В статье исследуется понятие «капитал» с позиций социологической науки. Цель работы – анализ развития понятия «капитал» в классический период развития экономики с учетом изменения общественных отношений.

Материалы и методы.

Используемый метод – классический анализ документов. В работе были рассмотрены трактовки понятия «капитал», данные экономическими школами классического периода развития экономики в контексте развития общественных отношений. В работе проанализированы трактовки этого понятия, данные представителями школ классического периода развития экономики: физиократами, меркантилистами и представителями классической школы. Эволюция понятия «капитал» в статье рассмотрена с учетом развития общества. Для этого автор опирался на теории К. Маркса об общественно-экономических формациях, концепции постиндустриального общества Д. Белла и теории модернизации.

Результаты.

В работе была рассмотрена эволюция понятия «капитал» в доклассический и классический период развития экономики с учетом общественно-исторического развития. Выделены характеристики капитала, данные за изучаемый период.

Обсуждение.

Понятие «Capitale» (слово из поздней латыни, от caput – голова) появилось примерно XII–XIII вв. Первоначально оно употреблялось в значении ценности, запаса товаров, масса денег; или же деньги, которые приносят процент [1, с. 11]. Именно в Италии это слово было создано, освоилось и в некотором роде обрело зрелость.

Как известно, когда появляется новый предмет или явление, его всегда обозначают каким-либо термином. «Появление слова – это всегда значительный факт, даже если сам предмет уже существовал прежде. Он отмечает, что наступил решающий период осознания» [2, с. 91].

Цыганков К.Ю., исследуя происхождение слова «капитал» и развитие бухгалтерии, выявил, что 1211-й – знаковый год в истории счетоводства. Он отмечает, что до этого времени в Европе не было выявлено никаких следов ведения хозяйственного учета.

Первые свидетельства возникновения счетоводства – фрагментарно сохранившиеся учетные книги некой банковской компании Флоренции, датированные 1211 годом.

Позднее были обнаружены и другие источники, содержащие бухгалтерские образцы более высокого уровня, теперь их называют итальянскими [1, с. 11]. Исследователь предполагает, что возможно, это просто совпадение, и слово «капитал» впервые появилось в каком-то другом источнике. Но, даже в этом случае, можно утверждать, что первое известное ученым употребление слова «капитал» и первые известные образцы итальянской бухгалтерии относятся к XIII веку. Отсюда, Цыганков предполагает, что термин «капитал» появился задолго до XIII века [1, с. 11–12].

Употребление слова «капитал» в Италии носило универсальный характер и обозначало богатство вообще. С одной стороны, под капиталом понималось совокупное семейное богатство, а с другой – это богатство юридических лиц, т.е. общая стоимость имущества, которое используют несколько собственников для осуществления предпринимательской деятельности [3, с. 227–228].

В конце XV в. данное понятие стало применяться в других странах Европы. Вначале его использовали только бухгалтеры и предприниматели, позднее его стали применять и экономисты [3, с. 227–228].

В 1606 г. понятие «капитал» появилось в «Сокровищнице французского языка» Жака Нико. Он писал: «Оно оставалось окружено множеством слов-соперников: «доля», «богатства», «возможности», «деньги», «фонды», «имущества», «главное», «добро», «достояние»» [3, с. 278].

Следовательно, до того, как понятие «капитал» стал пониматься в качестве экономической категории, т.е. предельного обобщения средств воспроизводства общественного богатства, словом «капитал» обозначались: «богатство», «возможности», «деньги», «главное», «добро», «достояние» [3, с. 228]. Здесь видели только материальное выражение капитала.

Уже в это время отмечалось, что капиталом могут быть не только деньги. Он может иметь раз-

ные формы. Хотя это не отмечено таким образом в научных работах.

Во время позднего феодализма, в котором уже стали зарождаться капиталистические отношения. Согласно теории модернизации, это ее первый этап. В это время стали появляться мануфактуры, т.е. начался процесс укрупнения производства. В XIX веке его уровень последнего другой, но все-таки мануфактуры повлияли на общественные отношения. Конец средневековья – это рост производственных организаций, городов, расширение городского уровня хозяйствования, увеличение числа горожан. Отношения в городе всегда отличались от отношений в сельской местности. В городах начинается формирование социальных групп: буржуазии и пролетариата.

Экономическая наука зародилась в недрах философии. И только в XVII веке выделилась в политическую экономию. К классическому периоду экономической науки относят такие школы как: меркантилизм, физиократия и классическая.

Меркантилизм – первая научная школа в истории развития экономической мысли. Существовала в конце XV – начале XVII века. Ключевой идеей данного направления являлось отождествление богатства и экономического развития страны с имеющимся количеством золота и серебра в обращении. Его представители – Томас Ман, Антуан де Монкретьен, Жан Батист Кольбер, Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащёкин, Иван Тихонович Посошков. По мнению представителей данной школы, деньги – это богатство в форме капитала, а не недвижимого имущества. Капитал находится постоянно в движении. «Поздний меркантилизм трактовал деньги как капитал и признавал их товаром» [4]. Уже здесь отмечается динамическая сторона капитала.

Физиократы – французская экономическая школа второй половины XVIII века, основанная около примерно в 1750 году Франсуа Кенэ. Ее сторонники считали единственным самостоятельным фактором производства почву и природу. К школе физиократов относят Анн Роберта Тюрго, Пьера Буагильбера, Франсуа Кенэ.

Физиократы значительно продвинули экономическую науку, обозначили новое толкование ряда микро- и макроэкономических категорий. Но их внимание было приковано к проблемам сельскохозяйственного производства в ущерб другим отраслям экономики и особенно сфере обращения

По мнению Ф. Кенэ, капитал не тождественен деньгам, ибо деньги сами по себе представляют собой бесплодное богатство, которое ничего не производит. Ученый разработал теорию реального капитала, который, по его мнению, состоял из двух частей: основного капитала (аванс, который включал орудия труда, постройки, скот и т.д.) и оборотного капитала (ежегодный аванс терминологии Кенэ). Кроме деления капита-

ла, Кенэ отмечал, что весь капитал находится в движении, просто оборот основного капитала происходит значительно медленнее.

В это время уже выделяют виды капитала, т.е. в научной литературе отмечено, что он может быть разный (и почва, и постройки, и деньги, и т.д.), отмечена его динамика.

Идет дальнейшая перестройка экономики и общественных отношений. Происходит укрупнение и развитие производства. Ведение бизнеса становится сложнее.

В конце XVIII начинается развиваться классическая экономическая теория. Адам Смит, Жан-Батист Сэй, Давид Рикардо, Томас Мальтус, Джон Стюарт Милль и другие.

Они формируют идею о невмешательстве государства в экономическую жизнь общества, то есть экономический либерализм. Именно в это время зарождается новая теоретическая школа экономической мысли. Позднее она получит название классической политической экономии. Рост мануфактуризации выдвинул на первый план промышленное производство. Отсюда в качестве предмета изучения на первое место выдвинулась сфера производства.

Сегодня развитие классической экономической науки делят на три периода. Первый – приходится на середину XVII – начало XVIII века. Для него характерно расширение рыночных отношений. Развивается теория меркантилизма. Главными представителями этого направления считаются У. Петти и П. Буагильбер.

Второй этап связан с именем А. Смита. В 1776 году выходит его книга «Исследования о природе и причинах богатства народов». С ее появлением связывают зарождение политической экономии.

Основатель классической политэкономии А. Смит под капиталом понимал «запас благ, приносящих или способных принести доход. Владелец капитала покупает у работников их труд, рассчитывая получить прибыль в соответствии с размером вложенных средств, и это побуждает его вкладывать возможно большие средства» [5]. Первым из экономистов Смит предложил вести учёт разных видов капитала – основного и оборотного и дал им определения [5].

Третий этап приходится на первую половину XIX века. В европейских странах завершается промышленный переворот. В это время работы А. Смита дополняются исследованиями его последователей. Это – Ф. Бастиа, Т. Мальтус, Д. Рикардо, Ж.Б. Сей, Н.У. Сениор, и др. Например, Т.Мальтус писал о капитале: «...капитал, то есть накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» [Цит. по: 3, с. 278]. Р. Джонс также придерживался схожей точки зрения. Он считал, что «...капитал состоит из богатства, сбереженного из дохода и употреб-

ленного с целью получения прибыли». Здесь капитал, по мнению исследователей, – это богатство предпринимателя.

Н. Сениор считал труд, с одной стороны, «жертвой» рабочего. Он жертвует своим досугом и покоем. Капиталист жертвует капиталом, тогда капитал – это «жертва» со стороны предпринимателя. Последний воздержался от использования всей своей собственности на потребление им самим сейчас. Часть своих благ он обратил в капитал. По мнению ученого, употребление благ сегодня – это более ценно, чем их употребить в будущем, ограничивать себя сейчас. Предприниматель жертвует своими сегодняшними интересами ради будущего, а раз так, то он должен быть вознагражден. Эта награда – прибыль и проценты [6, с. 21].

В второй половине XIX века начинается четвертый этап классической экономической науки. Его считают последним. В это время происходит обобщение лучших достижений развития данной науки. Наиболее известные представители этого этапа – Дж. С. Милль и К. Маркс.

Особенно выделяются работы Маркса.

Во-первых, он очень глубоко проанализировал развитие производственных отношений.

Во-вторых, отметил антагонизм собственников средств производства и наемных рабочих.

Также, сегодня считают, что в это время начинается зарождение «неоклассической экономической теории».

Дж.С. Милль писал о капитале: «... Кроме двух первоначальных и необходимых элементов производства, есть еще третий элемент, без которого невозможны никакие производительные процессы, кроме разве грубых и скудных начатков первобытной промышленности; мы видели, что сверх труда, сверх материалов и сил, доставляемых природою, нужен для производства предварительно накопленный запас продуктов прежнего труда. Этот накопленный запас продуктов труда называется капиталом» [7].

Чтобы вещь можно было считать капиталом, по мнению представителей классической политэкономии, она должна обладать следующими характеристиками:

- можно использовать в процессе производства других товаров;
- она – результат переработки;
- не используется целиком в процессе производства (это отличает капитал от сырья или полуфабрикатов) [8].

В классической теории акцентируется внимание на том, что капитал приносит доход. «Разведены» понятия «доход» и «капитал». Капитал участвует в производстве продукции, но частич-

но, и он сам – результат процесса переработки. В классической экономике рассматривается процесс производства товара и капитал с точки зрения только экономики, производства, выгоды, но без учета взаимоотношений субъектов в этом процессе, без учета взаимодействий и интересов представителей разных социальных общностей.

XIX век – время появления капиталистической формации согласно теории К. Маркса и возникновение другого типа общества, следующего за традиционным, – индустриального согласно теории постиндустриального общества Д. Белла. Это время становления капитализма, перехода к индустриальному типу общества. В данный период происходит укрупнение производства, его механизация, становление так называемого конвейерного процесса производства. В законодательном плане, рабочие не защищены. Идет очень сильное столкновение интересов рабочих и владельцев предприятий. Такая ситуация в обществе находит отражение в науках, особенно гуманитарных, и экономике в том числе.

Это отражается на трактовке капитала. У К. Маркса, капитал – это не вещь, а производственные общественные отношения, характерные для определённой исторической формации общества, представленные в виде вещи. Капитал – это не просто сумма материальных и произведённых средств производства, это превращённые в капитал средства производства, которые сами по себе также являются капиталом, как золото или серебро сами по себе – деньгами [9, с. 173–183].

По мнению Маркса, средство труда может стать капиталом (принесёт стоимости больше, чем его собственная стоимость) тогда, когда его владельцы прямо или косвенно вступят в экономические отношения с владельцами рабочей силы. Капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и жизненных средств находит на рынке свободного рабочего в качестве продавца своей рабочей силы [9, с. 173–183].

К. Маркс писал о качественном отличии постоянного и переменного капитала. Первый – это авансированный капитал. На него приобретаются средства производства. Второй – это капитал, на который покупается рабочая сила. Средства производства не приносят новой прибыли. Новая стоимость товара создается за счет труда рабочих.

У Маркса капитал – это сама возрасшая стоимость. Он должен давать прибавочную стоимость. Он должен прирастать. При этом создателем прибавочной стоимости Маркс считал труд наёмных рабочих. Поэтому капитал – это, в первую очередь, определённые отношения между различными слоями общества. Это – рабочие и владельцы предприятий. Кроме того, последние являются конкурентами в своей среде. Если в руках одного капиталиста капитал убывает, то в руках другого – увеличивается посредством

механизма свободной конкуренции. Это ведёт к укрупнению бизнеса и созданию монополий, которые быстро срastaются с банковским капиталом, а затем — с политикой, государственной властью.

Маркс исследует динамическую сторону капитала. Деньги, средства производства должны работать, пройти производственную стадию с привлечением рабочих. Только после этого будут изготовлен товар, который можно продать, и он принесет прибыль владельцу. Он выводит формулу: $D-T-D$, где показывает динамику капитала. Вложение денег в производство, создание товара, и затем полученные деньги от его продажи [9, с. 153–163]. Капитал может принимать и форму денег, и форму товара.

Маркс затрагивает социальную сторону капитала, он это делает с классовой позиции. Этим его трактовка капитала очень отличается от остальных интерпретаций данного понятия, представленного в рамках других экономических школ того периода. Его работы были написаны в середине XIX века. Это время, когда конфликт между работниками и работодателями был острее всего — время становления капитализма, бурного роста производственных предприятий, но неразвитости трудового законодательства.

Заключение.

Исследование понятия «капитал» тесно связано с общественно-историческим развитием. Фактором увеличения интереса к данному явлению стало развитие капиталистических отношений: укрупнение и совершенствование производственных предприятий и развитие рыночных процессов.

Первоначально рассматривался капитал без учета социальных взаимодействий. Но, с XIX века при изучении данного феномена начинают обращать внимание на общественные отношения. Это было сделано и с точки зрения классовой позиции, и с точки зрения экономического поведения личности.

Учитывая вышеприведенные трактовки капитала, можно отметить следующие его характеристики:

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Цыганков К.Ю. Понятие капитала в бухгалтерии, политэкономии и экономической теории // Сибирская финансовая школа. 2007. № 3(64). С. 11–20.

© Хорошкевич Н.Г.

— это то, что имеет ценность;

— может быть неоднороден, выражен по-разному, в разных видах;

— приносит доход;

— используется в производстве товаров, но не весь;

— предполагает динамику, когда речь идет о принесении прибыли;

— невозможность приносить доход без взаимодействий разных субъектов,

— затрагивается взаимодействие субъектов с классовой точки зрения, и как субъектов, дополняющих друг друга в процессе экономических отношений.

Ключевые характеристики капитала были выделены в этот период времени.

Классический период развития экономической науки заканчивается в конце XIX века. Однако в это время уже были выделены характеристики качества капитала. При этом сам процесс его изучения был тесно связан с развитием экономических и общественных отношений. Общество продолжает развиваться.

В XX веке развивается трудовое законодательство, защищающее права трудящихся. Снижается острота противоречий между работником и работодателем, противостояние между собственниками предприятий и наемными рабочими. Совершенствуется производственный цикл. Увеличивается спектр товаров на рынке. Растет покупательная способность населения. Как следствие всего этого, появляются другие экономические теории, изучающие уже современное общество. Теперь они описывают уже несколько по-другому те или иные аспекты, связанные с капиталом.

В целях расширения представлений сущности капитала в рамках различных наук, и прежде всего социологии, актуально изучение данного феномена с позиций современного периода развития экономики и концепций, теорий общественного развития.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

2. Блок М. Апология истории или ремесло историка – изд. второе, доп. М. : «Наука», 1986. 174 с.
3. Тетерюкова О.М. Эволюция понятия «капитал» // Путеводитель предпринимателя. 2013. Вып. XIX. С. 227–294. URL : <https://www.pp-mag.ru/jour/article/viewFile/896/892> (дата обращения 22.02.2025).
4. Солдаенкова И. Меркантилизм. Банки.ru: российская финансовая платформа онлайн-сервисов. URL : https://www.banki.ru/wikibank/что_такое_меркантилизм (дата обращения 20.02.2025).
5. Смит А. Википедия. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 20.02.2025).
6. Комкова Ж.Л. Капитал: экономический и учетный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2011. № 2. С. 19–26.
7. Милль Дж.С. Основания политической экономии / Дж.С. Милль; Пер. Н.Г. Чернышевской. 1848. URL : http://az.lib.ru/m/millx_d_s/text_1848_principles_of_political_economy-1.shtml (дата обращения 20.02.2025).
8. Капитал. Википедия. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 15.02.2025).
9. Маркс К. Капитал. М. : Государственное из-во политической литературы. 1952. Т. 1. 797 с.

References:

1. Tsygankov K.Yu. The concept of capital in accounting, political economy and economic theory // Siberian Financial School. 2007. № 3(64). P. 11–20.
2. Block M. Apology of history or the historian's craft – second edition, supplemented. M. : «Science», 1986. 174 p.
3. Teteryukova O.M. Evolution of the concept of «capital» // Entrepreneur's Guide. 2013. Iss. XIX. P. 227–294. URL : <https://www.pp-mag.ru/jour/article/viewFile/896/892> (date of application 22.02.2025).
4. Soldaenkova I. Mercantilism. Банки.ru: Russian financial platform of online services. URL : https://www.banki.ru/wikibank/что_такое_меркантилизм (date of application 20.02.2025).
5. Smith A. Wikipedia. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed on 20.02.2025).
6. Komkova Zh.L. Capital: economic and accounting aspect // Bulletin of Adygea State University. 2011. № 2. Series 5: Economics. P. 19–26.
7. Mill J.S. Grounds of political economy / J.S. Mill; Transl. by N. Chernyshevskaya) 1848. URL : http://az.lib.ru/m/millx_d_s/text_1848_principles_of_political_economy-1.shtml (date of application 20.02.2025).
8. Capital. Wikipedia. URL : <https://ru.wikipedia.org/wiki> (date of application 15.02.2025).
9. Marx K. Capital. M. : State of political literature. 1952. Vol. 1. 797 p.

Информация об авторе

Хорошкевич Наталья Геннадьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Уральский технический институт связи
и информатики;
Сибирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
ORCID 0000-0003-4139-5654
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Natalia G. Khoroshkevich

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Ural Technical Institute Communications
and Informatics;
Siberian State University
Telecommunications and Informatics
ORCID 0000-0003-4139-5654
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-25>
УДК 316.4

Attribution
cc by

ИДЕНТИЧНОСТЬ АДЫГОВ-РЕПАТРИАНТОВ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шакер Я.Д.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье проведен анализ трансформации идентичности адыгских репатриантов на материалах Республики Адыгея. Обосновывается тезис о том, что идентичность адыгов-репатриантов формируется в контексте многообразных факторов, начиная от исторических событий и заканчивая современными процессами интеграции в российское общество. Исторический контекст репатриации адыгов, рассмотренный в статье, подчеркивает важность осознания исторических корней и культурных традиций, которые формируют идентичность этой этнокультурной группы.

Подчеркивается значение понимания идентичности коренных адыгов и адыгов-репатриантов в условиях полиэтничной среды. Исследование включает сравнение идентичности обеих групп, что позволило выявить ключевые аспекты и проблемы, связанные с сохранением и развитием адыгской культуры.

Рассматриваются официальные инициативы и нормативно-правовые акты, направленные на поддержку этнокультурной группы в регионе. Сложившаяся в контексте репатриации ситуация актуализировала необходимость разработки и внедрения официальных инициатив в поддержку адыгов, возвращающихся на свою историческую родину. Эти инициативы направлены не только на адаптацию репатриантов, но и на создание системы, способствующей поддержанию и развитию их идентичности.

Также в статье затрагиваются вопросы адаптации и интеграции репатриантов в российское общество, что актуально для межкультурного диалога в регионе. Опыт Адыгеи показывает, что практики интеграции репатриантов в принимающее сообщество и практики формирования идентичности могут сосуществовать и взаимно обогащать друг друга.

По мнению автора, исследование идентичности адыгских репатриантов подчеркивает необходимость комплексного подхода к вопросам их интеграции и поддержки. Делается вывод о том, что в современных условиях понимание сути трансформирующихся идентичностей становятся особенно актуальным, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: идентичность, адыги-репатрианты, коренные адыги, этнокультурная группа, этническая культура, социокультурная адаптация, принимающее сообщество, Республика Адыгея.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

IDENTITY OF ADYGH REPATRIATES: CHALLENGES AND PROSPECTS

Yazan Ja. Shaker

Adyghe State University

Abstract. The article analyzes the transformation of the identity of Adyghe repatriates based on the materials of the Republic of Adyghea. It substantiates the thesis that the identity of the Adyghe repatriates is formed in the context of various factors, ranging from historical events to modern processes of integration into Russian society. The historical context of the repatriation of the Adyghe, considered in the article, emphasizes the importance of understanding the historical roots and cultural traditions that shape the identity of this ethnocultural group.

The importance of understanding the identity of the indigenous Adyghe and the Adyghe repatriates in a multiethnic environment is emphasized. The study includes a comparison of the identity of

both groups, which made it possible to identify key aspects and problems associated with the preservation and development of the Adyghe culture.

Official initiatives and regulatory legal acts aimed at supporting this group in the region are considered. The situation that has developed in the context of repatriation has actualized the need to develop and implement official initiatives in support of the Adyghe returning to their historical homeland. These initiatives are aimed not only at the adaptation of repatriates, but also at creating a system that promotes the maintenance and development of their identity.

The article also touches upon the issues of adaptation and integration of repatriates into Russian society, which is relevant for intercultural dialogue in the region. The experience of Adyghea shows that the practices of integrating repatriates into the host community and the practices of forming identity can coexist and mutually enrich each other.

According to the author, the study of the identity of Adyghe repatriates emphasizes the need for a comprehensive approach to the issues of their integration and support. It is concluded that in modern conditions, understanding the essence of transforming identities is becoming especially relevant, which opens up new horizons for further research in this area.

Keywords: identity, repatriated Adyghe, indigenous Adyghe, ethnocultural group, ethnic culture, sociocultural adaptation, host community, Republic of Adyghea.

Funding: Independent work.

Введение. Идентичность является одной из ключевых категорий, определяющих не только индивидуальное восприятие себя, но и коллективное самосознание этнических групп. В условиях миграционных процессов, которые охватили весь мир, вопросы идентичности становятся особенно актуальными. Это касается и адыгских репатриантов, которые, возвращаясь на историческую родину, сталкиваются с множеством вызовов, связанных, как с сохранением своей идентичности, так и с интеграцией в современное российское общество.

Актуальность данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в последние десятилетия наблюдается рост интереса к вопросам этнической идентичности и культурного наследия, что связано с глобальными изменениями в геополитической картине мира. Во-вторых, адыгские репатрианты представляют собой уникальную группу, которая, несмотря на свою малочисленность, играет важную роль в сохранении и развитии адыгской культуры и языка. В-третьих, понимание идентичности, как коренных адыгов, так и репатриантов является важным для формирования межкультурного диалога и толерантности в полиэтнической России.

Адыги-репатрианты из Турции, Косово, Иордании и Сирии (более 2 тыс. чел.) образовали новый демографический кластер в Республике Адыгея, представителем которого является автор данной статьи, вернувшийся вместе с родителями в 2002 г. на свою историческую родину из Сирии. Заранее получив заверенные документы из Адыгэ Хасэ в Сирии об адыгском происхождении, семья Шакер получила гражданство РФ.

Следует согласиться с М.В. Белозёровой в том, что «вопрос о добровольном возвращении адыго-черкесов сформировался как концепт, включающий дискуссии по этим событиям, формируемые проекты и программы, в том числе социо-

культурную адаптацию репатриантов, их интеграцию в российское общество» [1, с. 157].

В рамках данного концепта учеными из Адыгеи защищены диссертации, в которых осмысливаются процессы социокультурной адаптации репатриантов – косовских адыгов в республике [2; 3]. Этой же проблеме посвящен масштабный исследовательский проект «Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона», по результатам которого сделан вывод о том, что «присутствие репатриантов в среде адыгов дает положительный эффект ощущения принадлежности к большому народу и, несмотря на разобщенность и «дисперсность» проживания адыгов во всем мире, рождает надежду на более тесные и продуктивные этнокультурные контакты» [4, с. 4].

В контексте анализируемой проблемы особый интерес представляют исследования доктора социологических наук Жаде Джебре Эрджиес, проживающей в Турции в числе адыгской диаспоры [5]. Вслед за ней, основываясь на транснациональном подходе, российские ученые подчеркивают, что «репатриация изначально носила «черкесский» характер, поскольку репатрианты, как правило, обладали при переселении на Кавказ именно черкесской идентичностью» [6, с. 264].

Обсуждение. Результаты.

Идентичность адыгских репатриантов формируется в контексте многообразных факторов, начиная от исторических событий и заканчивая современными процессами интеграции в российское общество. Главным аспектом этой идентичности является связь с родной культурой, языком и традициями, которая становится особенно актуальной в условиях возвращения на историческую родину. Адыги, проживающие в других странах, формируют свои диаспоры, адаптируясь к новым условиям жизни, но память о родной

земле и культуре остается важной составляющей их идентичности.

С точки зрения социокультурной практики, адыгские репатрианты сталкиваются с рядом вызовов. Во-первых, существует необходимость в восстановлении языка и традиций, что затруднено из-за длительного отсутствия на родине. Привлечение молодежи к традиционным практикам, таким, как народные танцы, музыка и ремесла, требует усилий и ресурсов, особенно в условиях глобализации, когда молодые люди часто принимают западные ценности и нормы.

Работа с идентичностью адыгских репатриантов охватывает не только аспект культурного наследия, но и аспекты социальной адаптации. Репатрианты часто испытывают трудности в установлении социальных связей. Необходимость создания новых сообществ и поддержание существующих в условиях перемен способствует образованию пространства для диалога, где репатрианты могут обмениваться опытом, а также находить поддержку со стороны принимающего сообщества.

Значимую роль в формировании идентичности адыгских репатриантов играют система образования и совместные мероприятия, которые способствуют взаимодействию культур. Такие инициативы предлагаются, как местными сообществами, так и государственными структурами, что подчеркивает важность участия всех заинтересованных сторон для успешной интеграции. Образовательные курсы по языку, истории и культуре адыгов помогают не только сохранить связь с прошлым, но и формировать новое поколение, уверенное в своей идентичности [7; 8].

На формирование идентичности репатриантов оказывают влияние медиа и современные технологии, которые позволяют им поддерживать контакт с сообществом на расстоянии, делиться культурными орнаментами, музыкальными произведениями и традициями. Социальные сети становятся платформами, где обсуждаются важные аспекты жизни, идентичности и интеграции, создавая таким образом новую культуру общения и формирования смысла.

Значительная роль в процессе самосознания адыгских репатриантов принадлежит истории. Воспоминания о прошлом, рассказы старших поколений об утрате культурных ценностей подчеркивают важность формирования коллективной памяти. Возвращение к истокам помогает многим восстановить свою идентичность и наладить связь с культурными традициями.

Объединение адыгских репатриантов вокруг общей идентичности также активно происходит через участие в культурных праздниках и мероприятиях. К практикам конструирования идентичности следует отнести ежегодно проводимый в Адыгее День репатрианта, учрежденный в память о массовом возвращении на землю предков группы этнических адыгов из Косово в 1998 г.

В 2024 г. в соответствии с планом мероприятий, посвященных Дню репатрианта, проведен творческий конкурс «На земле предков. Между прошлым и будущим» среди журналистов СМИ, посвященный социальной адаптации соотечественников, вернувшихся в Адыгею; в Картиной галерее организована выставка «Кавказская диаспора»; проведены «Веселые старты» для детей – соотечественников и конкурс «Веселая дорога к нормам ГТО»; проведен футбольный матч с участием команд представителей Сирии, Турции, Иордании, Югославии и Адыгеи, приуроченный ко Дню репатрианта [9].

Организация конкурсов, выставок, фестивалей и других событий способствует не только укреплению культурного взаимодействия, но и формированию местного сообщества репатриантов. Участие в таких мероприятиях позволяет не только адаптироваться в принимающем сообществе, но и обсуждать современные аспекты жизни общества и его будущее.

Таким образом, трансформация идентичности адыгских репатриантов представляет собой многослойный и динамичный процесс, который требует от них постоянной работы, как над своим внутренним миром, так и над установлением социальных связей. Комбинация исторической памяти, культурного наследия, современных технологий и общественной активности в конечном итоге позволяет создать новое представление о себе, которое будет служить основой для будущих поколений.

Исторический контекст репатриации адыгов.

Репатриация адыгов – это событие, протянувшее свои корни в XIX веке, когда многие представители адыгского народа были вынуждены покинуть родные земли в результате Кавказской войны [10]. Большинство из них оказались в Турции, Сирии, Иордании, где сформировалась значительная диаспора.

Исторически адыги жили в едином пространстве, которое являлось основой их идентичности. Миграция и проживание в изгнании вызвали необходимость поддержания культурных ценностей и языка, формирования адыгской культуры в условиях другого контекста.

В начале XXI века вопрос о репатриации адыгов стал особенно актуальным. На фоне изменения политической обстановки и новой волны интереса к своим корням, адыги начали возвращаться на историческую родину, стремясь восстановить утраченные связи. Особенно активно данная практика начала развиваться с 1990-х годов, когда в России стали появляться национальные организации, поддерживающие культурную независимость адыгов и способствующие возвращению репатриантов. Е.А. Иванов, исследуя роль черкесских организаций в России и в диаспорах в возвращении адыгов, отмечает, что «новая трансграничная черкесская идентичность переживает процесс своего становления, и от

того, удастся ли черкесским организациям поддерживать связи адыгов из разных стран, а не разбиться на «оставшихся» и диаспоры, зависит судьба этого начинания» [11, с. 264].

Тем не менее, процесс репатриации не был простым и легким. Возвращающиеся адыги столкнулись с различными трудностями, как экономическими, так и культурными. Восстановление связей с родной культурой и языком, знакомство с новыми условиями жизни стали основными вызовами.

Сложности, с которыми столкнулись адыгские репатрианты, подчеркивают важность культурного и языкового обмена. Это представление о межкультурном диалоге стало основополагающим в обсуждении вопросов идентичности и интеграции. Важным аспектом является стремление адыгов сохранить свою идентичность, которая была бы понятна и принята, как в культурной среде репатриантов, так и в принимающем обществе.

Как отмечено выше, культурные организационные инициативы, направленные на поддержку адыгских репатриантов, служат основой для создания условий, способствующих укреплению адыгской идентичности. На сегодняшний день многие культурные мероприятия, образовательные проекты и мастер-классы создают платформу для активного диалога между репатриантами и местным населением, помогая интегрировать их в культурный контекст республики.

Также стоит отметить, что идентичность адыгов-репатриантов во многом зависит от того, как они воспринимаются принимающим сообществом. Понимание того, как исторический контекст и переживания повлияли на формирование идентичности адыгских репатриантов, является своеобразным «ключом» к осмыслению будущего адыгской культуры и ее интеграции в современное общество.

Жизнь в полиэтничном и мультикультурном обществе требует нахождения баланса между сохранением традиционных ценностей и адаптацией к новым условиям. Это важное условие для формирования позитивной идентичности в контексте взаимодействия разных культур. Способы сохранения адыгской идентичности становятся важной частью политической и социальной повестки, что подчеркивает важность диалога между различными этническими группами и открывает новые возможности для взаимодействия. Следует согласиться с З.А. Жаде в том, что «в настоящее время Республикой Адыгея накоплен значительный опыт в упрочении межэтнического и межконфессионального взаимопонимания и согласия граждан. Вместе с тем, процесс сбережения и укрепления адыгской/черкесской идентичности остается существенной и актуальной задачей для полиэтничной республики» [12, с. 24].

Сложности, с которыми сталкиваются адыгские репатрианты в быстро меняющемся мире, акцентируют внимание на важности не только сохранения культурного наследия, но и на общем стремлении к единству среди адыгского этноса. Ключевой аспект заключается в необходимости научиться воспринимать идентичность как динамичное явление, которое способно адаптироваться и находить гармонию между историческим прошлым и современным опытом. Это создает пространство для конструктивного диалога и положительного взаимодействия, как среди адыгов-репатриантов, так и с принимающим обществом.

Идентичность коренных адыгов и адыгских репатриантов: сравнительный анализ.

Как мы уже отметили, идентичность адыгских репатриантов представляет собой сложное переплетение культурных и социальных факторов, которые обостряются в контексте взаимодействия с новыми реальностями. Сравнительный анализ их идентичности с идентичностью коренных адыгов позволяет выявить сходства и различия, которые вносят своеобразие в личные и коллективные идентичности разных групп.

Адыгские репатрианты, вернувшиеся на историческую родину из различных стран, несут в себе элементы культурной памяти, приобретенные в условиях внешней среды. Эти элементы формируют альтернативные формы идентичности, которые взаимодействуют с основными культурными традициями адыгов. В отличие от коренных адыгов, репатрианты сталкиваются с необходимостью адаптации и интеграции, что иногда приводит к внутренним конфликтам и поиску своего места в новой социокультурной реальности.

Сравнение двух групп позволяет увидеть, как реальный опыт жизни за пределами родины влияет на восприятие идентичности. Коренные адыги, сохранившие свои традиции, обрели свою идентичность через многовековые исторические процессы и социокультурные практики. Их идентичность базируется на основе культуры, языка, традиций и обычаев. В то время как репатрианты могут испытывать трудности адаптации, что заставляет их переосмысливать привычные культурные ориентиры. В этой связи их идентичность часто оказывается более гибкой и многослойной.

Ключевым аспектом в этом сравнении становится язык, который служит основным каналом передачи этнической культуры и традиций. Для коренных адыгов это родной язык, традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение. Репатрианты же сталкиваются с ситуацией, когда их знания языка оказываются зачастую ограниченными. Это приводит к необходимости заново осваивать культуру и изучать язык, что открывает пространство для формирования нового формата идентичности, в котором могут

сосуществовать элементы, как традиционной, так и переосмысленной культуры.

Помимо языковых барьеров, идентичность репатриантов подвергается влиянию социальных практик, формируемых в новых условиях. Примеры позитивного взаимодействия между различными группами адыгов могут ознаменовать появление новых культурных форм, основанных на взаимопонимании и сотрудничестве. Однако, не менее важно учитывать возможное недопонимание, обусловленное различиями в восприятии идентичности, культуры и традиционных практик.

Использование культурных и социальных актив может стать дополнительным мостом для налаживания диалога между коренными адыгами и репатриантами. Еще раз подчеркнем, что организация совместных культурных и спортивных мероприятий призвана снять социальные барьеры и стать основой для формирования более инклюзивного сообщества. В этом контексте идентичность адыгских репатриантов может быть рассмотрена как динамичное образование, которое адаптируется к текущей социокультурной среде.

Не менее значимым становится аспект самовосприятия репатриантов в контексте их новой идентичности. Поскольку они могут воспринимать себя как промежуточное звено между двумя культурами, это понимание способно добавить ценность к их опыту. Оно предоставляет новые возможности для переосмысления и интеграции, а также для формирования личных идентичностей, основанных на многослойности и разнообразии социокультурных влияний.

Официальные инициативы поддержки адыгских репатриантов в Республике Адыгея.

Как видно из вышеизложенного, исторический путь адыгских репатриантов обусловил множество сложностей и противоречий в формировании и сохранении их идентичности. Сложившаяся в контексте репатриации ситуация актуализировала необходимость разработки и внедрения официальных инициатив в поддержку адыгов, возвращающихся на свою историческую родину. Эти инициативы направлены не только на облегчение условий жизни репатриантов, но и на создание системы, способствующей поддержанию и развитию их социальной, этнокультурной и языковой идентичности.

В Адыгее управление в сфере связей с соотечественниками осуществляет такой исполнительный орган региональной власти как Комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации.

В аналитических материалах Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея отмечается: «Социокультурная адаптация и интеграция репатриантов определяет их способ-

ность эффективно взаимодействовать с новой средой проживания – связи с местным населением, знание языка и особенностей культурных традиций нового сообщества. На достижение этих целей направлены языковые курсы, а также курсы по изучению истории и культуры, которые работают в Республике Адыгея с 2012 года. Вовлечение мигрантов во все значимые республиканские мероприятия, организация специальных театральных и музейных мероприятий, правовых консультаций с участием руководителей органов исполнительной власти Республики Адыгея – важные составляющие процесса интеграции, обеспечиваемые совместно с общественными организациями, работающими с мигрантами – соотечественниками» [13].

Государственные структуры предпринимают шаги, направленные на создание юридической базы, которая бы упрощала различные процедуры для адыгских репатриантов, включая вопросы получения гражданства, легализации документов и предоставления социальных услуг. Наличие понятной, прозрачно работающей системы делает процесс возвращения менее болезненным и более предсказуемым, что в конечном итоге влияет на чувство принадлежности к культуре и идентичности.

Правовую базу работы с репатриантами наряду с федеральными законами создает Закон Республики Адыгея от 01 декабря 2004 г. «О государственной политике содействия соотечественникам, прибывшим на постоянное место жительства в Республику Адыгея» [14].

С 2019 г. в Адыгее реализуется Государственная программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Адыгея соотечественников, проживающих за рубежом», целью которой является обеспечение социально-экономического развития путем содействия добровольному переселению квалифицированных кадров из числа соотечественников, проживающих за рубежом, в том числе потомков адыгской диаспоры [15].

Следует также упомянуть о создании специализированных органов, которые занимаются вопросами защиты прав адыгских репатриантов. Часто возникают ситуации, когда репатрианты сталкиваются с трудностями в общении с региональными органами власти. Создание специальных организаций, которые представляют интересы данной этнокультурной группы, становится важным шагом на пути к формированию защищенной среды для жизни. Так, социальная поддержка репатриантов осуществляется путем деятельности «Центра адаптации репатриантов» Республики Адыгея, который организует встречи мигрантов с представителями службы занятости для содействия в трудоустройстве; обеспечивает распространение информационно-справочных материалов, аудио- и видеопроодукции и программ культурного и образовательного характера на разных языках; консультирует по право-

вым, экономическим, бытовым и иным вопросам [13].

Одной из задач государственного управления в сфере укрепления межнациональных отношений в рамках реализации государственной программы Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности» является «развитие и укрепление связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, содействие социально-культурной адаптации соотечественников, прибывших на постоянное место жительства в Республику Адыгея. Эффективное решение задачи состоит в консолидации соотечественников, сохранении языковой и культурной среды в диаспорах, развитии образовательных, культурных и иных связей с соотечественниками, социальной поддержке соотечественников, прибывших на постоянное место жительства в Республику Адыгея» [16].

Помимо этого, среди официальных инициатив выделяются программы, направленные на финансовую поддержку адыгских репатриантов. Это включает в себя субсидии для жилья, а также программы, финансирующие обучение языку и культурным традициям адыгов. Такие инициативы позволяют не только смягчить период адаптации, но и сохранять социальные связи между адыгами-репатриантами, что особенно важно для укрепления идентичности.

Также важным аспектом является возрождение традиционных адыгских праздников и обычаев, что также становится предметом государственной поддержки. Участие в культурных мероприятиях позволяет репатриантам адаптироваться к новой среде. Культурные мероприятия способствуют формированию общественного пространства, где каждый может ощутить свою принадлежность к культуре и этносу. Программа культурной интеграции, включающая проведение, как традиционных, так и современных мероприятий, становится важным элементом в жизни репатриантов.

Система образования также занимает значимое место в официальных инициативах. Появление школ и курсов, где обучают адыгскому языку и культуре, становится не только источником знаний, но и важным шагом в сохранении идентичности. Образовательные учреждения становятся опорными пунктами для молодежи, стремящейся сохранить свои корни и идентичность. По данным на 2024 г., в вузах Адыгеи обучается 43 студента из числа соотечественников: в Адыгейском государственном университете – 23 (из Сирии – 11, Турции – 3, Иордании – 8, Израиля – 1); в Майкопском государственном технологическом университете – 19 человек (из Сирии – 13, Турции – 5, Иордании – 1).

Целая серия исследований ученых Адыгеи выявила, что существование поддержки со стороны государства делает репатриантов более уверенными и открытыми к взаимодействию с при-

нимающим сообществом [2; 3; 4]. Создание условий для диалога и обмена опытом стало неотъемлемой частью современных инициатив. Разработка программ, способствующих обмену культурными традициями, например, в форме совместных проектов, позволяет улучшить взаимопонимание между разными этническими группами. Постоянный мониторинг и оценка эффективности этих инициатив входят в систему их реализации. Без анализа достигнутых результатов сложно определить ход изменений, а также выявить новые потребности адыгских репатриантов.

В конечном итоге, официальные инициативы, осуществляемые в Адыгее, направлены не только на решение непосредственных проблем, но и на создание социализированной и инклюзивной среды, где адыгские репатрианты не только адаптируются, но и занимают активную позицию в обществе, сохраняя при этом свою уникальную идентичность. Сложившаяся в Адыгее практика показывает, что интеграция репатриантов в принимающее сообщество и сохранение идентичности могут сосуществовать и взаимно обогащать друг друга, создавая тем самым гармоничное общество.

Перспективы развития идентичности адыгских репатриантов.

В современном мире идентичность адыгских репатриантов находится на стадии активного формирования и изменения, что связано с множеством факторов, включая социальные, культурные и экономические реалии. Этот процесс также во многом зависит от уровня межкультурных взаимодействий и поддержки со стороны принимающего сообщества, так и адыгской диаспоры. Важно учитывать, что идентичность представляется не статичным понятием, а динамичным, постоянно изменяющимся в зависимости от внешних и внутренних условий.

Важно подчеркнуть, что эти аспекты, в свою очередь, формируют многоуровневую идентичность, где наряду с этническими и культурными признаками активно рассматриваются социальные и экономические факторы. Экономическая ситуация в регионе играет значимую роль в понимании и переосмыслении идентичности. Уровень жизни, неограниченный доступ к образованию и здравоохранению, возможности трудоустройства способствуют изменению восприятия себя и своего места в обществе.

Репатрианты становятся важными участниками межкультурного диалога, способствуя смешению традиций и практик. В этом контексте значительным является влияние местных сообществ, которые способствуют процессу интеграции. Чувство принадлежности к новой культурной среде и поддержка со стороны принимающего сообщества становятся определяющими факторами в развитии идентичности адыгских репатриантов. Участие в общественных мероприятиях, включая этнокуль-

турные праздничные даты, спортивные события и иные мероприятия, создает возможности для взаимодействия, где развивается и укрепляется представление о многообразии культур.

Перспективы развития идентичности непосредственно связаны с тем, как адыгские репатрианты воспринимают свое место в этнокультурной среде и на какой основе строят свои социокультурные практики и осваивают новые. Однако, чтобы эта идентичность развивалась в позитивном ключе, необходимо преодолевать определенные барьеры. История адыгского народа часто становится темой обсуждений, способствуя созданию чувства общей ответственности за сохранение этнокультурных традиций. Идентичность, основанная на такой осознанности, открывает перспективы для формирования единого пространства, в котором пересекаются интересы разных сообществ.

Поддерживающие инициативы, как со стороны государства, так и со стороны общественных организаций, играют важную роль в этом процессе. Организация культурных и образовательных программ, направленных на изучение адыгской истории и языка, превращают идентичность в предмет конструктивного диалога. Это также включает в себя поддержку изучения адыгского языка и литературы в образовательных учреждениях, что является важным фактором формирования идентичности у молодежи [7; 8].

Также следует заметить, что современные технологии играют значимую роль в развитии идентичности. Социальные сети и платформы позволяют адыгским репатриантам поддерживать связь друг с другом и с принимающим сообществом, что способствует обмену опытом и координации усилий по сохранению адыгских традиций. Социальные медиа становятся важным инструментом для создания сообществ и обмена информацией, что особенно значимо в условиях цифровизации.

Будущее идентичности адыгских репатриантов в значительной степени остается определенным, очевидно, что новое поколение становится все более открытым к диалогу и взаимодействию с другими культурами. Желание совместного строительства полиэтнического общества оказывает существенное влияние на процесс идентификации и дальнейшего самоопределения.

Представляется, что сохранение, адаптация и переосмысление адыгской идентичности во многом зависит от активности самих репатриантов, их готовности к диалогу и сотрудничеству. Важно, чтобы они продолжали демонстрировать свою уникальность, при этом, не теряя ощущения принадлежности к более широкому этнокультурному контексту. Такой подход обеспечит развитие их идентичности и внесет вклад в социальную гармонию и взаимопонимание в рамках полиэтнического общества Адыгеи.

© Шакер Я.Д.

Заключение.

Исследование показало, что трансформация идентичности адыгских репатриантов является многогранным и динамичным процессом, который требует внимательного анализа и поддержки со стороны, как государства, так и общества в целом.

Исторический контекст репатриации адыгов, который рассмотрен в статье, подчеркивает важность осознания исторических корней и культурных традиций, которые формируют идентичность этой этнокультурной группы. Возвращение адыгов на свою историческую родину после долгих лет вынужденного переселения является не только актом восстановления справедливости, но и важным шагом к сохранению их этнокультурного наследия. Важно еще раз отметить, что идентичность адыгских репатриантов не является статичной; она развивается и адаптируется в ответ на современные вызовы глобальной нестабильности.

Сравнительный анализ идентичности коренных адыгов и репатриантов выявил как общие черты, так и различия между этими группами. Оба сообщества стремятся сохранить свои этнокультурные традиции, однако репатрианты сталкиваются с некоторыми вызовами, связанными с интеграцией в новое сообщество и адаптацией к современным условиям. Официальные инициативы, направленные на поддержку адыгских репатриантов, играют важную роль в этом процессе, однако их эффективность во многом зависит от реального взаимодействия между государственными структурами и самими репатриантами.

Проблемы интеграции адыгских репатриантов в российское общество остаются актуальными и требуют комплексного подхода. Важно не только создать условия для их социальной и экономической адаптации, но и обеспечить возможность для культурного обмена и диалога между различными этническими группами. Формирование межкультурного диалога является ключевым аспектом, способствующим укреплению социальной сплоченности и взаимопонимания в полиэтнической Адыгее.

Перспективы развития идентичности адыгских репатриантов зависят от множества факторов, включая поддержку со стороны государства, активное участие самих репатриантов в социокультурной жизни, а также готовность принимающего сообщества к принятию и уважению многообразия. Важно, чтобы адыгские репатрианты не только сохраняли свои традиции, но и активно участвовали в формировании современного социокультурного ландшафта Адыгеи и всей России, обогащая своим уникальным опытом и наследием.

Таким образом, исследование трансформации идентичности адыгских репатриантов подчеркивает необходимость комплексного подхода к вопросам их адаптации, интеграции и поддерж-

ки, а также важность межкультурного диалога для создания гармоничного и толерантного общества. В современных условиях глобальной нестабильности понимание сути трансформиру-

ющихся идентичностей становятся особенно актуальным, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований в этой области.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белозёрова М.В. Репатриация адыгов и черкесов в регионы Западного и Северного Кавказа (1990–2010-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 152–162.
2. Косовские адыги в Адыгее: проблемы адаптации репатриантов и устойчивое развитие региона. Сб. статей / Сост. и научный рук. проекта А.Н. Соколова; Ред. Р.Ю. Намитокова. Майкоп : АГУ, 2008. 104 с.
3. Шадже А.А. Социокультурная адаптация косовских адыгов-репатриантов в Республике Адыгея : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп : АГУ, 2009. 25 с.
4. Панеш Т.А. Особенности социокультурной адаптации репатриантов (косовских адыгов) в условиях поликультурной среды Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар : КГИК, 2009. 25 с.
5. Жаде Д. Адыго-абхазская диаспора и репатриация. Из Турции в Абхазию и Адыгею. Майкоп : ООО «Полиграф-Юг», 2020. 128 с.
6. Цибенко В.В. Репатриация черкесов как ресурс политической мобилизации: транснациональный подход / В.В. Цибенко, А.А. Тлостнаков // Власть. 2021. № 1. С. 261–270.
7. В Адыгее для сирийских черкесов организовали курсы по изучению истории и культуры адыгов. URL : <https://sk-news.ru/news/raznoe/29803> (дата обращения 01.03.2025).
8. В Адыгее расширили образовательную программу для сирийских черкесов. URL : <https://www.yuga.ru/news/289063> (дата обращения 01.03.2025).
9. Итоги реализации республиканского плана мероприятий, посвященных Дню репатрианта. URL : <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/komitet-po-dela-m-natsionalnostey-svyazyam-s-sootchestvennikami-i-sredstvami-masso/novosti-ministerstva/itogi-realizatsii-respublikanskogo-plana-meropriyatiy-posvyashchennykh-dnyu-repatrianta/?ysclid=m7tzsz6npd276662398> (дата обращения 01.03.2025).
10. Акиева С.И. Вопросы репатриации адыгов (черкесов) на историческую родину: состояние и проблемы / С.И. Акиева, Э.М. Коцев // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6. С. 9–21.
11. Иванов Е.А. Проект возвращения черкесов на Кавказ в повестке черкесских организаций в России и диаспоре // Международная аналитика. 2024. № 15(3). С. 108–121.
12. Жаде З.А. Динамика этнической идентичности адыгов/черкесов // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 2. С. 20–26.
13. Обеспечение адаптации и интеграции репатриантов в Республике Адыгея. URL : <https://gshra.ru/socially/obespechenie-adaptatsii-i-integratsii-repatriantov-v-respublike-adygeya.html> (дата обращения 01.03.2025).
14. Закон Республики Адыгея от 1 декабря 2004 г. № 264 «О государственной политике содействия соотечественникам, прибывшим на постоянное место жительства в Республику Адыгея». URL : <https://base.garant.ru/32303288/?ysclid=m7u8rgt667399955122> (дата обращения 01.03.2025).
15. Государственная программа Республики Адыгея «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Адыгея соотечественников, проживающих за рубежом». URL : <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/komitet-po-dela-m-natsionalnostey-svyazyam-s-sootchestvennikami-i-sredstvami-masso/sootchestvenniki/gosudarstvennaya.php> (дата обращения 01.03.2025).
16. Постановление Кабинета министров Республики Адыгея от 24 декабря 2019 г. № 316 О государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности». URL : <https://docs.cntd.ru/document/561672793?ysclid=m7u2sdvppl182343711> (дата обращения 01.03.2025).

References:

1. Belozerova M.V. Repatriation of Adyghe and Circassians to the Regions of the Western and Northern Caucasus (1990–2010 s) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2023. № 81. P. 152–162.
2. Kosovo adyghe in Adyghea: Problems of Adaptation of Repatriates and Sustainable Development of the Region. Collection of articles / Comp. and scientific director of the project A.N. Sokolova; Editor R.Yu. Namitokova. Maykop : ASU, 2008. 104 p.
3. Shadzhe A.A. Sociocultural Adaptation of Kosovo Adyghe Repatriates in the Republic of Adyghea : abstract of dis. ... of the Candidate of Sociological Sciences. Maykop : ASU, 2009. 25 p.

4. Panesh T.A. Features of socio-cultural adaptation of repatriates (Kosovo Adyghe) in the conditions of the multicultural environment of the North Caucasus : author's abstract. dis. ... candidate of cultural studies. Krasnodar : KGIK, 2009. 25 p.
5. Zhade D. Adyghe-Abkhaz diaspora and repatriation. From Turkey to Abkhazia and Adyghea. Maykop : OOO «Polygraf-Yug», 2020. 128 p.
6. Tsibenko V.V. Repatriation of Circassians as a resource for political mobilization: a transnational approach / V.V. Tsibenko, A.A. Tlostnikov // Power. 2021. № 1. P. 261–270.
7. Courses on the study of the history and culture of the Adyghe were organized for Syrian Circassians in Adyghea. URL : <https://sk-news.ru/news/raznoe/29803> (date of application 01.03.2025).
8. In Adyghea, the educational program for Syrian Circassians was expanded. URL : <https://www.yuga.ru/news/289063/> (date of application 01.03.2025).
9. Results of the implementation of the republican plan of events dedicated to the Day of the Repatriate. URL : <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/komit-et-po-delam-natsionalnostey-svyazyam-s-sootchestvennikami-i-sredstvam-masso/novosti-ministerstva/itogi-realizatsii-respublikanskogo-plana-meropriyatiy-posvyashchennykh-dnyu-repatrianta/?ysclid=m7tzz6npd276662398> (date of application 01.03.2025).
10. Akkieva S.I. Issues of repatriation of Adyghe (Circassians) to their historical homeland: status and problems / S.I. Akkieva, E.M. Kotsev // «Blank spots» of Russian and world history. 2016. № 6. P. 9–21.
11. Ivanov E.A. The project of returning Circassians to the Caucasus on the agenda of Circassian organizations in Russia and the diaspora // International Analytics. 2024. № 15(3). P. 108–121.
12. Zhade Z.A. Dynamics of ethnic identity of the Adyghe/Circassians // Theories and problems of political research. 2022. № 2. P. 20–26.
13. Ensuring the adaptation and integration of repatriates in the Republic of Adyghea. URL : <https://gshra.ru/socially/obespechenie-adaptatsii-i-integratsii-repatriantov-v-respublike-adygeya.html> (date of application 01.03.2025).
14. Law of the Republic of Adyghea of December 01, 2004 № 264 «On the state policy of assisting compatriots who have arrived for permanent residence in the Republic of Adyghea». URL : <https://base.garant.ru/32303288/?ysclid=m7u8rgt667399955122> (date of application 01.03.2025).
15. State program of the Republic of Adyghea «Assistance to the voluntary resettlement to the Republic of Adyghea of compatriots living abroad». URL : <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/komit-et-po-delam-natsionalnostey-svyazyam-s-sootchestvennikami-i-sredstvam-masso/sootchestvenniki/gosudarstvennaya.php> (date of application 01.03.2025).
16. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Adyghea of December 24, 2019 № 316 On the state program of the Republic of Adyghea «Strengthening interethnic relations, forming an all-Russian civic identity». URL : <https://docs.cntd.ru/document/561672793?ysclid=m7u2sdvpgl182343711> (date of application 01.03.2025).

Информация об авторе

Шакер Язан Джан
аспирант
кафедры философии и социологии,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп
shakeryz@yandex.ru

Yazan Ja. Shaker
Postgraduate Student
of the Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University, Maikop
shakeryz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-2>

УДК 342.1

Attribution

cc by

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Жаде З.А., Шадже А.М., Гайдарева И.Н.

Адыгейский государственный университет

Аннотация. В статье проведен анализ соотношения между национальными целями развития Российской Федерации и Целями устойчивого развития ООН, что является важным шагом для достижения комплексного развития страны в условиях глобальных вызовов. Проведен анализ национальных целей развития Российской Федерации до 2035 года, определены приоритеты на уровне государства и их соотношение с международными стандартами. Представлен обзор Целей устойчивого развития ООН, их значение и влияние на формирование глобальной повестки дня. Установлен контекст, в котором происходит взаимодействие между национальными и международными целями.

Осуществлен сравнительный анализ национальных целей России и ЦУР. Особое внимание уделено ключевым направлениям интеграции национальных целей с ЦУР. Отмечено, что интеграция внутренних приоритетов России с международными целями не только способствует улучшению качества жизни граждан, но и укрепляет позиции страны на международной арене.

Подчеркивается, что, несмотря на наличие общих целей, реализация национальных целей в свете ЦУР сталкивается с рядом проблем. Рассмотрены основные препятствия, которые затрудняют достижение поставленных задач, такие как недостаток финансирования, отсутствие координации между различными уровнями власти и недостаточная информированность населения о целях устойчивого развития.

Предложены такие рекомендации по улучшению интеграции стратегий, направленных на достижение национальных целей развития России и ЦУР, как разработка более эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами, бизнесом и гражданским обществом, а также повышение уровня образования и информированности населения о важности устойчивого развития.

Ключевые слова: национальные цели развития России, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, интеграция целей, стратегия развития, экономический рост, социальное благосостояние, экологическая устойчивость, качество жизни, сравнительный анализ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Zuriet A. Zhade, Azamat M. Shadzhe, Inna N. Gaidareva

Adyge State University

Abstract. The article analyzes the relationship between the national development goals of the Russian Federation and the UN Sustainable Development Goals, which is an important step in achieving the country's comprehensive development in the context of global challenges. The analysis of the national development goals of the Russian Federation until 2035 is carried out, priorities at the state level and their relationship with international standards are determined. An overview of the UN Sustainable Development Goals, their significance and influence on the formation of the global agenda is presented. The context in which the interaction between national and international goals occurs is established. A comparative analysis of the national goals of Russia and the SDGs is carried out. Particular attention is paid to the key areas of integration of national goals with the SDGs. It is noted that the integration of Russia's domestic priorities with international goals not only contributes to improving the quality of life of citizens, but also strengthens the country's position in the international arena. It is emphasized that, despite the existence of common goals, the implementation of national goals in light of

the SDGs faces a number of problems. The main obstacles that complicate the achievement of the objectives are considered, such as lack of funding, lack of coordination between different levels of government and insufficient public awareness of the sustainable development goals. The following recommendations are proposed for improving the integration of strategies aimed at achieving Russia's national development goals and the SDGs: developing more effective mechanisms for interaction between government agencies, business and civil society, as well as increasing the level of education and public awareness of the importance of sustainable development.

Keywords: national development goals of Russia, sustainable development, sustainable development goals, integration of goals, development strategy, economic growth, social welfare, environmental sustainability, quality of life, comparative analysis.

Funding: Independent work.

Введение.

В современном мире устойчивое развитие стало одной из ключевых концепций, определяющих стратегию социально-экономического прогресса стран. В условиях геополитической турбулентности и взаимозависимости государств, необходимость интеграции национальных стратегий с международными целями становится особенно актуальной. В этом контексте особое внимание следует уделить соотношению национальных целей развития Российской Федерации с Целями устойчивого развития (далее – ЦУР), принятыми ООН [1].

Актуальность обозначенной проблемы обусловлена тем, что Россия как одна из ведущих стран мира стремится к достижению устойчивого развития, что подразумевает не только экономический рост, но и социальное благосостояние, экологическую устойчивость и улучшение качества жизни граждан.

В 2024 году Указом Президента Российской Федерации утверждены национальные цели развития страны до 2030 года, которые включают в себя такие приоритетные направления, как:

- «а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
- б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) экологическое благополучие;
- д) устойчивая и динамичная экономика;
- е) технологическое лидерство;
- ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» [2].

Эти цели, в свою очередь, практически соотносены с глобальными задачами, определенными в рамках ЦУР, которые охватывают широкий спектр вопросов, включая борьбу с бедностью,

обеспечение равенства, устойчивый экономический рост и защиту окружающей среды.

Следует согласиться с коллегами в том, что «построение многополярного мира и закрепление в нем России как ключевого игрока актуализирует ее ответственность за судьбу цивилизации.

В связи с этим, можно сделать вывод о практической значимости исследований, посвященных вопросам устойчивого развития, трансформации целей устойчивого развития и их адаптации к современным реалиям» [3, с. 32].

Анализ национальных целей развития РФ до 2030 года. Национальные цели развития Российской Федерации охватывают ключевые аспекты социально-экономического прогресса страны. Эти цели гармонично соотносятся с ЦУР ООН, что подтверждает важность их реализации в контексте глобальных стандартов.

Первое направление, касающееся сохранения населения и здоровья граждан, непосредственно перекликается с ЦУР, связанными со здоровьем и благополучием (ЦУР 3). Укрепление здоровья, активная поддержка семей и уменьшение смертности могут быть достигнуты через такие целенаправленные меры, как улучшение доступа к медицинским услугам и профилактическим программам [2].

Второе направление – реализация потенциала каждого человека – также соответствует нескольким ЦУР, включая качество образования (ЦУР 4) и уменьшение неравенства (ЦУР 10). Создание условий для самореализации и развития талантов способствует формированию образованного и социально ответственного общества. Патриотичное воспитание, основанное на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, усиливает национальную идентичность и сплоченность общества [2].

Комфортная и безопасная окружающая среда является критически важным аспектом национального развития и охватывает элементы, которые совпадают с ЦУР 11 – создание устойчивых городов и населенных пунктов. Улучшение жилищных условий и дорожной инфраструктуры не только способствует повышению качества жизни, но и активизирует экономическую дея-

тельность в регионах. Внедрение экологически чистых технологий и стилей жизни также способствует этому [2].

Достойный труд и успешное предпринимательство, акцент в которых ставится на развитие экономической активности, напрямую связаны с ЦУР 8 и 9, которые касаются экономического роста и труда. Поддержка малого и среднего бизнеса, а также создание рабочих мест являются основой для достижения экономической устойчивости и повышения жизненного уровня населения [2].

Цифровая трансформация, входящая в список целей, имеет аналогии с ЦУР 9 об устойчивой промышленности и инновациях. Внедрение цифровых технологий в государственное управление и повседневную жизнь граждан может существенно повысить эффективность работы учреждений и качество обслуживания. Как отмечают эксперты, «внедрение цифровых технологий позволяет более точно прогнозировать и анализировать различные аспекты пространственного развития, такие как транспортная инфраструктура, зеленые зоны, энергоэффективность зданий и многое другое» [4, с. 1686].

Региональное развитие направлено на балансирование ресурсов и создание равных возможностей для всех граждан, что имеет значение в контексте устойчивого развития (ЦУР 10). Устойчивое распределение ресурсов и развитие инфраструктуры в отдаленных территориях также важны для достижения социальных и экономических целей [2].

В рамках интеграции национальных целей РФ и ЦУР необходимо учитывать взаимозависимость и взаимодополняемость этих систем. В конечном счете, улучшение качества жизни и повышение благосостояния граждан должны стать главным приоритетом не только для России, но и для мирового сообщества в целом. Эффективная реализация этих целей требует комплексного подхода, который включает в себя как государственные, так и частные инициативы, направленные на устойчивое развитие и социальное благополучие.

Цели устойчивого развития ООН: обзор и значение. Цели устойчивого развития ООН были разработаны с целью создания всеобъемлющей программы действий для достижения социального, экономического и экологического благополучия. 17 основных целей и 169 задач направлены на решение ряда таких глобальных проблем, как бедность, неравенство, изменение климата и уничтожение экосистем [1]. Важным аспектом этих целей является их универсальность, что подразумевает, что каждое государство должно адаптировать ЦУР в соответствии со своими уникальными условиями и вызовами.

В процессе работы над реализацией этих целей государства должны учитывать множество факторов, включая экономические, социальные и

экологические обстоятельства. Принятые меры должны способствовать прогрессу в этих областях, не забывая о необходимости учитывать взаимодействие между ними. Например, улучшение экономической ситуации может привести к снижению уровня бедности, однако, для этого необходимы соответствующие экологические практики, чтобы избежать последствий для природы.

Ученые солидарны в том, что «ЦУР представляют собой декларации-рекомендации для всех стран по реализации стратегий развития, направленных на стимулирование экономического роста, рост благосостояния населения, достижение социального равенства, улучшение здравоохранения и образования при одновременном сохранении экологического баланса и недопущении деградации природных ресурсов» [5, с. 222].

Одним из ключевых элементов системы ЦУР является их взаимосвязанность. Это означает, что выполнение одной цели влияет на достигнутые результаты в других областях. Так, борьба с голодом может зависеть от обеспечения устойчивого сельского хозяйства и доступа к чистой воде. Поэтому планирование и реализация программ нужно вести через призму целостного подхода, интегрируя различные сектора и элементы.

Растущее число стран, включая Россию, стремится к интеграции ЦУР в свои национальные стратегии развития. Этот процесс включает в себя мониторинг и оценку прогресса, а также адаптацию к социально-экономическим условиям конкретного региона. Важно отметить, что ЦУР представляют собой не фиксированный набор целей, а достаточно гибкий механизм, позволяющий учитывать изменения и адаптироваться к новым вызовам.

Кроме того, каждое государство должно разработать свои индикаторы, которые позволят измерять прогресс в реализации ЦУР. Это, в свою очередь, способствует повышению прозрачности и ответственности, так как общество может отслеживать результаты и вносить корректировки в политику и практику.

На данном этапе государственные органы власти РФ также разрабатывают механизмы, позволяющие наилучшим образом интегрировать ЦУР в действующие программы и стратегии развития. Это требует активного сотрудничества между различными секторами, включая государственные, частные и некоммерческие организации, а также с представителями гражданского общества. Совместные усилия могут стать основой для устойчивого развития и улучшения качества жизни в стране.

ЦУР призывают к интеграции экономических, социальных и экологических целей, подчеркивая важность взаимодействия всех заинтересованных сторон. Важно не только формулировать

задачи, но и реализовывать их в новых условиях, обеспечивая постоянный мониторинг и оценку прогресса, что является залогом успешного достижения этих целей.

Вместе с тем, рассуждая о значении ЦУР, следует обратить внимание на то, что многими специалистами, в том числе и авторами данной статьи, признается несовершенство концепции и недостаточность целей устойчивого развития. В своих исследованиях мы уже ставили вопрос о том, что, «учитывая появление нового набора приоритетных угроз и вызовов международной безопасности, связанных, прежде всего, с расширением НАТО на Восток, представляется, что настало время для концептуального пересмотра 17 ЦУР» [6, с. 46].

Сравнительный анализ национальных целей России и ЦУР. Сравнительный анализ национальных целей развития России и Целей устойчивого развития ООН демонстрирует явное стремление к взаимодополняемости этих двух систем. Одна из ключевых особенностей данного процесса заключается в адаптации глобальных ЦУР к специфике и нуждам России, что создает пространство для интеграции этих целей в национальные стратегии.

Россия начала интегрировать ЦУР в свои нормативные документы с 2018 года, когда Президентом РФ был подписан указ, формирующий национальные цели развития. В 2020 году эти цели были обновлены с учетом вызовов, связанных с пандемией COVID-19, что подчеркивает гибкость отечественной системы к глобальным изменениям и необходимость ее актуализации. Этим шагом Россия демонстрирует стремление не только адаптировать успешные модели, но также учесть новые вызовы, актуальные для всего мира.

На заседании саммита БРИКС в октябре 2024 г. Президент РФ подчеркнул, что «буксует и реализация задач Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года; причем, сильнее всех от нестабильной конъюнктуры мировой экономики страдают наименее развитые страны – прежде всего, от продовольственной и энергетической инфляции» [7].

Несмотря на отсутствие взаимосвязи во многих аспектах, некоторые цели ООН достигнуты в России. Это относится, в частности, к социальным и экономическим достижениям. Однако недостаточное внимание к экологии, отраженное в ЦУР 12–15, указывает на необходимость улучшения этих аспектов в национальных стратегиях. Важно отметить, что взаимосвязь целей делает их интеграцию особенно актуальной, так как успех в одной области может способствовать продвижению в других. Этот недостаток практической реализации и требует более полного включения всех целей устойчивого развития в новые долгосрочные доктрины. Контекст устойчивого развития требует разностороннего подхода и дополнительного внимания к взаимодействию

социальных, экологических и экономических целей.

На сегодняшний день усилия по интеграции ЦУР в национальные документы действительно наблюдаются, однако, страны с развитой экономикой, как Россия, должны более активно развивать экологические аспекты. Проблемы, связанные с адаптацией и реализацией ЦУР, требуют более широкого обсуждения и реализации через механизмы, которые могут гарантировать соблюдение всех норм и стандартов устойчивого развития.

Россия находится на пути интеграции ЦУР в свою стратегию развития, однако, требуется значительные доработки в экологии и других сферах. Представляется, что полная адаптация всех целей, учитывающая как внутренние, так и международные потребности, станет важным шагом к достижению устойчивого развития к 2030 году.

Ключевые направления интеграции национальных целей с ЦУР. Анализ интеграции национальных целей развития Российской Федерации с Целями устойчивого развития ООН показывает, что данная связь становится особенно актуальной на фоне глобальных вызовов, с которыми человечество столкнулось в последние годы. РФ принимает серьезные меры для формулирования своих стратегий в соответствии с международными стандартами, включая вопросы экономики, экологии и социальной справедливости. Это позволяет максимально эффективно использовать синергетический эффект от пересечения национальных инициатив и глобальных целей, намеченных в Повестке дня ООН до 2030 года.

Национальные цели, определенные в России, охватывают широкий спектр задач, которые соответствуют идеям устойчивого развития. Основные аспекты включают в себя улучшение качества жизни населения, устойчивое экономическое развитие и ответственные методы управления природными ресурсами. Примечательно, что за период с 2018 по 2020 годы указанные цели обновлялись с учетом изменения внешне-экономической обстановки и вызовов, вызванных пандемией COVID-19. Эти изменения затронули и горизонты планирования, который расширен до 2036 года [1].

Каждая из 17 ЦУР имеет свое место в контексте национальных приоритетов, что позволяет реализовать практически все ключевые инициативы в сфере устойчивого развития. Например, национальный проект «Экологическое благополучие» включает водные и санитарные проекты, что соответствует ЦУР, касающихся чистоты воды и санитарных условий [8]. Важно также отметить, что целенаправленная модернизация инфраструктуры по национальному проекту «Инфраструктура для жизни» в стране охватывает значительное количество задач, установленных в рамках ЦУР, а именно 107 из 169 [8].

Социальный аспект стал решающим для большинства вновь разработанных национальных проектов РФ, что связано с необходимостью повышения качества жизни. Необходимость доступной медицины и образования наглядно вписывается в международные приоритеты и цели по ликвидации нищеты и обеспечения всеобъемлющего образования. Кроме того, их потребность интегрировать бизнес-инициативы в устойчивое развитие обуславливает многие международные процессы, что также соответствует положению в рамках информационной кампании по целям ООН. Ответственность бизнеса в контексте ESG (экологические, социальные и корпоративные стандарты) требует более активного вовлечения компаний в решение социальных и экологических вопросов [9].

Исследования показывают, что российская практика в области внедрения ЦУР и формирования национальных целей все активнее разворачивается на международной арене. К примеру, добровольные национальные обзоры, проводимые на платформах ООН, подчеркивают готовность России делиться своим опытом и достижениями в данной области [10].

Поскольку интеграция национальных целей и ЦУР требует скоординированного подхода, важно учитывать, что сроки их достижения также должны быть взаимосвязаны. Наиболее успешные проекты в области устойчивого развития должны ориентироваться на существующие вызовы и обеспечивать устойчивую реализацию каждой из ЦУР с учетом национальных особенностей. Необходимо создание эффективной платформы для взаимодействия всех сторон – государства, бизнеса и гражданского общества, что позволит обеспечить гармоничное развитие всех уровней и слоев общества, исходя из принципа инклюзивности, заложенного в стратегии устойчивого развития.

Принятие стратегий с учетом изменений, происходящих на глобальном уровне, также позволяет России не только адаптироваться к новым реалиям, но и вносить свой вклад в решение проблем, касающихся устойчивого развития на международной арене. Углубленная работа, цель которой – создание благоприятных условий для достижения поставленных целей, требует координации между различными секторами. В этом контексте, необходимо максимальное использование потенциала существующих наработок в области устойчивого развития с целью дальнейшего улучшения качества жизни всех граждан и охраны окружающей среды.

Проблемы реализации национальных целей в свете ЦУР. Реализация национальных целей России в свете целей устойчивого развития ООН требует внимательного анализа существующих проблем и вызовов. Эти цели, установленные на уровне государства, должны согласовываться с глобальными стандартами и принципами, чтобы укрепить устойчивое развитие в стране. Однако,

несмотря на значительные усилия, возникают серьезные проблемы, препятствующие успешному достижению поставленных задач.

Одной из ключевых проблем является дефицит квалифицированных кадров, что подтверждает анализ текущей ситуации на рынке труда. Образовательные учреждения не всегда успевают адаптироваться к быстро меняющимся требованиям работодателей, что приводит к недостатку специалистов в ряде областей. Указ Президента РФ 2024 года о национальных целях развития подчеркивает необходимость повышения качества образования и подготовки кадров [2], однако, реализация этих инициатив встречает определенные трудности.

Неоптимальное распределение бюджета также влияет на реализацию национальных проектов. Обычно выделяемые средства не всегда направляются на наиболее критические направления, что снижает их эффективность. Эти недостатки обусловлены недостаточной координацией действий между различными уровнями государственного управления. Учитывая, что один из приоритетов нацпроектов связан с улучшением качества жизни, такая ситуация вызывает опасения относительно устойчивости достигнутого прогресса.

Другая проблема связана с интеграцией национальных целей с целями устойчивого развития. ЦУР ООН акцентирует внимание на многопрофильности подходов и комплексности решений. Однако в России часто наблюдается фрагментарный подход, когда проекты реализуются в рамках отдельных целей, без учета их взаимосвязи. Например, социальные проекты могут не учитывать экологические аспекты, что снижает общую эффективность и приводит к конфликту интересов.

Также, стоит упомянуть о необходимости адаптации действующих программ и политик к экономическим условиям. Следует учитывать влияние таких внешних факторов, как экономические санкции и изменения в международной политике, что затрудняет реализацию даже самых взвешенных и спланированных проектов.

Для улучшения ситуации необходимо не только исправление выявленных проблем, но и создание эффективной системы мониторинга и оценки результатов реализации национальных проектов. Это позволит не только выявить слабые места, но и сделать выводы для будущих инициатив. Интеграция подходов к реализации национальных целей с принципами ЦУР должна стать важной частью государственной политики, что потребует изменений в законодательстве и управлении на всех уровнях.

Следует отметить, что изменение подходов к реализации вопросов устойчивого развития требует не только институциональных изменений, но и развития механизмов общественного контроля, вовлечения граждан в процессы планиро-

вания и реализации проектов. Учитывая мнения и потребности населения, можно значительно повысить эффективность проектов и обеспечить устойчивое развитие.

Всесторонний анализ существующих вызовов и проблем, объединенный с активными действиями по их устранению, станет залогом успешной реализации как национальных целей, так и целей устойчивого развития. Синергия между ними позволит не только укрепить внутренние основы социально-экономического развития страны, но и вывести Россию на более высокий уровень взаимодействия с мировым сообществом в сфере устойчивого развития.

Рекомендации по улучшению интеграции стратегий. Несмотря на то, что совокупность кризисов, связанных с пандемией COVID-19, геополитическим противостоянием России и коллективного Запада, «затормозила прогресс в достижении Целей устойчивого развития и поставила под угрозу реализацию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [11, с. 178], Россия сегодня демонстрирует приверженность целям обеспечения сбалансированного развития.

На фоне глобальных вызовов, с которыми сталкивается современное общество, интеграция целей устойчивого развития ООН и национальных целей России до 2030 года становится критически важной для обеспечения социально-экономической устойчивости. ЦУР охватывают широкий спектр аспектов, включая экономическое развитие, социальную инклюзивность и защиту окружающей среды. Их реализация в России требует не только политической, но и экономической воли, а также активного участия всех заинтересованных сторон, включая правительство, бизнес и гражданское общество.

Первым шагом в этой интеграции является формирование гибкой политики, которая бы учитывала специфику российских условий. Важно, чтобы механизмы управления государственной политикой были адаптированы к реалиям, в которых осуществляется развитие. Одним из предложений является создание кросс-секторных рабочих групп, которые бы занимались не только формированием стратегий, но и обеспечением их реализации с акцентом на взаимосвязь между различными секторами экономики.

Существующие инициативы по интеграции ЦУР в российское законодательство и программы требуют дополнительной поддержки со стороны бизнеса. Поддержка ответственного инвестирования, а также развитие ESG-факторов (экологические, социальные и управленческие) могут значительно ускорить процесс достижения целей устойчивого развития. Бизнес, активно принимающий участие в реализации ЦУР, может повысить свою конкурентоспособность на международной арене, что соответствует интересам государства.

Важную роль в интеграции ЦУР в национальное стратегическое планирование играет общественное осознание этих целей. Образование и просвещение граждан по вопросам устойчивого развития способствуют улучшению их вовлеченности в процесс, что, в свою очередь, влияет на политические решения. Поддержка НКО и инициативных групп населения в целях реализации программ по устойчивому развитию может способствовать созданию более устойчивой платформы для дальнейших действий.

Недостаточно лишь формально включать ЦУР в национальные стратегии. Необходим комплексный подход, который включает в себя взаимозависимость всех уровней управления – от федерального до регионального. Одной из рекомендаций является создание интегрированных индикаторов для мониторинга выполнения поставленных целей, что позволит оперативно реагировать на изменения и корректировать направления работы.

Интеграция целей устойчивого развития в политику и стратегическое планирование России требует системного подхода и взаимодействия всех слоев общества. Поддержка инициатив на региональном уровне и вовлечение разнообразных заинтересованных сторон станут залогом успешной реализации как национальных целей, так и задач, обозначенных в ЦУР.

Мы полностью солидарны с мнением экономистов, согласно которому «для достижения сформулированных Президентом России национальных целей развития страны, в современных геополитических и социально-экономических условиях, существующей в настоящее время экономической модели в нашей стране, вероятно, предстоит пройти сложный этап трансформации от рыночного капитализма, сложившегося за 30-летний период в России, к такому общественному устройству, в основе которого будут сохранены принципы рыночной экономики при сохранении государственного управления (при повышении его качества)» [12, с. 76].

Заключение.

Соотнесение национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года с целями устойчивого развития ООН представляет собой важный и многогранный процесс, который требует комплексного подхода и активного взаимодействия всех заинтересованных сторон. В ходе проведенного анализа выявлено, что многие из национальных целей России перекрываются с глобальными задачами, установленными ООН, что создает возможности для синергии и взаимовыгодного сотрудничества.

Национальные цели развития, определенные Президентом Российской Федерации, охватывают такие ключевые аспекты, как рост рождаемости, экономическое развитие, улучшение образования и здравоохранения. Эти направления не только способствуют повышению качества жизни

граждан, но и напрямую связаны с такими целями устойчивого развития, как борьба с бедностью, обеспечение качественного образования и улучшение здоровья населения.

Таким образом, можно утверждать, что реализация национальных целей в значительной степени соответствует международным стандартам и требованиям, что создает предпосылки для устойчивого развития страны.

Однако, несмотря на наличие общих направлений, существует ряд проблем, которые могут затруднить интеграцию национальных целей с ЦУР. К числу таких проблем можно отнести недостаток финансирования, отсутствие четкой координации между различными уровнями власти, а также необходимость повышения осведомленности населения о целях устойчивого развития. Эти факторы могут негативно сказаться на реализации намеченных планов и замедлить прогресс в достижении как национальных, так и международных целей.

Важным аспектом, который следует учитывать, является необходимость разработки и внедрения эффективных механизмов мониторинга и оценки достижения как национальных целей, так и целей устойчивого развития. Это позволит не только отслеживать прогресс, но и вносить необходимые коррективы в стратегии и программы, что, в свою очередь, повысит их эффективность и результативность.

Рекомендации по улучшению интеграции стратегий включают в себя необходимость создания

межведомственных рабочих групп, которые будут заниматься координацией усилий различных министерств и ведомств в области реализации национальных целей и ЦУР. Также, важно развивать партнерство с гражданским обществом и частным сектором, что позволит привлечь дополнительные ресурсы и экспертизу для достижения поставленных задач.

Кроме того, следует акцентировать внимание на необходимости повышения уровня образования и информированности населения о целях устойчивого развития. Это может быть достигнуто через образовательные программы, информационные кампании и вовлечение молодежи в процесс реализации этих целей. Участие граждан в обсуждении и формировании политики, направленной на устойчивое развитие, будет способствовать более глубокому пониманию и поддержке этих инициатив.

Таким образом, интеграция национальных целей развития Российской Федерации с целями устойчивого развития ООН является не только актуальной задачей, но и необходимым условием для достижения устойчивого и комплексного развития страны. Успешная реализация этой интеграции позволит не только улучшить качество жизни граждан, но и укрепить позиции России на международной арене, продемонстрировав её приверженность глобальным стандартам и ценностям. В конечном итоге, это создаст условия для формирования более справедливого, устойчивого и процветающего общества, что является общей целью России.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 70/1 от 25 сентября 2015 года. URL : <https://base.garant.ru/407358666/?ysclid=m7gjj6g6ekg297582954> (дата обращения 30.01.2025).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=m7gkesfvn4990675460> (дата обращения 30.01.2025).
3. Митяков С.Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1. С. 21–35.
4. Смыслова О.Ю. Цифровизация и устойчивое развитие: новые вехи в пространственном планировании территорий России / О.Ю. Смыслова, И.Н. Макаров, Д.В. Гущин // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1683–1702.
5. Овчинников О.Г. Глобальная продовольственная проблема: возможность решения и его варианты // Московский экономический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 220–256.
6. Жаде З.А. Международная безопасность и национальный суверенитет в ракурсе целей устойчивого развития / З.А. Жаде, А.М. Шадже, И.Н. Гайдарева // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 11А. С. 43–50.

7. Выступление В.В. Путина на заседании саммита БРИКС в расширенном составе 24 октября 2024 г. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75375> (дата обращения 30.01.2025).
8. Национальные проекты России. URL : <https://национальныепроекты.рф/new-projects> (дата обращения 30.01.2025).
9. Повестка устойчивого развития (ESG повестка) в новых российских реалиях. URL : <https://mykhabkrai.ru/upload/iblock/352/9wgo17o7gywsygytf6zz5mk6jm6r5qpp.pdf> (дата обращения 30.01.2025).
10. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL : <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf?ysclid=m7gqqqr8pk332750135> (дата обращения 30.01.2025).
11. Ларионова М.В. Спасти ЦУР. Укрепление партнерства для достижения ЦУР в постпандемическом цифровом мире / М.В. Ларионова // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С. 163–188.
12. Грибанова О.М. О национальных целях развития российской федерации в новых социально-экономических условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 4. С. 65–81.

References:

1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development: UN General Assembly Resolution No. 70/1 of 25 September 2015. URL: <https://base.garant.ru/407358666/?ysclid=m7gj6g6ekg297582954> (date of application 30.01.2025).
2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the perspective up to 2036: decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 № 309. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/?ysclid=m7gkesfyn4990675460> (date of application 30.01.2025).
3. Mityakov S.N. New goals of sustainable development of Russia // Development and security. 2023. № 1. P. 21–35.
4. Smyslova O.Yu. Digitalization and sustainable development: new milestones in spatial planning of Russian territories / O.Yu. Smyslova, I.N. Makarov, D.V. Gushchin // Creative economy. 2024. Vol. 18. № 7. P. 1683–1702.
5. Ovchinnikov O.G. Global food problem: the possibility of a solution and its options // Moscow economic journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 220–256.
6. Zhade Z.A. International security and national sovereignty in the context of sustainable development goals / Z.A. Zhade, A.M. Shadzhe, I.N. Gaidareva // Theories and problems of political research. 2023. Vol. 12. № 11A. P. 43–50.
7. Speech by V.V. Putin at the BRICS summit in an expanded format on October 24, 2024. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75375> (date of application 01/30/2025).
8. National projects of Russia. URL : <https://накцияныепроекты.рф/new-projects> (date of application 01/30/2025).
9. Sustainable development agenda (ESG agenda) in the new Russian realities. URL : <https://mykhabkrai.ru/upload/iblock/352/9wgo17o7gywsygytf6zz5mk6jm6r5qpp.pdf> (date of application 30.01.2025).
10. Voluntary national review of the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL : <https://www.economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf?ysclid=m7gqqqr8pk332750135> (date of application 30.01.2025).
11. Larionova M.V. Save the SDGs. Strengthening the partnership to achieve the SDGs in the post-pandemic digital world // Bulletin of international organizations. 2020. Vol. 15. № 4. P. 163–188.
12. Griбанова О.М. On the national development goals of the Russian Federation in the new socio-economic conditions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. № 4. P. 65–81.

Информация об авторах

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой теории
и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
zhadezura@yandex.ru

Zuriet A. Zhade

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State, Constitutional Engineering
and Law and Political Science,
Adygea State University, Maikop
zhadezura@yandex.ru

Шадже Азамат Мухамчериевич

доктор юридических наук,
профессор,
директор Института права,
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
a.hadzhe@adygnet.ru

Azamat M. Shadzhe

Doctor of Law, Professor,
Director of the Institute of Law,
Adygea State University, Maikop
a.hadzhe@adygnet.ru

Гайдарева Инна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
конституционного строительства и политологии,
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп
alay_1968@mail.ru

Inna N. Gaidareva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State, Constitutional Engineering
and Law and Political Science,
Adygea State University, Maikop
alay_1968@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3>

УДК 347.19

Attribution

cc by

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА

Журавлева А.В., Куликова Ю.А.

Московский психолого-социальный университет

Аннотация. В предложенном исследовании авторы анализируют феномен искусственного интеллекта (далее, ИИ) с точки зрения философско-правового осмысления и возможности применения к нему различных правовых конструкций правосубъектности в зарубежном и российском правовом дискурсе, состояние и качество гражданского законодательства РФ.

В качестве методологической базы исследования авторы используют метод системного анализа, позволяющий осмыслить основную часть актуального теоретического материала по заявленной теме.

Метод синтеза авторы применяют для выработки рабочей гипотезы о наиболее актуальной и применимой форме правосубъектности юнита ИИ.

Научная ценность результатов предложенного исследования заключается в выводе о невозможности наделения юнита ИИ статусом субъекта правоотношений.

Авторы в результате исследования предлагают рассматривать «электронное лицо» как формальный технико-юридический призрак с признаками юридической фикции, обладающий в правовом пространстве специальной правосубъектностью квазисубъекта искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное лицо, квазисубъект, физическое лицо, юридическое лицо, ответственность, объект права, норма права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A LEGAL ENTITY

Alena V. Zhuravleva, Yulia A. Kulikova

Moscow Psychological and Social University

Abstract. The purpose of this research is to analyze and understand the civil law aspects of the phenomenon of artificial intelligence and the legal status of generative artificial intelligence technologies (hereinafter referred to as AI) in both foreign and Russian legal contexts. We also aim to assess the current state and quality of civil legislation in the Russian Federation regarding AI. As a methodological basis for the research, the authors use the method of system analysis, which allows them to comprehend the main part of theoretical material. The synthesis method is used to formulate an author's scientific hypothesis about the possible form of legal personality for an AI unit. The scientific results of the study lead to conclusions about the impossibility of applying concepts of individual and collective legal entities to the legal personality of AI units. As a result of the study, the authors propose considering the «electronic person» as a formal technical and legal entity with signs of legal fiction that possesses a special legal personality in the legal space as a quasi-artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, electronic person, legal personality, individual, collective, responsibility, object of law, norm of law.

Funding: Independent work.

Введение. Жизнь современного общества невозможно представить без компьютерно-программных технологий, которые развиваются с невероятной быстротой. Максимально перспективными и потенциально применимыми технологиями практически во всех сферах общественной жизни сегодня выступают различные программы с использованием ИИ, решающие

задачи любой сложности без вмешательства интеллектуальной составляющей человека.

Само понятие AI (artificial intelligence) – «искусственный интеллект» или «искусственный разум» появилось в социальной реальности в середине XX благодаря работам Джона Маккартни, Аллана Тьюринга, Клода Шеннона и многих других ученых.

В самом упрощенном понимании ИИ сегодня это – способность компьютерной программы имитировать человеческие действия и навыки.

В процессе обучения, генеративного анализа различных массивов больших данных на основе опыта, принятия разумных решений, системы с искусственным интеллектом способны решать сложные и многозначные проблемы, интуитивно мыслить и широко выходить за рамки обычной автоматизации.

Генеративный интеллект – Chat GPT, разработанный американской компанией Open AI способен имитировать реакции человека, автономно генерировать различный контент, разрабатывать прототипы и алгоритмы, вести научные исследования и т.п.

Перед обществом открываются новые возможности для создания различных индивидуальных цифровых продуктов и услуг, делая процесс более быстрым и гораздо экономически выгодным.

Целью предлагаемого исследования является попытка гражданско-правового осмысления феномена искусственного интеллекта в контексте концепций, конструирующих правовой статус ИИ в зарубежном и российском законодательствах; сравнение правовых признаков ИИ с признаками физического и юридического лица; рассмотрение вопросов о возможных видах ответственности ИИ; анализ актуальных тенденции в зарубежном и российском законодательствах в сфере наделения ИИ специальной правосубъектностью и особым статусом – «электронное лицо».

Для достижения заявленных целей исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать состояние и качество зарубежного и российского законодательства в отношении норм, регулирующих использование ИИ в целом и в сфере норм права интеллектуальной собственности.
2. Исследовать, по возможности, предложить классификацию моделей определения форм ответственности ИИ.
3. Исследовать возможность наделения ИИ юридическими и фактическими признаками физического и юридического лица, как квазисубъекта «электронного» лица.
4. По возможности, оказать содействие в адаптации норм Гражданского права к вызовом научно-технического прогресса.

Обсуждение.

Вопросы определения и толкования понятия «искусственный интеллект» были частично раскрыты в работах зарубежных и российских ученых, в первую очередь, в трудах Стюарта Рассела, Эрла Ханта, Николаса Бострома, Джона Дю-

гера, из российских авторов представляют интерес работы И.В. Понкина, О.А. Кузнецовой, Г.А. Гаджева, Гаврилова Э.П. и многих других.

Эти новации в определениях новых правовых явлений необратимо влияют на развитие довольно консервативной юридической среды, где многие отрасли работают по классическим и привычным регламентам, но в объективной социальной реальности все острее ощущается запрос на динамичную адаптацию норм практически во всех сферах законодательства, активное применение экспериментальных правовых режимов в контексте цифровых инноваций для заполнения проблемных зон в зарубежном и российском законодательствах.

В зарубежном законодательстве на текущий момент проработаны всего три законодательные инициативы в области регулирования использования искусственного интеллекта, требующие пристального внимания законодателей, ученых, разработчиков технологий с ИИ во всем мире.

В частности, авторы отмечают «Закон об ИИ» (The AI Law), принятый в 2023 году в Евросоюзе, «Указ о безопасном, надежном и заслуживающем доверия ИИ» (Executive Order on Safe, Secure, and Trustworthy Artificial Intelligence), принятый в 2021 году в США и «Временные меры по управлению генеративными системами искусственного интеллекта» (Interim measures for managing generative artificial intelligence systems), принятый в 2022 году Китае.

Наряду с другими важными направлениями государственной политики, в Российской Федерации ключевым вектором выступает развитие технологий с использованием ИИ.

В связи с этим, приняты и находятся в состоянии законопроекта большие массивы законодательных норм и инициатив.

В 2019 году Указом Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года».

В соответствии с этим программным документом, была разработана нормативно-правовая база и приняты соответствующие правовые нормы: Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве», Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», которым был введен новый правовой инструмент, позволяющий апробировать инновации в тестовом режиме, без корректировки действующего правового регулирования.

Своевременным шагом в сфере правового регулирования ИИ в РФ стало принятие Федерального закона от 08 июля 2024 года № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который дополняет Федеральный закон № 258-ФЗ механизмом рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека, либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в результате использования решений, созданных с применением технологий ИИ, а также предусматривает обязательное страхование гражданской ответственности участников экспериментального правового режима, наступающей в указанных случаях.

В условиях цифровой реальности современные юридические технологии позволяют внедрять новые или перераспределять классические действующие методы правового регулирования, использовать инновационные правовые режимы, систематизировать и адаптировать крупные массивы законодательных норм, придавая современному праву структурность и динамизм.

В данной статье авторы рассматривают аргументы сторонников трех основных теорий правосубъектности юнита ИИ: это полноценный субъект правоотношений, объект особого рода и «электронное лицо» как квазисубъект.

Искусственное введенное в оборот понятие «юнит» (англ. unit), дословно переводиться как элемент, но имеет многозначность в толковании. В правовой сфере этим термином принято называть обобщенный, обезличенный субъект или объект правоотношений.

В частности, Ф.А. Ужов в своих исследованиях рассматривает юнит как механизм, полностью лишенный социализации, а юнит ИИ понимает, как информационную технологию, схожую с субъектом или объектом права, способным совершать юридически значимые действия [11, с. 100].

Попытки искусственно создать субъект правоотношений, который не обладает всеми необходимыми юридическими признаками, привели к появлению в законодательстве таких понятий как «квазисубъект» и «квазиправосубъектность», обозначающих лиц, общностей и организаций, но при этом не обладающих сознанием, волей, субъективным интересом и субъективными потребностями.

Ученые, изучающие и сопоставляющие искусственный интеллект, и человеческий разум, в частности, Эрл Хант, считают, что, используя термин «электронное лицо», можно применить метод юридической фикции и придать юниту ИИ статус личности, что фактически означает наделение юнита ИИ правосубъектностью [10, с. 571].

Принимая во внимание морально-этический аспект, и учитывая, что юнит ИИ разумен, можно предположить, что он имеет право на собственный правовой статус, в результате чего возможно приобретение автономности, включая права и обязанности [1, с. 412].

Э.П. Гаврилов полагает, что обладая разумом, развитым интеллектом, сознанием, психологическим типом и при этом не являясь личностью, объект может выступать как физическое лицо, обладая при этом соответствующими правами и обязанностями [2, с. 124].

Авторы статьи делают предположение, что при конструировании правового статуса для юнита ИИ применимы такие признаки правосубъектности, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность физического лица.

Конструкция правосубъектности, согласно нормам п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ, рассматривается как способность гражданина, в результате своих действий осуществлять, приобретать гражданские права и исполнять, создавать гражданские обязанности.

В классическом праве субъекты по различным критериям разделены на статичные группы, наиболее стабильная из них - индивидуальные и коллективные субъекты.

Авторы согласны с мнением Г.А. Гаджиева, что важнейшей характеристикой физического или индивидуального лица выступает самосознание, которое раскрывает многогранность личности человека и маркируется его способностями к обучаемости, коммуникации и адаптации к различным информационным и цифровым технологиям [3, с. 230].

Принимая во внимание, что генеративный ИИ сегодня практически не уступает человеку в воспроизведение интеллектуальной деятельности и мышлению, можно предположить, что он отвечает критериям правосубъектности физического лица.

В правовом дискурсе отмечается, что на самых ранних этапах биологического развития физическое лицо или индивид, не могло обладать развитым мышлением, которым он способен обладать уже в зрелом возрасте, но в правовом дискурсе он признается полноценным субъектом правоотношений, что говорит о гибкости данного критерия [3, с. 239].

Упрощенно рассматривая общение как без эмоциональный процесс обмена информацией между субъектам, можно приравнять юнит ИИ к полноправной сущности, которую от физического лица отличает только факт отсутствия рефлексии по отношению к внутреннему и внешнему миру [7, с. 112].

Авторы полагают, что важнейшим маркером физического лица как субъекта правоотношений выступает философская категория – самосо-

знание или самоосознания себя в окружающем мире.

Юридическая доктрина обосновывает, а юридическая практика подтверждает, что, обладая полным сознанием, некоторые физические лица могут быть лишены правосубъектности, а временно не обладающие сознанием субъекты, могут быть лишены правосубъектности. В качестве примера рассматривается спящий человек, временно не обладающий сознанием, но при этом обладающий правосубъектностью в полном объеме [4, с. 654].

Актуальная теория, имеющая большое количество сторонников, в свою конструкцию включает идею о возможности принятия на законодательном уровне минимального стандарта о наличии определенной степени сознания у юнитов ИИ, что позволит расширить вероятность признания их обладающими правосубъектностью [13, с. 46].

Если индивид выделяет себя из окружающей реальности и считает себя объектом окружающего мира, осознает самоценность своей личности, своих действий, чувств, поступков, творческой составляющей, то личность обладает самоосознанием – сравнивает, сопоставляет себя и отождествляет с другими личностями и владеет средствами коммуникаций в социуме [5, с. 98].

В результате развития различных технологий с ИИ, роботизированные устройства в различных системах автономно могут выполнять различные функции, имитирующие процессы жизнедеятельности индивида, в точности повторять практически все функции человека и копировать его поведение и подражать эмоциям.

С юридической точки зрения этот аспект необходимо принимать во внимание, так как, в дальнейшем, он может оказывать влияние на установление пределов прав и обязанностей, границ ответственности для технологий с ИИ [6, с. 224].

Современные исследователи выдвигают довольно серьезные аргументы против наделения ИИ правосубъектностью схожей с физическим лицом.

В первую очередь - юниты ИИ не наделены, в силу своей искусственной природы, способностью принимать решения, носящие нравственный и субъективный характер [6, с. 246].

Авторы полагают, что вопрос о реальной применимости правовой конструкции физического лица к юниту ИИ является довольно спорным и на данный момент не разрешенным.

Рассматривая довольно интересную концепцию коллективного субъекта права по отношению к юниту ИИ, авторы исходят из того, что в классических положениях права, важнейшей составляющей правосубъектности личности выступает автономия воли человека, но анализ правовых норм в международном и российском законода-

тельстве позволяет проследить тенденцию распространения правосубъектности и на субъектов, не обладающих личностью, в частности, этим субъектом могут быть корпорации [9, с. 121].

Рассматривая фикцию юридического лица как искусственно созданный субъект права для различных юридических целей применительно к технологиям с ИИ, авторы приходят к выводу о том, что проблематично принимать ее за аналогию для конструирования правосубъектности для юнита ИИ

Зарубежные и российские исследователи сходятся во мнении о том, что главным критерием различия юнита ИИ и юридического лица выступает явное отсутствие выраженной материальной формы у организации [12, с. 64].

Авторы полагают, что воля и различные действия физических лиц, контролирующих юридическое лицо, делают их практически полностью созависимыми, а вот отсутствие возможности у физического лица обладать контролем над юридическим лицом, позволяет ему использовать все составляющие правосубъектности.

Юнит ИИ материально воплощен, и в случае возможных самостоятельных действий и отсутствием полного контроля со стороны разработчика, его возможно наделить статусом субъекта, применяя конструкцию правосубъектности юридического лица, только используя технику юридической фикции.

Большинство сторонников этой теории отмечают, что применение техники юридической фикции в полной мере не объясняет юридическую природу юнита ИИ, и находят, что она несопоставима с таким субъектом, как юридическое лицо [11, с. 112].

Как полагает О.А. Ястребова, обладающая правовым статусом «электронного лица» роботизированная система с ИИ, ни при каких обстоятельствах не будет обладать полным спектром прав и обязанностей, она будет юридической фикцией и ее собственник - создатель будет осуществлять над ее действиями полный контроль в своих материальных интересах [12, с. 72].

Довольно серьезный интерес для авторов представляют идеи М.А. Соколова, исследователя теории права, который в своих работах сравнивает технологии с ИИ с животными и утверждает, что оба субъекта обладают схожей автономностью сознания, чего нельзя утверждать по отношению к юридическому лицу.

Детально раскрывая основные положения своей теории, М.А. Соколов приходит к интересному выводу о том, что юниты ИИ, как и животные, не могут обладать и реализовывать на практике свои права и исполнять свои обязанности [11, с. 98].

Еще одним важным критерием различия между юридическими лицами и юнитом ИИ выступает то, что юридические лица, являясь юридической фикцией и фиктивными в своей автономности, правом приема решений, обладают только реальные собственники юридического лица, а в отношении юнита ИИ можно предположить, что он способен, в силу своей правовой природы, иметь более широкий спектр правомочий и большую степень свободы и автономии от компании – разработчика или владельца [8, с. 156].

Как уже отмечали авторы статьи, важнейшей темой, практически в любой рассматриваемой теории определения будущего правового положения юнита ИИ, выступает вопрос о юридической ответственности.

В самом примитивном толковании, юридическая ответственность представляет собой меры принудительного государственного императивного характера, меры принуждения за совершенное правонарушение, своеобразное правоотношение между государством, правонарушителем и пострадавшим.

Рассуждая о возможности возникновения у юнита ИИ уголовной ответственности, И.В. Понкин полагает, что обязательной составляющей ответственности всегда является субъективная сторона преступления, которая отсутствует у юнита ИИ в виду невозможности осознания своей вины и негативных последствий своих действий [7, с. 56].

Применительно к гражданским правоотношениям, эта позиция является достаточно распространенной, так как одним из условий наступления гражданско-правовой ответственности выступает вина.

Оценка деятельности ИИ с точки зрения правоуправности деяния и в аспекте возможной взаимосвязи с другими условиями становится невозможной, поскольку ответственность объекта права в законодательстве РФ исключена.

В результате бурных дискуссий на Парламентской Ассамблее Совета Европы «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» от 26 марта 2019 года № 1221, были выдвинуты тезисы, в которых довольно четко закреплено, что все формы ответственности за все действия искусственного интеллекта несет человек или организация в независимости от обстоятельств произошедшего.

Проблема закрепления возможной формы ответственности юнита ИИ сложна еще и в контексте того, что затрагивает такие конституционные права граждан, как право на жизнь и здоровье.

Во всем мире на повестке дня стоят актуальные вопросы о необходимости наделения юнита ИИ правосубъектностью, но невозможно поставить знак равенства между правосубъектностью юридического лица, физического лица, «электронно-

го» лица в классическом понимании этой сущности.

Большинство зарубежных и российских ученых полагают, что на этот вопрос не существует возможных вариантов ответов.

Результаты.

На основании своего исследования авторы пришли к следующим результатам:

1. В результате тщательного анализа основных сущностных характеристик физического и юридического лица и их интерполяцию на фиктивную конструкцию «электронного» лица, авторы приходят к выводу о несовпадении данных критериев, что предполагает невозможность отождествления этих субъектов в правовом пространстве. Практически каждая из существующих концепций, рассматривающая возможность наделения юнита ИИ правосубъектностью, содержит выводы о неэффективности новации конструкции «электронное лицо».

2. На данном этапе развития юридической техники, обобщая основные выводы в работах известных ученых, юнит ИИ можно рассматривать как довольно специфический фиктивный объект без волевой составляющей, с отсутствием самосознания, морально-нравственных качеств, рефлексии и возможных других источников проявления автономности и воли.

Отсутствие всех вышеперечисленных качеств выступает непреодолимым на сегодняшний день препятствием для разрешения вопросов, касающихся дееспособности, волеиспособности и автономности мыслей субъекта.

3. В отношении юридической ответственности авторы полагают, что юнит ИИ не отвечает всем необходимым условиям и, в первую очередь, условию вины субъекта, потому что ответственность за его проявление в обществе возложена на физическое или юридическое лицо.

Заключение.

Для заполнения правовых пробелов и актуализации современного законодательства в части определенных предпосылок юнит ИИ можно рассматривать как «квазисубъект», возникающий из отношений, в которые могут вступать нечеловеческие актанты.

Авторы предполагают, что возможное наделение роботов правосубъектностью может привести к серьезным социальным и правовым последствиям, так как различные недобросовестные субъекты могут скрывать свой реальный правовой статус за фиктивным статусом квазисубъекта ИИ.

Рассматривая квазиправосубъектность «электронного лица» с точки зрения индивидуального

субъекта, предоставляя ему такой статус, можно говорить о возможности получения роботом полного набора конституционных прав, что в дальнейшем может порождать глобальные проблемы и вопросы.

Как полагают авторы статьи, главным доводом против наделения юнита ИИ правовым статусом «электронного лица» является ограниченная уязвимость к наказанию.

Авторы полагают, что концепция правосубъектности квазисубъекта «электронное лицо» в дальнейшем имеет некоторые перспективы, но в настоящий момент еще находится на стадии научно-юридического осмысления, проработки и обсуждения.

Исходя из анализа современных теорий, предполагающих в будущем наделение ИИ специальной правосубъектностью, авторы выделяют перспективную, новаторскую, новую для право-

вой системы концепцию «электронного лица», не имеющую аналогов и ранее не известную праву.

В качестве законодательных рекомендаций, авторы статьи предлагают – законодательно расширять виды субъектов в киберпространство и киберправе, так как оно находится в состоянии динамики в виду появления новых цифровых технологий.

В киберпространстве и в правовом поле с помощью юридической фикции можно выделять такие виды квазисубъектов, как лица:

1. Наделенные субъективными правами и обязанностями, но не несущие ответственность (интеллектуальные агенты, киберфизические системы, системы ИИ, роботы и т.п.).
2. Не обладающие правосубъектностью, но реализующие свои интересы через интересы субъектов права, как правило, в качестве конституционно-правового императива.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бострум Н. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens / Н. Бострум; Пер. англ. 4-е издание. М. : Альпина – фикшен, 2022. 412 с.
2. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения XXI век. М. : Юрайт, 2023. 124 с.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права: Исследования юридического концепта действительности. М. : Норма – ИНФО М, 2023. 230 с.
4. Дюгер Дж. Искусственный интеллект: Стратегии и методы решения сложных вопросов / Дж. Дюгер; Пер. с англ. 8-е изд. М. : Вильям и К, 2019. 654 с.
5. Екримов Д.А. Методология права: предмет, функции, актуальные проблемы философии права. М., 2021. 98 с.
6. Кузнецов М.Н. Информационные технологии и юридическая деятельность: актуальные проблемы. М. : Юрайт 2022. 224 с.
7. Понкин И.В. Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного права ? Гражданское право и процесс. 2023. № 2. С. 56–112.
8. Соколова М.А. Коллизии «права роботов». Дискуссии юристов в связи с разработкой Киберкодекса в РФ // Современное право. 2022. № 6. 156 с.
9. Тарасов М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в инфорционно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юридич. наук. М., 2023. 121 с.
10. Хант Э. Искусственный интеллект / Э. Хант; Пер. с англ. М., 1998. 571 с.
11. Ужов Ф.А. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. - 2020. № 4. С. 98–112.
12. Ястребова О.А. Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2021. № 2. С. 64–72.
13. Ярков А.В. Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? М. : Принт, 2019. 46 с.

References:

1. Bostrum N. The last invention of mankind. Artificial intelligence and the end of the era of Homo Sapiens / N. Bostrum; Translation from english. 4th edition. M. : Alpina – fiction, 2022. 412 p.

© Журавлева А.В., Куликова Ю.А.

2. Gavrilov E.P. Intellectual property law. General provisions of the XXI century. M. : Yurayt, 2023. 124 p.
3. Gadzhiev G.A. Ontology of law: Studies of the legal concept of reality. M. : Norm – INFO M, 2023. 230 p.
4. Dugher J. Artificial intelligence: Strategies and methods for solving complex issues / J. Dugher; Translated from English. 8th ed. M. : William and K, 2019. 654 p.
5. Ekrimov D.A. Methodology of law: subject, functions, actual problems of philosophy of law. M., 2021. 98 p.
6. Kuznetsov M.N. Information technologies and legal activity: actual problems. M. : Yurait 2022. 224 p.
7. Ponkin I.V. Simplification of legislation as a tool of the «new» model of public law? Civil law and process. 2023. № 2. P. 56–112.
8. Sokolova M.A. Collisions of «the rights of robots». Lawyers' discussions in connection with the development of a Cyber Code in the Russian Federation // Modern Law. 2022. № 6. 156 p.
9. Tarasov M.V. Subjects and objects of civil law relations in information and communication networks: problems of theory and practice: Dis. Candidate of Sciences. Legal. Sciences. M., 2023. 121 p.
10. Hunt E. Artificial Intelligence: translated from English. M., 1998. 571 p.
11. Uzhov F.A. Artificial intelligence as a subject of law // Gaps in Russian legislation. 2020. № 4. P. 98–112.
12. Yastrebova O.A. Discussion on the prerequisites for assigning robots the legal status of «electronic persons» // Issues of Jurisprudence. 2021. № 2. P. 64–72.
13. Yarkov A.V. Are legal relations and legal interactions between humans and robots possible? M. : Print Publ., 2019. 46 p.

Информация об авторах

Журавлева Алена Владимировна

кандидат философских наук,
магистр права,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Московский психолого-социальный университет
г. Москва
ORCID 009-004-2587-7244
jur.a@bk.ru

Alena V. Zhuravleva

Candidate of Philosophical Sciences,
Master of Law,
Associate Professor
of the Department of Civil Law Disciplines,
Moscow Psychological and Social University, Moscow
ORCID 009-004-2587-7244
jur.a@bk.ru

Куликова Юлия Альбертовна

кандидат юридических наук,
магистр права,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Московский психолого-социальный университет,
г. Москва,
ORCID 0009-0004-0080-2596
jumar66@bk.ru

Yulia A. Kulikova

Candidate of Legal Sciences,
Master of Law,
Associate Professor
of the Department of Civil Law Disciplines,
Moscow Psychological and Social University, Moscow
ORCID 0009-0004-0080-2596
jumar66@bk.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-7>

УДК 343.3/.7

Attribution

cc by

ИСТОРИЧЕСКИ ЦЕННЫЕ ГРАДОФОРМИРУЮЩИЕ ОБЪЕКТЫ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Мосьпан А.И.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Исторический облик городов, расположенных на территории Российской Федерации, формируют объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, а также объекты исторически ценной градостроительной среды. Распространенная практика сноса либо проведения несанкционированных работ в отношении старинных зданий представляет существенную угрозу сохранности исторических поселений для будущих поколений. В ходе указанных работ уничтожаются или скрываются за сайдингом представляющие историческую и градоформирующую ценность архитектурные элементы здания, либо оно вовсе утрачивается. Статья посвящена исследованию проблем уголовно-правовой охраны исторически ценных градоформирующих объектов, которые играют ключевую роль в сохранении культурного наследия. Авторы анализируют действующее законодательство, выявляя пробелы и недостатки в правовом регулировании защиты таких объектов. Особое внимание уделяется сложностям квалификации деяний, связанных с повреждением или уничтожением исторических объектов, а также проблемам доказывания умысла и установления степени причиненного ущерба. На основе проведенного анализа выделяется необходимость совершенствования отдельных направлений деятельности государства на законодательном уровне в отношении объектов культурного наследия.

Ключевые слова: исторически ценные градоформирующие объекты, предмет охраны, историческое поселение, зоны охраны объектов культурного наследия, памятники истории и культуры, повреждение, уничтожение.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

VALUABLE CITY-FORMING OBJECTS AS A SUBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION

Anastasia I. Mospan

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. The historical appearance of cities located on the territory of the Russian Federation is formed by cultural heritage sites, identified cultural heritage sites, as well as historically valuable urban environment objects. The widespread practice of demolishing or carrying out unauthorized works on ancient buildings poses a significant threat to the preservation of historical settlements for future generations. During these works, architectural elements of the building that represent historical and city-forming value are destroyed or hidden behind siding, or the building is lost altogether. The article is devoted to the study of the problems of criminal-legal protection of historically valuable city-forming objects that play a key role in preserving the cultural heritage and identity of cities. The authors analyze the current legislation, identifying gaps and shortcomings in the legal regulation of the protection of such objects. Particular attention is paid to the difficulties of qualifying acts related to damage or destruction of historical objects, as well as the problems of proving intent and establishing the extent of damage caused. Based on the analysis, recommendations are proposed for improving the legislation.

Keywords: Historically valuable city-forming objects, subject of protection, historical settlement, zones of protection of cultural heritage objects, historical and cultural monuments, damage, destruction.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность исследования заключается в необходимости защиты исторически ценных градостроительных объектов в условиях активной урбанизации. Несмотря на значимость этих объектов для сохранения культурного наследия, законодательство содержит пробелы, создающие риски их уничтожения или повреждения. Уголовно-правовая охрана таких объектов требует уточнения критериев их защиты и механизмов привлечения к ответственности, что делает изучение данной темы особенно важным.

Предмет исследования охватывает вопросы правового статуса исторически ценных градостроительных объектов, их охраны в рамках уголовного законодательства, а также проблематику квалификации преступлений, связанных с их уничтожением или повреждением.

Методология исследования основана на анализе действующего законодательства, изучении норм, регулирующих охрану культурного наследия, сравнении уголовно-правовых норм с положениями административного и гражданского права, а также на исследовании правоприменительной практики.

Обсуждение.

Р.Ю. Батршин в работе «Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия» [2] анализирует ответственность за нарушения, связанные с охраной градостроительных объектов. Он выделяет типичные правонарушения, среди которых незаконное строительство и перепланировка, угрожающие сохранности исторических объектов, и подчеркивает важность административной ответственности, однако указывает на необходимость усиления уголовно-правовой охраны.

В.Б. Жданова в работе «Правовой режим земельных участков объектов исторического и культурного наследия» [6] исследует правовой статус земель, на которых расположены исторически ценные объекты. Она акцентирует внимание на необходимости применения уголовного законодательства для защиты этих участков от несанкционированной застройки и вмешательства, что требует комплексного подхода, включая земельное право и градостроительные нормы.

М.А. Редчиц [9] исследует виды преступлений, связанные с уничтожением или повреждением исторически ценных объектов. Она подчеркивает, что градостроительные объекты требуют усиленной уголовно-правовой охраны, так как они являются важной частью культурного и градостроительного наследия.

И.А. Халиков [10] рассматривает необходимость ужесточения уголовной ответственности за незаконные реконструкции и разрушения историче-

ских объектов. Он также акцентирует внимание на недостаточности существующих мер и необходимости более четких правовых механизмов.

Анализ работ подтверждает, что охрана исторически ценных градостроительных объектов требует комплексного подхода. Уголовно-правовая охрана этих объектов должна быть усилена для предотвращения разрушений и повреждений, что требует изменений в законодательстве, включая уголовное и земельное право.

Результаты.

Сущность исследуемой проблемы связана с неопределенностью критериев защиты исторически ценных градостроительных объектов и сложностями привлечения к уголовной ответственности за их повреждение или уничтожение. Отсутствие единого реестра таких объектов, недостаточная конкретизация требований к их охране, а также пробелы в законодательстве в отношении неосторожных деяний создают трудности в правоприменении. Важным аспектом является доказывание умысла лица, совершившего противоправные действия, и его осведомленности о статусе объекта. Решение этих вопросов позволит повысить эффективность уголовно-правовой защиты исторической среды.

Однако процесс урбанизации неизбежно влечет за собой неконтролируемую застройку исторически сложившихся городов и поселений, при этом возникает явная угроза повреждения памятников истории и культуры, а также объектов, определяющих их уникальный исторический облик.

Концепция Министерства культуры Российской Федерации, разработанная на период до 2030 года и утвержденная в 2017 году, направлена на развитие исторических поселений, поддержку и популяризацию их культурного и туристического потенциала, а также на развитие экономики культурного наследия. Согласно этой концепции, ключевую роль в сохранении исторической целостности играют ценные объекты историко-градостроительной среды. Именно они обеспечивают целостность восприятия исторической планировки и застройки улиц, сохраняя уникальный облик и атмосферу старинных городов и поселений.

Понятие «исторически ценные градостроительные объекты» определено ст. 59 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон № 73-ФЗ), в соответствии с которой под такими объектами понимаются объединенные единым стилем и объемом здания и сооружения, которые формируют историческую застройку [7].

Следует отметить, что термин «исторически ценный градостроительный объект» содержится не только в Законе № 73-ФЗ применительно к предмету охраны исторического поселения, но также в Положении о зонах охраны объектов

культурного наследия, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.09.2015 № 972 (далее – Постановлении № 972).

Кроме того, при отнесении историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательных мест по результатам научных исследований определяются ценные объекты для их предстоящей постановки на государственную охрану или включению в состав предмета охраны как градоформирующих объектов или ценных элементов исторической среды.

Ст. 243 УК РФ установлена уголовная ответственность за уничтожение либо повреждение, в том числе объектов, взятых под охрану государства [3].

По нашему мнению, логично, обоснованно и соответствует целям сохранения исторической среды объекта культурного наследия отнесение к объектам уголовно-правовой охраны, предусмотренных ст. 243 УК РФ, ИЦГФО, утвержденным не только в составе предмета охраны исторического поселения, но также в составе охранной зоны объекта культурного наследия и в предмете охраны достопримечательного места.

При определении признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, следует принимать во внимание исключительно то, посредством каких действий (бездействия) оно было совершено. Способ, время, обстановка для квалификации общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 243 УК РФ, не имеют значение.

Объективная сторона данного преступления может реализовываться в двух формах: уничтожение или повреждение.

При этом под уничтожением следует понимать целенаправленные действия, влекущие полную утрату объекта недвижимости, являющегося ИЦГФО (поджог, снос, разрушение, разбор, затопление и др.) [5].

Постановление № 972 устанавливает, что при работе с ИЦГФО необходимо сохранять их градостроительные характеристики. Это означает, что любые изменения должны учитывать исторический контекст и не нарушать сложившуюся планировочную структуру. Однако это требование носит общий характер и не конкретизирует, какие именно параметры должны сохраняться. В отличие от объектов культурного наследия, охрана которых строго регламентируется Законом № 73-ФЗ, устанавливающим детальные правила проведения реставрации, ремонта и других работ на объектах культурного наследия, включая обязательное согласование с органами охраны памятников, требования к ИЦГФО менее четкие [1].

Одной из ключевых проблем является отсутствие конкретизации перечня видов работ, кото-

рые можно проводить на ИЦГФО. Это приводит к тому, что собственники и застройщики не всегда понимают, какие изменения допустимы, а какие могут привести к нарушению исторического облика.

В связи с вышеизложенным, квалификация действий, влекущих повреждение ИЦГФО, охватываемых объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, вызывают определенную сложность на практике.

По нашему мнению, к таким действиям следует относить демонтаж архитектурных элементов, обшивка сайдингом, устройство новых оконных проемов и заполнение их металлопластиком, увеличение объемно-пространственных характеристик и этажности, а также иные деяния, влекущие изменение основного объема и стилистических особенностей исторических фасадов, конфигурации крыш, исторических материалов отделки фасадов ИЦГФО.

Квалификации деяний, связанных с повреждением или уничтожением ИЦГФО, вызывает затруднения, в том числе из-за проблем доказывания субъективной стороны преступления [4].

Ст. 243 УК РФ не установлена неосторожная форма вины, в связи с чем повреждение или уничтожение ИЦГФО составляет состав преступления исключительно в случае совершения указанных действий умышленно, что создает пробел в законодательстве, так как многие случаи повреждения таких объектов происходят по неосторожности (например, при проведении строительных работ).

Для квалификации преступления по ст. 243 УК РФ важно, чтобы лицо осознавало, что объект имеет статус ИЦГФО [8].

Вместе с тем, доказывание осведомленности лица о культурной ценности объекта может быть затруднено, так как ведение единого реестра ИЦГФО не предусмотрено действующим законодательством. Перечень указанных объектов может содержаться в правовых актах органов охраны объектов культурного наследия об утверждении предмета охраны исторического поселения, зон охраны объектов культурного наследия, предмета охраны достопримечательного места. Количество таких актов велико, в связи с чем, исчерпывающий список ИЦГФО установить затруднительно.

При установлении умысла судам и правоохранительным органам необходимо объективно анализировать действия субъекта преступления, принимая во внимание совокупность факторов, свидетельствующих о его осведомленности относительно правового статуса объекта и допустимости тех или иных строительных работ.

Одним из ключевых индикаторов умысла является отсутствие разрешительной документации, подтверждающей законность осуществляемых

действий. В частности, получение градостроительного плана земельного участка, в котором содержатся ограничения, связанные с охраной исторически ценных градоформирующих объектов, свидетельствует о том, что лицо имело возможность узнать о существующих запретах на снос, реконструкцию или изменение внешнего облика объекта.

Дополнительное значение имеют предупреждения, полученные от контролирующих органов или экспертов в сфере охраны культурного наследия. Это могут быть официальные предостережения, предписания о недопустимости реконструкции или сноса объекта, а также акты, устанавливающие охраняемый статус ИЦГФО. Наличие таких документов у субъекта преступления свидетельствует о том, что он был поставлен в известность о существующих ограничениях и мог осознавать противоправность своих действий. Игнорирование этих предупреждений, а также демонтаж или разрушение объекта без согласования с органами охраны памятников может указывать на прямой умысел.

Кроме того, при оценке умысла могут учитываться действия субъекта, предпринятые им для сокрытия нарушения. Попытки представить объект как не имеющий историко-культурной ценности, фальсификация документов, указывающих на отсутствие ограничений, проведение работ в ночное время или без привлечения лицензированных организаций могут свидетельствовать о сознательном намерении обойти установленные законом запреты. Важную роль играет и анализ предшествующих действий лица. Если застройщик или собственник неоднократно привлекался к административной ответственности за несоблюдение норм охраны объектов культурного наследия, это может свидетельствовать о его осведомленности о необходимости согласования любых изменений и наличии умысла при совершении нового нарушения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение.

Считаем, что выработанные предложения будут способствовать повышению эффективности мер уголовно-правового воздействия на лиц, посягающих на исторически ценные градоформирующие объекты.

Установление четких критериев их охраны и включение в правоприменительную практику дополнительных механизмов контроля позволят усилить ответственность за их уничтожение или повреждение. Это обеспечит не только сохранение архитектурного облика исторических городов и поселений, но и создаст условия для их дальнейшего развития с учетом культурного наследия.

Эффективное применение уголовно-правовых мер в отношении нарушителей может стать действенным инструментом в борьбе с незаконной застройкой, несогласованными реконструкциями и демонтажем ценных элементов исторической среды. Дополнительное нормативное регулирование, направленное на конкретизацию состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, будет способствовать устранению пробелов в законодательстве, что сделает защиту исторической среды более последовательной и действенной.

Помимо правоохранительных механизмов, важную роль играет формирование осознания значимости сохранения исторических объектов как среди владельцев недвижимости, так и среди застройщиков, архитекторов и местных органов власти.

Разработка образовательных программ и просветительских инициатив, направленных на популяризацию ценности исторической среды, может дополнительно снизить число нарушений и способствовать повышению ответственности за сохранение архитектурного наследия.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бальзаникова Е.М. Проблемы правового регулирования градостроительной деятельности в границах исторического поселения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5-2. С. 68.
2. Батршин Р.Ю. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия // Национальная электронная библиотека. URL : <https://www.dissercat.com/content/administrativnaya-otvetstvennost-za-pravonarusheniya-v-sfere-okhrany-obektov-kulturnogo-nasli>? (дата обращения: 18.02.2025).
3. Боровиков В.Б. Уголовное право. Особенная часть / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов (ред.). 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. 473 с.

4. Бриллиантов А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. 3-е издание. М. : Проспект, 2020. 1345 с.
5. Векленко В.В. Уголовное право. Общая часть. М. : Юрайт, 2020. 500 с.
6. Жданова В.Б. Правовой режим земельных участков объектов исторического и культурного наследия // Диссертационный совет МГУ. URL : <https://dissovet.msu.ru/download/b2699bbc-c4f4-11ee-87ec-005056b96f20?> (дата обращения 18.02.2025).
7. Калинин Г.И. Некоторые проблемы административно-правового регулирования статуса исторических поселений и элементов предмета их охраны // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 53–56.
8. Пантелеева, Н.В. Уголовное право (особенная часть): теория и практика / Н.В. Пантелеева, Г.С. Соркин, В.В. Минина. Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. 505 с.
9. Редчиц М.А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия // Национальная электронная библиотека. URL : <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-okhrana-obektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения 18.02.2025).
10. Халиков И.А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия // Ассоциация государственных правовых университетов. URL : <https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/faculty/aspirant/diss> (дата обращения 18.02.2025).

References:

1. Balzannikova E.M. Problems of legal regulation of urban development activities within the boundaries of a historical settlement // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. № 5-2. P. 68.
2. Batrshin R.Y. Administrative responsibility for offenses in the field of protection of cultural heritage objects // National Electronic Library. URL : <https://www.dissercat.com/content/administrativnaya-otvetstvennost-zapravonarusheniya-v-sfere-okhrany-obektov-kulturnogo-nasl?> (date of application 02/18/2025).
3. Borovikov V.B. Criminal law. The special part / V.B. Borovikov, A.A. Smerdov (ed.). 6th ed., revised. and add. M. : Yurait, 2021. 473 p.
4. Diamonds A.I. Criminal law of Russia. The parts are Common and Special. 3rd edition. M. : Prospekt, 2020. 1345 p.
5. Veklenko V.V. Criminal law. The general part. M. : Yurait, 2020. 500 p.
6. Zhdanova V.B. The legal regime of land plots of objects of historical and cultural heritage // Dissertation Council of Moscow State University. URL : <https://dissovet.msu.ru/download/b2699bbc-c4f4-11ee-87ec-005056b96f20?> (date of application 02/18/2025).
7. Kalinin G.I. Some problems of administrative and legal regulation of the status of historical settlements and elements of the subject of their protection // Administrative law and process. 2022. № 6. P. 53–56.
8. Panteleeva N.V. Criminal law (special part): theory and practice / N.V. Panteleeva, G.S. Sorokin, V.V. Minina. Mogilev : Kuleshov Moscow State University, 2020. 505 p.
9. Redchits M.A. Criminal and legal protection of cultural heritage objects // National Electronic Library. URL : <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-okhrana-obektov-kulturnogo-naslediya> (date of application 02/18/2025).
10. Khalikov I.A. Criminal liability for violation of the requirements of preservation or use of cultural heritage objects // Association of State Law Universities. URL : <https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/faculty/aspirant/diss/2018> (date of application 02/18/2025).

Информация об авторе

Мосъпан Анастасия Игоревна

аспирантка кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
garkavaya_anastasiya@list.ru

Anastasia I. Mospan

Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
garkavaya_anastasiya@list.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-8>

УДК 342

Attribution

cc by

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Наумова Н.В., Беляев Д.С.

*Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Государственная национальная политика Российской Федерации, направленная на системное решение проблем этнорелигиозных общественных отношений во всех регионах страны, является значимым элементом общегосударственного стратегического планирования. Достижение долгосрочных целей национальной политики на уровне субъектов Федерации напрямую связано с возможностью обеспечения для граждан свободы выбора и использования родного языка, гарантом чего выступает языковое законодательство России и её регионов. В данной статье на материалах Республики Крым проводится анализ этносоциальных предпосылок урегулирования межнациональных и языковых отношений, системы языкового законодательства региона, практического применения языкового законодательства в различных сферах взаимодействия государства и общества, а также соотношения данной системы с реализацией государственной национальной политики.

Ключевые слова: языковое законодательство, языковая политика, государственная национальная политика, Крымский полуостров, Республика Крым, конституционное право, образование.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LANGUAGE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF CRIMEA: REGIONAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE STATE NATIONAL POLICY

Natalya V. Naumova, Danil S. Belyaev

*Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract. The State national policy of the Russian Federation, aimed at systematically solving the problems of ethno-religious public relations in all regions of the country, is an important element of national strategic planning. The achievement of long-term goals of national policy at the level of the subjects of the Federation is directly related to the possibility of ensuring for citizens the freedom to choose and use their native language, which is guaranteed by the language legislation of Russia and its regions. Based on the materials of the Republic of Crimea, this article analyzes the ethnosocial prerequisites for the settlement of interethnic and linguistic relations, the system of language legislation in the region, the practical application of language legislation in various spheres of public life and the relationship of this system with the implementation of state national policy.

Keywords: language legislation, language policy, State national policy, the Crimean peninsula, Republic of Crimea, constitutional law, education.

Funding: Independent work.

Введение.

Республика Крым представляет собой уникальный для России регион как с точки зрения этнокультурного и языкового разнообразия, так и с точки зрения специфики правового урегулирова-

ния межнациональных отношений. Хотя Крым является республикой, в основе его конституционного статуса лежит не национальный, а политико-территориальный фактор. Фактор национального самоопределения сближает Крым с Донецкой и Луганской Народными Республика-

ми. Но при более детальном сравнении с народными Республиками Донбасса видны и существенные отличия: ярко выраженное (даже в сравнении с исторически полинациональным Донбассом) национально-религиозное разнообразие народа Крыма и, как следствие объективных этносоциальных условий, иной подход к урегулированию языковых отношений. Украинский язык в ДНР и ЛНР был лишён государственного статуса еще в 2020 г. В Республике Крым 3 равноправных государственных языка: русский, украинский и крымскотатарский. Русский язык законодательно признаётся языком межнационального общения. Помимо реализации государственного статуса трёх преобладающих в лингвокультурном пространстве полуострова языков, перед региональными властями стоит задача по обеспечению свободного развития и изучения языков малых народов Республики: армян, болгар, греков и пр. При анализе региональной специфики государственной национальной политики Российской Федерации особое значение представляет языковое законодательство Республики Крым, а также конкретные аспекты практики реализации рассматриваемых правовых норм в различных сферах общественной жизни и деятельности государства.

Обсуждение.

Языковая политика государства, выраженная в языковом законодательстве, должна соотноситься с реальной картиной этнической и лингвистической структуры общества. Наличие трёх крупных коренных этносов и более сотни малых народов позволяет называть актуальную ситуацию в Крыму полилингвокультурной [4, с. 170]. Следует рассмотреть, каким образом народы Крыма определяют данную «картину». Русские – наиболее многочисленный коренной этнос Крыма, ключевое связующее звено многонационального народа Республики. Согласно данным всероссийской переписи населения 2020 г. по Республике Крым, из 1777415 указавших свою национальность граждан русские составили 1296442 (около 73 %). Показатели владения русским языком же превышают 99,5 %, что позволяет говорить о фактическом статусе русского языка как языка межнационального общения для жителей Республики [6].

Крымские татары – крупнейший неславянский народ полуострова (более 14 %), широко представленный в сельской местности ряда муниципалитетов. Массовое переселение крымских татар в 1940-х гг. и продолжающаяся до сих пор репатриация депортированных семей (потомков депортированных) являются потенциальной точкой напряжения в структуре межнациональных отношений в Крыму. Крымские татары среди народов Республики в меньшей степени подвержены естественной ассимиляции, сохраняют элементы традиционной культуры, продолжают обучение и бытовое общение на родном языке [3, с. 71–72]. Национальная политика и языковое законодательство региона должны учитывать и

необходимость социальной адаптации переселённых народов, и потребность крымских татар в свободном изучении родного языка или получении на его основе общего образования.

Украинцы – третий по численности этнос Республики (около 8 %). Специфика украинцев в Республике Крым связана с распространённостью практики двойной национально-политической идентичности [3, с. 63–64] (русско-украинская идентичность, основанная не столько на этнической самоидентификации, сколько на принадлежности к первому или второму государству по принципу гражданства). До 2014 г. коммуникативная сила украинского языка во многом держалась на директивно установленном государственным моноязычии (несмотря на статус Крыма в составе Украины как Автономной Республики). Наделение статусом государственных русского и крымскотатарского языков привело к переходу украинского языка из официального статуса «монополиста» в положение языка бытового общения части граждан полуострова [5, с. 200].

Указанные выше этносы, в совокупности, составляют около 96,2 % от всего населения Крыма и являются доминирующими по причине их устойчивого численного преобладания над малыми народами полуострова [3, с. 62–63]. К малым народам относят караимов, крымчаков, армян, евреев, молдаван, цыган, потомков немецких, болгарских, греческих переселенцев и др.

Представители малых народов Крыма находятся в процессе естественной ассимиляции, постепенно отказываются от национальных языков в пользу русского, утрачивают элементы самобытной национальной культуры, но по-прежнему составляют до 4 % населения.

Таким образом в этносоциальной структуре населения Республики Крым можно наблюдать доминирование славянского компонента (русские, украинцы, белорусы) и существенное влияние тюркского (крымские татары, татары).

Одним из актуальных конфликтогенных факторов в крымском обществе остаётся история выселения ряда коренных народов Крыма с территории полуострова в 1940-х гг., их последующего возвращения и обустройства в новых социальных условиях [2, с. 108–109]. Решение существующих и предупреждение возможных межнациональных противоречий требует от языковой политики региона ситуативной гибкости и стратегической целенаправленности.

Фундаментом языкового законодательства Российской Федерации и её субъектов (в том числе Республики Крым) по вопросам правового статуса языков народов России являются Конституция Российской Федерации и закон Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». Основной закон Российской Федерации оставляет за респуб-

ликами право самостоятельно устанавливать свои государственные наравне с русским (ст. 68) [7]. Закон РФ «О языках народов Российской Федерации», в свою очередь, определяет наиболее общие принципы и гарантии языкового законодательства, а также языковые права граждан Российской Федерации, в том числе право свободного выбора языка образования, исходя из положений Федерального закона «Об образовании».

Исходя из обозначенного ранее по тексту, языковое законодательство региона нельзя рассматривать в отрыве от национальной политики всего государства. Доктор политических наук, председатель Комиссии по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции Общественной палаты РФ В.Ю. Зорин называет 4 документа, определяющие основы национальной политики России («квадрига национальной политики»):

- Статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос».
- Стратегия государственной национальной политики до 2025 г..
- Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 гг.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 19–20].

Если последние 3 документа фактически регулируют отдельные направления государственной национальной политики (общая стратегия ГНП, миграция, национальная безопасность), то не являющаяся нормативным документом статья Президента представляет интерес как идеологическая основа, определяющая идейные принципы регулирования межнациональных отношений в России.

В статье историческая Россия противопоставляется моноэтническим государствам и «государствам - плавильным котлам» как многонациональное государство, в котором представители разных национальностей и конфессий скреплены в единый народ, основанный на гражданском мире и межнациональном согласии. Именно идея единого многонационального сообщества граждан России, отбросивших национальные противоречия, является ключевой в понимании основных векторов национальной политики государства. Русскому народу (как и русскому языку, и культуре) в данной концепции отведена роль «стержня», вокруг которого объединились все народы России [8]. Развитие данных идей можно увидеть, например, в статье В.В. Путина от 2021 г. «Об историческом единстве русских и украинцев».

Основные принципы языковой политики, права граждан и полномочия органов публичной власти при реализации положений языкового законодательства региона определены в законе Рес-

публики «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым». В пределах компетенций органов исполнительной власти Республики языковая политика, межнациональные и межконфессиональные отношения, противодействие ксенофобии и дискриминации, а также реабилитация репрессированных народов относятся к ведению Государственного комитета по делам межнациональных отношений Правительства Республики Крым (Госкомнац Крыма).

Роль контролирующего (по отношению к региональной власти) и координирующего межрегиональные взаимодействия федерального органа исполнительной власти отведена межрегиональному управлению Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) по Северо-Кавказскому федеральному округу, Республике Крым, г. Севастополю. Прямой задачей ФАДН является обеспечение реализации Стратегии государственной национальной политики, достижения основных целевых показателей (уровень общероссийской гражданской идентичности, количество этнорелигиозных противоречий и т.д.).

Результаты.

Первым значимым показателем языковой свободы является сфера образования. Получение основного общего образования в Крыму реализовано на 3 государственных языках по выбору граждан. Также для детей, получающих образование на государственном языке, доступна возможность изучения родного языка в рамках отдельного предмета. На начало 2024/2025 учебного года в общеобразовательных организациях Республики Крым обучение полностью на украинском языке было организовано для 164 учащихся (0,07 % от общего числа), на крымскотатарском – для 7,6 тыс. учащихся, (3,3 %). В рамках изучения школьниками предметной программы «Родной язык и литературное чтение на родном языке», организовано изучение языков народов Крыма: армянского (96 учащихся), болгарского (33), греческого (83), крымскотатарского (30729), немецкого (44), русского (57434), украинского (1249). В образовательных организациях дошкольного образования обучение на крымскотатарском языке организовано для 1,4 тыс. детей (1,9 %), на украинском – для 24 детей (0,03 %). В 2022/2023 учебном году работало 16 общеобразовательных организаций с крымскотатарским языком и одна с украинским языком обучения [9]. Фактически возможность получения школьного образования на одном из государственных языков или с углублённым изучением родного языка зависит от решения родителей ребёнка и от количества таковых запросов. Система профессионального образования также учитывает региональную языковую специфику. Так, в Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского осуществляется работа кафедры украинской филологии Института филологии, факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии и пр.

Конституция, гимн и региональное законодательство официально дублируются на все государственные языки Республики. С другой стороны, официальные сайты органов государственной власти, как правило, имеют лишь частичную локализацию на украинский и крымскотатарский языки, доступ к которой ограничен с русскоязычной версии сайтов. Этим языковая политика в Крыму отличается в негативную сторону (исходя из принципа языкового равноправия) от Татарстана, Башкортостана, Бурятии и других республик, обеспечивающих полный доступ к официальным интернет-ресурсам на всех государственных языках.

В сфере деятельности средств массовой информации и интернет-коммуникации работают региональные медиа ресурсы на языках народов Крыма. Это крымскотатарская телерадиокомпания «Милет», радио на крымскотатарском языке «Ватан Седасы», интернет-ресурс «Переяславська рада 2.0» и др. Издаются культурно-просветительские и общественно-политические периодические журналы, и газеты на украинском, крымскотатарском, греческом, армянском, болгарском и других языках. Государственным комитетом по делам межнациональных отношений Крыма учреждён ГАУ РК «Медиацентр имени Исмаила Гаспринского».

Национально-культурные организации народов Крыма свободно существуют и пользуются государственной поддержкой в рамках реализации государственной национальной политики. Сегодня функционируют такие официально зарегистрированные национально-культурные общественные организации, как «Украинская община Крыма», «Крымское общество крымчаков «Кърымчахлар», Региональная общественная организация «Общество крымских татар «Инкишаф» и т.д.

Обеспечение равноправия и свободы использования языков народов Крыма является условием, обеспечивающим возможность достижения в регионе стратегических задач государственной национальной политики. Под ответственностью Госкомнаца Республики Крым на территории региона с 2018 по 2027 гг. реализуется Государственная программа Республики по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым – территория межнационального согласия».

Исходя из анализа задач, целевых показателей и ожидаемых результатов, можно определить основные направления деятельности в рамках программы:

1. Возвращение на территорию Крыма представителей депортированных народов (армян, болгар, греков, итальянцев, крымских татар, немцев), обеспечение их жильём и доступной социальной инфраструктурой, выплата материальной помощи и компенсаций.

2. Повышение уровня положительного отношения к межнациональным и межконфессиональным отношениям и уровня гражданской идентичности через организацию культурно-массовых и просветительских мероприятий, поддержку средств массовой информации и издание социально значимой литературы на языках всех народов Крыма.

3. Профилактика экстремизма через организацию семинаров и иных просветительских мероприятий с участием правоохранительных и надзорных органов. Информирование граждан с помощью телевидения, радио и интернета о деятельности государства по борьбе с экстремизмом.

4. Грантовая поддержка национально-культурных автономий и общественных организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие традиций, культур, языков народов Крыма.

5. Работа с миграцией, включающая социально-культурную адаптацию и интеграцию мигрантов через проведение общественных мероприятий, а также снижение в обществе уровня отрицательного отношения к мигрантам и ксенофобии (способами, обозначенными во втором пункте).

Примечательно, что финансирование программы на 84 % осуществляется из федерального бюджета (15220575,61 тыс. руб. из 18118173,57 тыс. руб. общего финансирования на весь срок реализации) и лишь на 15,2 % за счёт средств самой Республики [10].

Таким образом, можно сделать вывод как об объективной необходимости этнокультурной интеграции Республики Крым и её населения, так и о пристальном внимании со стороны государства к состоянию межнациональных отношений на полуострове. Данная программа в полной мере определяет региональную специфику стратегического планирования в сфере государственной национальной политики и также неотрывно связана с практической реализацией языковой свободы в Крыму.

Заключение.

Система языкового законодательства является основой для обеспечения гражданам свободы выбора, изучения и использования родного языка, что, в свою очередь, способствует достижению стратегических целей российской национальной политики.

Полилингвокультурная структура крымского общества требует признания и реализации на практике языкового разнообразия и равноправия. Республика Крым предоставляет гражданам народов полуострова все необходимые языковые права. В регионе обеспечено дошкольное, начальное и основное общее образование на трёх государственных языках либо с углублённым изучением одного из языков народов Кры-

ма. Языковая свобода обеспечена в средствах массовой информации, общественной деятельности, взаимодействии граждан и государства.

Правительством Республики реализуются планы мероприятий, направленных на развитие гражданской идентичности, профилактику экстремизма и ксенофобии, адаптацию репатриантов. Естественным ограничением языковой свободы в Крыму выступают объективные этносоциальные условия: постепенная ассимиляция малых народов, неспособность национальных языков выдержать конкуренцию с русским языком по причине значительно меньшего количества носителей таковых.

Опыт языковой политики Республики Крым приобрёл особенную актуальность после вхождения в состав Российской Федерации 4 новых субъектов 30 сентября 2022 г. В первую очередь, следует отметить Херсонскую область, на части территории, которой в качестве официальных могут использоваться украинский и крымскотатарский языки.

Дальнейший анализ и систематизация опыта языковой и национальной политики Республики Крым будут полезны для укрепления межнациональной гражданской идентичности как в отдельных регионах, так и в стране в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в условиях новой политической реальности: традиции и инновации // Сборник материалов Всероссийской стратегической сессии по укреплению общероссийской гражданской идентичности: Материалы Всероссийской стратегической сессии по укреплению общероссийской гражданской идентичности, Москва, 18 апреля 2023 года. М. : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2023. Т. 1. С. 13–23.
2. Киселев С.Н. Межнациональная ситуация в Крыму: ретроспектива и перспектива / С.Н. Киселев, Н.В. Киселёва, А.Н. Яковлев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. 2020. Т. 6. № 3. С. 107–117.
3. Киселева Н.В. Этнокультурные характеристики Крыма / Н.В. Киселева, К.Ю. Сикач, А.Б. Швец // Социокультурная трансформация регионального развития Крыма. Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 62–75.
4. Республика Крым в кросскультурных измерениях социополитической ситуации 2014–2024 гг / С.В. Юрченко [и др.]. Симферополь : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. 280 с.
5. Титаренко Е.Я. Родной язык, языковая политика и проблемы идентичности (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 193–205.
6. Итоги всероссийской переписи населения (Республика Крым). Т. 5. Национальный состав и владение языками. См.: Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г.Севастополю. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179763> (дата обращения 25.12.2024).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 25.12.2024).
8. Путин В.В. Россия: национальный вопрос. URL : <https://moscow.er.ru/activity/news/vladimir-putin-rossiya> (дата обращения 25.12.2024).
9. Государственные и иные языки Республики Крым. Правительство Республики Крым – Официальный портал. URL : <https://monm.rk.gov.ru/structure/3748b454-d262-48b3-b605-85cf93fadbbc> (дата обращения 25.12.2024).
10. Постановление Совета министров Республики Крым от 29.01.2018 № 30 (ред. от 12.09.2023) «Об утверждении Государственной программы Республики Крым по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Крым - территория межнационального согласия». URL : <https://minek.rk.gov.ru/structure/fd01acdc-1a31-483d-bfd6-d4c3c4d1e1a5> (дата обращения 25.12.2024).

References:

1. Zorin V.Y. State national policy in the context of a new political reality: traditions and innovations // Collection of materials of the All-Russian strategic session on strengthening the All-Russian civic identity: Materials of the

- All-Russian Strategic Session on strengthening the All-Russian Civic Identity, Moscow, April 18, 2023. Moscow: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «A.N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)». 2023. Vol. 1. P. 13–23.
2. Kiselev S.N. The interethnic situation in Crimea: a retrospective and perspective / S.N. Kiselev, N.V. Kiseleva, A.N. Yakovlev // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology. 2020. Vol. 6. № 3. P. 107–117.
 3. Kiseleva N.V. Ethnocultural characteristics of the Crimea / N.V. Kiseleva, K.Yu. Sikach, A.B. Shvets // Sociocultural transformation of the regional development of the Crimea. Simferopol : Limited Liability Company «Publishing House Printing House «Arial», 2022. P. 62–75.
 4. The Republic of Crimea in the cross-cultural dimensions of the socio-political situation 2014–2024 / S.V. Yurchenko [et al.]. Simferopol : Publishing House Printing House «Arial», 2024. 280 p.
 5. Titarenko E.Ya. Native language, language policy and identity problems (on the example of the Republic of Crimea) // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2020. Vol. 6. № 2. P. 193–205.
 6. Results of the All-Russian population census (Republic of Crimea). Volume 5. National composition and language proficiency. See: Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and Sevastopol. URL : <https://82.rosstat.gov.ru/folder/179763> (date of application 12/25/2024).
 7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). URL : <http://kremlin.ru/acts/constitution> (date of application 12/25/2024).
 8. Putin V.V. Russia: the national question. URL : <https://moscow.er.ru/activity/news/vladimir-putin-rossiya> (date of application 12/25/2024).
 9. State and other languages of the Republic of Crimea. The Government of the Republic of Crimea – The Official portal. URL : <https://monm.rk.gov.ru/structure/3748b454-d262-48b3-b605-85cf93fadbbc> (date of application 12/25/2024).
 10. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea dated 29.01.2018 № 30 (as amended on 12.09.2023) «On approval of the State Program of the Republic of Crimea for Strengthening the Unity of the Russian Nation and the ethnocultural development of the peoples of Russia "The Republic of Crimea - territory of interethnic Harmony»». URL : <https://minek.rk.gov.ru/structure/fd01acdc-1a31-483d-bfd6-d4c3c4d1e1a5> (date of application 12/25/2024).

Информация об авторах

Наумова Наталья Валерьевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
юридического факультета,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
natalya.naumova.69@list.ru

Natalya V. Naumova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Municipal Law
Faculty of Law,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
natalya.naumova.69@list.ru

Беляев Данил Сергеевич

студент факультета управления,
Владимирский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
dbelyaev33@gmail.com

Danil S. Belyaev

Student of the Faculty of Management,
Vladimir branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
dbelyaev33@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-9>

УДК 340

Attribution

cc by

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ МИГРАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Песецкий Ч.Ю.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье преследуется цель предложить авторское видение оснований формирования системы субъектов миграционных правоотношений и саму систему субъектов миграционных правоотношений, основываясь узкой интерпретации понимания миграционного правоотношения, подвергнуты критике имеющиеся подходы к вопросу классификации субъектов миграционных правоотношений, имеющейся в современных научных исследованиях.

В результате исследования предлагаются объективные критерии построения системы субъектов миграционных правоотношений, которые заключаются в объективных закономерностях возникновения миграционных процессов и трех стадий прохождения миграции населения, а также возникающих в этой связи объективных социальных связей (общественных отношений), нуждающихся в нормативном правовом регулировании.

Выводы: предложенный подход позволяет выделить автору три основные группы субъектов миграционных правоотношений и сформировать их классификацию их в рамках каждой из указанных основных групп субъектов, что позволяет охватить всех возможных участников рассматриваемых видов общественных отношений.

Ключевые слова: субъект миграционного правоотношения, правоотношение в сфере миграции, органы исполнительной власти, мигрант, условия миграции, факторы миграции, причины миграции, процесс миграции.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS FOR CONSTRUCTING A SYSTEM OF SUBJECTS OF MIGRATION LEGAL RELATIONS

Cheslav Yu. Pesetsky

Kuban State University

Abstract. The article aims to propose the author's vision of the foundations for the formation of a system of subjects of migration legal relations and the system of subjects of migration legal relations itself, based on a narrow interpretation of the understanding of migration legal relations, the existing approaches to the classification of subjects of migration legal relations available in modern scientific research are criticized.

As a result of the research, objective criteria for building a system of subjects of migration relations are proposed, which consist in the objective patterns of the emergence of migration processes and the three stages of population migration, as well as the objective social relations (public relations) that arise in this regard, which need regulatory legal regulation.

Conclusions: the proposed approach allows the author to identify three main groups of subjects of migration legal relations and form their classification within each of these main groups of subjects, which makes it possible to cover all possible participants in the types of public relations under consideration.

Keywords: subject of migration legal relations, legal relations in the field of migration, executive authorities, migrant, migration conditions, migration factors, causes of migration, migration process.

Funding: Independent work.

Введение.

Исследование вопросов системы субъектов миграционных правоотношений весьма актуально в

контексте совершенствования административно-правовых научных знаний, нормативно-правового обеспечения правотворческого процесса, повышения эффективности администра-

тивной правоприменительной деятельности и расширения знаний и умений в ходе образовательной деятельности.

Большинство ученых, изучающих вопросы субъектов миграционных правоотношений, преимущественно акцентировали внимание на исследовании многообразных видов мигрантов либо органов исполнительной власти, наделенные компетенцией в сфере миграции [9, с. 30–42; 15, с. 41–43; 24, с. 43–45; 27, с. 42–59; 29, с. 12].

Следует признать, что в настоящее время распространена концепция необоснованного расширения круга субъектов миграционных правоотношений, в рамках которой таковыми субъектами признаются международные организации, органы государственной власти РФ и субъектов РФ, органы местного самоуправления, государственные и негосударственные предприятия и учреждения, общественные организации и иные институты гражданского общества [27, с. 58; 29, с. 12; 30, с. 3–15]. Этот подход основывается на широкой юридической интерпретации миграции населения и возникающих в связи с этим правоотношений.

Такой подход к характеристике видов субъектов миграционных правоотношений вряд ли может быть однозначно признан обоснованным. Это свидетельствует о значимости изучения системы субъектов миграционных правоотношений.

Методы исследования.

Проведенное исследование основано на общенаучных и частнонаучных (специально-юридических) методах исследования. Среди общенаучных методов исследования использованы методы анализа и синтеза, логического и системного исследования. Специально-юридическими методами исследования стали методы специального юридического анализа норм права.

Результаты исследования.

Основываясь на имеющемся законодательном и ином нормативно-правовом регулировании миграционных правоотношений в Российской Федерации, следует предложить следующую систему субъектов рассматриваемых правоотношений:

1. *Властные субъекты миграционных правоотношений.* Данная группа субъектов является ключевой, но не все федеральные органы исполнительной власти могут быть отнесены к данной группе субъектов. Так, анализ положений федеральных органов исполнительной власти на предмет наличия полномочий в сфере миграции показывает, что такими полномочиями обладает: Министерство внутренних дел РФ (и, прежде всего, созданное в его структуре Главное управление по вопросам миграции (далее – ГУВМ МВД России); Министерство иностранных дел РФ; Федеральная служба безопасности РФ;

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (п. 6, 11 Положения о Россотрудничестве); Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (пд. 10 и 11 п. 9 Указа Президента РФ от 30 сентября 2016 № 510 (в ред. от 30.07.2024) «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации»); Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (п. 4.2.48, 4.2.49, 4.2.50, 4.2.72(1), 4.2.72(2) Постановления Правительства РФ от 15 июня 2018 № 682 (в ред. от 27.06.2024) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»); Министерство труда и социальной защиты РФ (п. 5.2.6, 5.2.61, 5.2.115, 5.2.116, 5.2.117, 5.2.167(1), 5.2.167(2), 5.2.173, 5.2.175, 5.2.176, 5.6.13, 5.6.39 Положение о Минтруде); Федеральная служба по труду и занятости (п. 5.5(5) Положение о Роструде); Федеральное агентство по делам национальностей, которое в соответствии с п. 1 Положения о ФАДН осуществляет государственную политику в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию и оказанию государственных услуг в сфере социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации.

2. Вторую группу субъектов миграционных правоотношений составляют *мигранты*, т.е. граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства (физические лица). Данная группа субъектов миграционных правоотношений состоит исключительно из индивидуальных субъектов. Сам по себе термин «мигрант» является собирательным понятием и определяется как лицо, непосредственно имеющее намерение осуществить территориальную мобильность, осуществляющее территориальное перемещение или осуществившее такое перемещение. Наиболее уместным с точки зрения научной обоснованности является подход к классификации мигрантов по видам миграционных потоков: внутренней, внешней, внешней трудовой, образовательной, вынужденной и незаконной (нелегальной) миграции. При этом следует констатировать, что видовая характеристика данной группы индивидуальных субъектов миграционных правоотношений является весьма обширной.

3. *Субъекты миграционного правоотношения, способствующие приобретению, изменению, реализации и прекращения правового статуса мигранта.* Данная группа субъектов может быть дифференцирована на:

а) субъектов, преследующих публичный интерес при вступлении в миграционные правоотношения;

б) субъектов, имеющих частный интерес при вступлении в миграционное правоотношение.

К первой группе указанных публичных субъектов следует отнести:

а) субъект, уполномоченный принимать экзамен на знание русского языка, истории России и основ законодательства Российской Федерации;

б) субъекты, являющиеся российскими научными организациями, профессиональными образовательными организациями и образовательными организациями высшего образования (за исключением духовных образовательных организаций), учреждениями здравоохранения, а также иными организациями, осуществляющими научную, научно-техническую и инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания и привлекающие иностранных граждан и лиц без гражданства высококвалифицированных работников;

в) специальное учреждение для содержания лиц, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии;

г) федеральное государственное унитарное предприятие, оказывающее содействие МВД РФ в сфере миграции;

д) медицинские организации, уполномоченные осуществлять медицинское освидетельствование мигранта.

Ко второй группе указанных частных субъектов следует отнести:

а) федеральный орган государственной власти, приглашающий иностранного гражданина (лицо без гражданства);

б) дипломатическое представительство и консульское учреждение иностранного государства в Российской Федерации, приглашающие иностранного гражданина (лицо без гражданства);

в) международная организация и ее представительство в Российской Федерации, представительство иностранного государства при международной организации, находящейся в Российской Федерации, приглашающая иностранного гражданина (лицо без гражданства);

г) орган государственной власти субъекта Российской Федерации, приглашающие иностранного гражданина (лицо без гражданства);

д) орган местного самоуправления, приглашающий иностранного гражданина (лицо без гражданства);

е) юридическое лицо, привлекающее иностранных работников для осуществления трудовой деятельности;

ж) физическое лицо, приглашающее мигранта;

з) постоянно проживающий в Российской Федерации иностранный гражданин и лицо без гражданства, приглашающий мигранта;

и) иные лица, имеющие, в соответствии с федеральным законом, право обращаться с ходатайством об оформлении приглашения на въезд в Российскую Федерацию органы иностранных граждан и лиц без гражданства;

к) организации и физические лица, по ходатайству которых выдано приглашение на въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства, въехавшим в Российскую Федерацию по визе, выданной на основании такого приглашения, либо непосредственно по указанному приглашению в случаях, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 № 115-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»);

л) лица, ответственные за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан РФ по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации.

Представленная система субъектов миграционных правоотношений, по нашему мнению, наиболее полно отражает многообразие субъектов, могущих участвовать в указанных общественных отношениях.

Обсуждение.

Для формирования концепции системы субъектов миграционных правоотношений необходимо сформировать критерии построения данной системы, основанной на объективных закономерностях миграционной мобильности населения. Эти закономерности сформированы в настоящее время в рамках социологической и юридической наук. Так, по нашему мнению, наиболее известные исследователи миграционных процессов Т.И. Заславская и Л.Л. Рыбаковский отмечают, что в основе возникновения территориальной мобильности людей лежат факторы, причины, условия данной мобильности как социального явления. При этом факторы предопределяются объективными условиями окружающей среды, а причина также связана с человеком, его психикой, сознанием. Сама же объективная внешняя среда является условием, в которых существует человек, поэтому факторы, влияющие на миграционную мобильность людей, представляют собой лишь подвид условий, а причины миграции есть реакция человека на объективные (условия и факторы миграции) и субъективные (сознание, психика мигранта или желающего стать мигрантом) факторы, т.е. формирования причин территориальной мобильности людей [20, с. 52–58].

Следовательно, объективной закономерностью в процессе территориальной мобильности насе-

ления выступает следующая цепочка обстоятельств: условия — факторы — причины — явление (сама миграция).

Миграция как социальное явление развивается по трем признанным стадиям:

- первая — формирование предпосылок (факторов и причин) миграции населения;
- вторая — непосредственное территориальное перемещение (изменение территориального статуса);
- третья — приживаемость мигранта на новом месте своего существования [21, с. 86–94].

Эти положения отражают объективные закономерности возникновения и осуществления территориальной (миграционной) мобильности населения, что следует учитывать при характеристике системы субъектов миграционных правоотношений. С другой стороны, проблемы объективных закономерностей, лежащих в основе дифференциации миграционных процессов, с правовой (юридической) точки зрения практически не исследовались. В этой связи, нам необходимо отметить позицию А.Н. Жеребцова, который отмечает: «Критериями структурирования системы миграционных правоотношений выступают объективные социальные связи, возникающие между субъектами этих отношений. К числу таких связей следует отнести: генетические, причинно-следственные, функциональные, посидентные, хронологические, пространственные, корреляционные. Характер и содержание приведенных связей в рамках системы миграционных отношений позволит дать объективную классификацию видов миграционно-правовых отношений» [10, с. 12]. Иначе, объективным фактором дифференциации процессов миграции, в юридическом смысле, выступают объективные социальные связи (отношения), возникающие между людьми в связи с их территориальной (миграционной) мобильностью. Обретая общественную значимость, эти социальные связи подлежат нормативно-правовому регулированию для целей их упорядочения и удовлетворения публичных потребностей общества и государства. Определение круга общественных отношений, возникающих в процессе осуществления трех стадий миграции населения, происходит через формирования целей, задач, функций и приоритетов миграционной политики государства [8, с. 4–5; 11, с. 36–38; 16, с. 8–9].

Таким образом, основываясь на объективных закономерностях возникновения и стадий прохождения миграционных процессов, а также, возникающих в этой связи объективных социальных связей (общественных отношений), нуждающихся в нормативной регламентации, можно строить систему субъектов миграционных правоотношений и формировать критерии ее построения.

В современной отечественной административно-правовой науке предлагаются различные подходы к выделению критериев дифференциации

видов субъектов административно-правовых отношений.

Так, Д.Н. Бахрах считает, что в основе классификации субъектов административного права лежат различия в *выражении воли и интереса субъекта*, а также в комплексе предоставленных ему полномочий. Это позволяет ему делить субъектов административного права на индивидуальные и коллективные [3, с. 41–48].

А.Б. Агапов подразделяет всех субъектов административных правоотношений *на основе целеполагания* на публичных участников, созданных для обеспечения общегосударственных, социально приоритетных потребностей, и частноправовых участников, предназначенных для удовлетворения имущественных интересов либо нематериальных потребностей [1, с. 39; 2, с. 19–21; 6, с. 31–77].

Многие исследователи предлагают выделять *по характеру воли* субъектов, вступающих в правоотношения по своему усмотрению, и субъектов, вступающих в такие правоотношения в силу обязанностей, возложенных на них нормой права [4, с. 121; 17, с. 32–33; 25, с. 188–192].

Высказывается мнение о дифференциации всех юридических лиц как субъектов административного права на основании критерия *наличия у них публичного элемента*, на:

- 1) юридических лиц частного права (действующих в своих собственных интересах);
- 2) смешанных юридических лиц (действующих в определенных целях публичного характера и даже наделяемых отдельными властными полномочиями);
- 3) юридических лиц, осуществляющих функции органов государственной власти [18, с. 9].

В административно-правовой науке предлагают и иные критерии классификации субъектов административного права:

- по сфере деятельности;
- по характеру компетенции; по порядку образования;
- по составу и порядку разрешения подведомственных вопросов; по организационно-правовой форме [12, с. 9–14].

В отечественной административно-правовой науке системного исследования видов субъектов миграционных правоотношений практически не проводилось [5; 7, с. 54–99; 26, с. 83–87]. Так, например, О.Т. Суюнчалиева предлагает выделять индивидуальные и коллективные субъекты миграционных правоотношений. И такой подход поддерживается большинством исследователей проблем субъектов миграционных правоотношений [13, с. 59; 22]. При этом к числу коллективных субъектов автор относит:

- «государство, государственные организации, негосударственные организации (частные фирмы – наниматели трудовых мигрантов;
- общественные объединения – национальные диаспоры)» [28, с. 153].

Выделение приведенных видов коллективных субъектов миграционных правоотношений является весьма необоснованным.

Другой крайней формой очерчивания круга субъектов миграционных правоотношений является позиция Т.Я. Хабриевой, которая признает в качестве такового любое лицо, реализующее естественное право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, т.е. отношения становятся миграционными, если в них присутствует элемент миграционного качества [31, с. 11]. Во всех приведенных случаях происходит, по нашему мнению, необоснованное расширение круга миграционных правоотношений, т.е. эти авторы, основываясь на интерпретации данных отношений как правоотношений, возникающих в сфере миграции с обязательным участием мигранта. С таким подходом вряд ли можно согласиться.

В.В. Сенченко и А.Г. Богданов предлагают рассматривать систему субъектов миграционных правоотношений как сторон этих отношений, что позволяет им выделить две группы субъектов:

Первая группа – это обязательный субъект мигрант, во всем его видовом многообразии.

Вторая – это государственные органы исполнительной власти, наделенные специальной компетенцией в сфере миграции, а также юридические лица или частные предприниматели, которые вступают с ним в трудовые отношения; общественное объединение, представляющее интересы мигрантов или другие структуры гражданского общества (различные правозащитные общества, фонды, комиссии и т.п.), международные организации [24, с. 105].

Данный подход также, по нашему мнению, является не вполне обоснованным,

- во-первых, потому что он не охватывает всех участников миграционно-правовых отношений (например, физического лица как приглашающей стороны иностранного гражданина или медицинскую организацию, осуществляющую медицинское освидетельствование мигранта) [32, с. 201–205];
- во-вторых, нам представляется уместным признать обязательным субъектом миграционного правоотношения не мигранта, а орган исполнительной власти или иное государственное учреждение, наделенное государственно-властными и исполнительно-распорядительными полномочиями в сфере миграции.

Такую методологическую ошибку допускают отдельные исследователи, которые не видят разницы между миграционным правоотношением и правоотношением, возникающим в сфере миграции. Так, некоторые авторы приводят совершенно необоснованные утверждения о том, что в правовую связь с мигрантом по поводу его, например, перемещения через границу могут вступать (а могут и не вступать?) органы исполнительной власти, т.е. решающая роль последних в этом территориальном перемещении не важна [19, с. 101–102]. Это утверждение, на наш взгляд, является не верным. При этом следует отметить большое количество миграционных правоотношений, в которых непосредственно мигрант не участвует. Приведенный автор почему-то на это не обращает внимание.

Наиболее распространенный подход к выделению субъектов миграционно-правовых отношений выглядит следующим образом: миграционный орган (в исключительных случаях иные органы исполнительной власти и государственные учреждения, которые наделены соответствующей компетенцией в миграционной сфере), государственные и негосударственные учреждения и организации, общественные объединения мигрантов, а также сами мигранты [14, с. 65–66; 22, 24, с. 249].

Выводы. Анализ подходов к выделению системы субъектов миграционных правоотношений можно продолжать и далее. Однако следует констатировать, что все они, в конечном счете, сводятся к двум указанным выше подходам, основанным на понимании сущности миграционного правоотношения.

Учитывая объективные закономерности возникновения миграции населения и стадий ее прохождения, а также возникающих в этой связи общественные отношения, нуждающиеся в нормативно-правовом регулировании и являющиеся административно-правовыми управленческими отношениями (предопределяемые генетической природой социальной связи), позволяют строить систему субъектов миграционных правоотношений, основанную на объективных закономерностях миграционной мобильности населения. В этой связи, все субъекты миграционных правоотношений делятся на управляющие (коллективные) и управляемые (индивидуальные или коллективные).

На основе причинно-следственной связи выделяются миграционные отношения по видам миграционных потоков:

- внутренней миграции; внешней миграции;
- внешней трудовой миграции;
- образовательной миграции;
- вынужденной миграции;
- незаконной миграции.

Виды миграционных потоков позволяют выделить три группы субъектов:

- 1) мигранты внутренние, внешние, внешние трудовые, образовательные, вынужденные и незаконные;
- 2) органы исполнительной власти и иные государственные организации, уполномоченные в сфере государственного управления указанными видами миграции;
- 3) предприятия, учреждения, организации и граждане, взаимодействующие с мигрантами для удовлетворения своих интересов (потребностей).

При этом в рамках первой группы мигранты как субъекты миграционного правоотношения, в соответствии с *пространственной связью*, могут быть следующих видов:

- *внутренние мигранты*: гражданин России, изменяющий место пребывания или место жительства на территории РФ;
- *внешние мигранты*: эмигранты (граждане России), иммигранты (иностранцы граждане и лица без гражданства временно пребывающие, временно проживающие и постоянно проживающие на территории РФ), транзитные мигранты (иностранцы граждане и лица без гражданства);
- *внешние трудовые мигранты*: трудовые эмигранты (граждане России), трудовые иммигранты (иностранцы граждане и лица без гражданства);
- *образовательные мигранты*: иностранцы граждане (лица без гражданства), въехавшие в целях обучения;
- *вынужденные мигранты*: беженцы, вынужденные переселенцы, лица, подавшие ходатайство о признании беженцем; лица, подавшие ходатайство о признании вынужденным переселенцем;
- лица, ищущие политическое (территориальное) или временное (гуманитарное) убежище;
- *незаконные мигранты*: внешние незаконные мигранты; незаконные внешние трудовые мигранты, внутренние незаконные мигранты; мигранты скрытые (латентные).

На основе *поссидентной связи* выделяются законные (положительные) и незаконные (охранительные) отношения. По этому критерию выделяются:

- 1) мигранты законные и мигранты незаконные;
- 2) органы исполнительной власти и иные государственные организации, уполномоченные в сфере государственного управления миграцией, а также наделенные полномочиями по противодействию незаконной миграцией;
- 3) предприятия, учреждения, организации и граждане, правомерно или неправомочно взаимодействующие с мигрантами.

На основе *хронологической и корреляционной связи* круг субъектов зависит от стадий миграционного процесса:

- субъекты, приобретающие специальный административно-правовой статус мигранта (например, лицо, подавшее ходатайство о признании его беженцем);
- субъекты, реализующие специальный административно-правовой статус мигранта (например, лицо, получившее патент на осуществление трудовой деятельности и заключивших трудовой (гражданско-правовой) договор);
- субъекты, изменяющие специальный административно-правовой статус мигранта (например, получение политического убежища, лицом, подавшим ходатайство о предоставлении такого убежища);
- субъекты, прекращающие специальный административно-правовой статус мигранта (беженцев приобретает гражданство РФ).

На основе *функциональной связи* следует выделять субъектов, регулярно вступающие в миграционное правоотношение (например, должностное лицо Главного управления по вопросам миграции МВД России или его территориального органа) и субъекты, периодически (по мере необходимости) вступающие в миграционное правоотношение (приглашающее мигранта лицо, работодатель, привлекающий иностранного работника (в том числе высококвалифицированного)). По данному критерию следует также выделять субъектов, действующих в публичных интересах, и субъектов, преследующих частных интерес (например, извлечение прибыли, приобретение новых компетенций от высококвалифицированного иностранного работника).

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Агапов А.Б. Административное право. Т. 1. Общая часть. Учебник. 10-е изд. М. : Юрайт, 2017.
2. Агапов А.Б. Субъекты административного права : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2019.
3. Бахрах Д.Н. Система субъектов советского административного права // Советское государство и право. 1986. № 2.
4. Бахрах Д.Н. Административное право : учебник. 2-е изд., изм. и доп. / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. М. : Норма, 2005.
5. Веретенникова О.Н. Административно-правовое регулирование внешней миграции в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
6. Волков А.М. Субъекты административно-правовых отношений : монография / А.М. Волков, Е.А. Лютягина. М. : Проспект, 2021.
7. Государственная миграционная политика Российской Федерации : учебник для бакалавриата / В.А. Волох [и др.]. М. : Институт мировых цивилизаций, 2019.
8. Воробьева О.Д. Основные проблемы современной миграционной политики России / О.Д. Воробьева, Л.Л. Рыбаковский, В.И. Савинков // Народонаселение. 2016. № 4.
9. Горбань А.Е. Компетенция миграционных органов в субъектах Российской Федерации : монография. Краснодар, 2005.
10. Жеребцов А.Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных правоотношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2009.
11. Жеребцов А.Н. Целевая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации и административно-правовой механизм ее реализации : монография / А.Н. Жеребцов, А.Е. Горбань. М. : Проспект, 2022.
12. Жеребцов А.Н. Субъекты административного права: понятие и классификация / А.Н. Жеребцов, Е.А. Малышев // Правовые и организационные вопросы деятельности органов публичной власти: теория и практика : колл. монография. Киров, 2023.
13. Казарян К.В. Классификация субъектов миграционного процесса / К.В. Казарян, Ю.И. Литвинова // Юрист-Правоведъ. 2016. № 2(75).
14. Казарян К.В. Вопросы нормативно-правового регулирования миграционной деятельности / К.В. Казарян, Ю.И. Литвинова // Юрист-Правоведъ. 2018. № 4(87).
15. Коробеев В.А. Конституционно-правовые основы миграционной политики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
16. Кулаков О.М. Миграционная политика и национальная безопасность современного российского государства: политико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
17. Манохин В.М. Административное право России : учебник. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2010.
18. Мигачев Ю.И. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие / Ю.И. Мигачев, А.Ю. Мигачев, М.Ю. Шамрин. М. : Проспект, 2021.
19. Плотников Р.В. Миграционные правоотношения: социальный и юридический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 20.
20. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимодействия // Народонаселение. 2017. № 2.
21. Рыбаковский Л.Л. Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208).
22. Сазонова О.А. О субъектах административно-правовых отношений в сфере миграции // Studia Humanitatis. 2019. № 4.
23. Сенченко В.В. Формы и методы административно-правового регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 1(55).
24. Сенченко В.В. Субъекты миграционных отношений и их система / В.В. Сенченко, А.Г. Богданов // Евразийский союз ученых. 2017. № 3(36).
25. Соболева Ю.В. К вопросу о понятии субъекта административного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4(105).
26. Степанов А.В. Субъекты административно-правовых отношений, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации // Вестник Саратовского юридического института. 2017. № 4(26).
27. Степанов А.В. Субъекты административно-правовых отношений, складывающихся по поводу обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации : монография. Пермь : РАНХиГС, Пермский филиал, 2018.
28. Суюнчалиева О.Т. Миграционные правоотношения: понятие, структура, субъекты и модели развития // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6(61).
29. Суюнчалиева О. Т. Конституционно-правовые основы деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
30. Таибова О.Ю. Государственное управление в сфере миграции населения: административно-правовой аспект // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: «Естественные, общественные науки» Вып. 3. Право. Социология. Международные отношения. 2008.

31. Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М. : Юридическая фирма «Контракт», 2008.
32. Ярмонова Е.Н. К вопросу об определении правового статуса работодателя (заказчика работ, услуг) как субъекта миграционного правоотношения // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5.

References:

1. Agapov A.B. Administrative law. Vol. 1. General part : textbook. 10th ed. M. : Yurait, 2017.
2. Agapov A.B. Subjects of administrative law : textbook. M. : Yurait, 2019.
3. Bakhrakh D.N. The system of subjects of Soviet administrative law // Soviet state and law. 1986. № 2.
4. Bakhrakh D.N. Administrative law : textbook. 2nd ed., amended. and supplemented / D.N. Bakhrakh, B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. M. : Norma, 2005.
5. Veretennikova O.N. Administrative and legal regulation of external migration in the Russian Federation : dis. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2009.
6. Volkov A.M. Subjects of administrative and legal relations : monograph / A.M. Volkov, E.A. Lyutyagina. M. : Prospect, 2021.
7. Volokh V.A. State migration policy of the Russian Federation : textbook for the bachelor's degree / V.A. Volokh [et al.]. M. : Institute of World Civilizations, 2019.
8. Vorobyova O.D. The main problems of modern migration policy of Russia / O.D. Vorobyova, L.L. Rybakovsky, V.I. Savinkov // Population. 2016. № 4.
9. Gorban A.E. Competence of migration authorities in the constituent entities of the Russian Federation : monograph. Krasnodar, 2005.
10. Zherebtsov A.N. The concept of administrative and legal regulation of migration legal relations in the Russian Federation (comprehensive analysis of theory and practice) : author's abstract dis. ... doctor of law. M., 2009.
11. Zherebtsov A.N. Target concept of the state migration policy of the Russian Federation and the administrative and legal mechanism for its implementation : monograph / A.N. Zherebtsov, A.E. Gorban. M. : Prospect, 2022.
12. Zherebtsov A.N. Subjects of administrative law: concept and classification / A.N. Zherebtsov, E.A. Malyshev // Legal and organizational issues of the activities of public authorities: theory and practice : collective monograph. Kirov, 2023.
13. Kazaryan K.V. Classification of subjects of the migration process / K.V. Kazaryan, Yu.I. Litvinova // Jurist-Pravoved. 2016. № 2(75).
14. Kazaryan K.V. Issues of legal regulation of migration activities / K.V. Kazaryan, Yu.I. Litvinova // Jurist-Pravoved. 2018. № 4(87).
15. Korobeev V.A. Constitutional and legal foundations of migration policy : author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. M., 2008.
16. Kulakov O.M. Migration policy and national security of the modern Russian state: political and legal research : dis. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2007.
17. Manokhin V.M. Administrative law of Russia : textbook. Saratov : IP R Media, 2010.
18. Migachev Yu.I. Administrative and legal status of organizations endowed with state powers : textbook / Yu.I. Migachev, A.Yu. Migachev, M.Yu. Shamrin. M. : Prospect, 2021.
19. Plotnikov R.V. Migration legal relations: social and legal aspect // Bulletin of the South Ural State University. 2012. № 20.
20. Rybakovsky L.L. Factors and causes of population migration, the mechanism of their interaction // Population. 2017. № 2.
21. Rybakovsky L.L. Prehistory of the emergence of the theory of three stages of the migration process // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2018. № 2(208).
22. Sazonova O.A. On the subjects of administrative and legal relations in the field of migration // Studia Humanitatis. 2019. № 4.
23. Senchenko V.V. Forms and methods of administrative and legal regulation of migration processes in the Russian Federation // Society and Law. 2016. № 1(55).
24. Senchenko V.V. Subjects of migration relations and their system / V.V. Senchenko, A.G. Bogdanov // Eurasian Union of Scientists. 2017. № 3(36).
25. Soboleva Yu.V. On the concept of a subject of administrative law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. № 4(105).
26. Stepanov A.V. Subjects of administrative and legal relations developing regarding ensuring migration security of the Russian Federation // Bulletin of the Saratov Law Institute. 2017. № 4(26).
27. Stepanov A.V. Subjects of administrative and legal relations developing regarding ensuring migration security of the Russian Federation : monograph. Perm : RANEPa, Perm branch, 2018.
28. Suyunchaliev O.T. Migration legal relations: concept, structure, subjects and development models // Almanac of modern science and education. 2012. № 6(61).
29. Suyunchaliev O.T. Constitutional and legal foundations of the activities of federal executive bodies of the Russian Federation in the field of migration : author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. M., 2015.
30. Taibova O.Yu. Public administration in the field of population migration: administrative and legal aspect // Bulletin of Ivanovo State University. Series: «Natural, social sciences». Iss. 3. Law. Sociology. International relations. 2008.
31. Khabrieva T.Ya. Migration law of Russia: theory and practice. M. : Law firm «Contract», 2008.

32. Yarmonova E.N. On the issue of determining the legal status of the employer (customer of works, services) as a subject of migration legal relations // Bulletin of Economic Security. 2020. № 5.

Информация об авторе

Песецкий Чеслав Юрьевич

соискатель кафедры конституционного
и административного права,
Кубанский государственный университет;
мировой судья судебного участка № 107
г. Тихорецка Краснодарского края
ceska92@mail.ru

Cheslav Yu. Pesetsky

Candidate of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Kuban State University;
Justice of the Peace of Judicial District № 107
Tikhoretsk, Krasnodar territory
ceska92@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-15>

УДК 340.12

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ДОКТРИНАХ

Самушкин Н.Д.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. В статье отражены современные политико-правовые концепции, предметом которых выступают проблемы технологического развития и, в частности, достижения технологического лидерства в условиях глобальной конкуренции государств. В работе делается акцент на приоритете науки и технологий в политике ведущих государств мира. Раскрывается развитие технократической концепции в политико-правовой мысли, отмечаются тенденции их популяризации и распространения, влияние на национальную политико-правовую мысль некоторых современных государств (на примере Китая и Ирана). В частности, анализируя опыт азиатских государств, автор отмечает общие тенденции модернизации экономики, приоритет национально-культурных особенностей государств, утилитарный характер модернизации, нацеленность на достижение экономического и политического лидерства на международной арене при условии сохранения национальной культурной идентичности.

Ключевые слова: технократия, технологический детерминизм в политико-правовых доктринах, технологическое лидерство, технологический суверенитет, государственная политика научно-технологического развития.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEM OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP IN MODERN POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES

Nikita D. Samushkin

Kutafin Moscow State Law University

Abstract. The article reflects modern political and legal concepts, the subject of which are the problems of technological development and, in particular, the achievement of technological leadership in the context of global competition between states. The work emphasizes the priority of science and technology in the policies of the world's leading states. The development of technocratic concepts in political and legal thought is revealed, trends in their popularization and dissemination, and their influence on the national political and legal thought of some modern states (using China and Iran as an example) are noted. In particular, analyzing the experience of these Asian states, the author notes the general trends in economic modernization, the priority of national and cultural characteristics of states, the utilitarian nature of modernization, and the focus on achieving economic and political leadership in the international arena while maintaining national cultural identity.

Keywords: technocracy, technological determinism in political and legal doctrines, technological leadership, technological sovereignty, state policy of scientific and technological development.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная политическая карта мира представляет собой совокупность конкурирующих государств и целых регионов, претендующих на первенство в перераспределении ресурсов, рабочей силы и товарных рынков.

Движущей силой геополитического соперничества выступает возможность государств или их

объединений обеспечивать своевременное освоение инноваций и повсеместное внедрение их в экономику.

Как известно, промышленная революция конца XVIII века упрочила статус Великобритании как мировой экономической и военной державы, окончательно затмив бывшее могущество Испании и Португалии.

Вторая промышленная революция конца XIX века вывела на мировую арену США и Германию, сформировала предпосылки для усиления международного экономического влияния Японии и России.

Научно-техническая революция середины XX века сопровождала глобальное противостояние СССР и США и созданных ими военно-экономических блоков.

Информационная революция, начавшаяся в 1990-е годы и совпавшая с крушением биполярного мира, создала возможности для децентрализации управления и контроля, в том числе и в публично-властной сфере, более свободного экономического поведения, трансформации структуры национальных экономик и возникновения новых экономических центров. Информационные технологии стали материально-технической базой современного многополярного мира, представленного множеством региональных экономических лидеров, вследствие чего риск хаоса и усиления конкуренции между государствами возрастает [1, с. 67].

В силу указанных причин, приоритетным направлением для ведущих экономик мира становится обеспечение технологического лидерства как условия и принципа сохранения национального суверенитета.

Например, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 года поставлена задача формирования правовой среды для развития новых рынков и технологий.

Для достижения данной цели формируется соответствующая правовая основа, создаются программные документы, определяющие основные направления государственной политики в сфере науки и технологий. В частности, Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 года № 145 утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года, целью которой является «обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации» [2].

Обсуждение.

Научно-технический прогресс сегодня нередко измеряют степенью внедрения каким-либо обществом технологических новшеств [3, с. 7].

Подтверждением этому выступает тот факт, что во многих государствах также приняты стратегические документы, определяющие ключевые направления научно-технологического развития.

В Китае разработана национальная программа «Сделано в Китае 2025», определившая при-

кладные направления внедрения инноваций в различные отрасли национальной экономики:

- информационные технологии;
- автоматизированные системы управления и робототехника;
- аэрокосмическая техника;
- морское инженерное оборудование и высокотехнологичный морской транспорт;
- железнодорожное оборудование;
- энергосбережение и транспортные средства на альтернативных источниках энергии;
- энергетическое оборудование;
- новые материалы;
- медицина и медицинские приборы;
- сельскохозяйственная техника.

В Германии действует аналогичная китайской национальная программа «Индустрия 4.0», нацеленная на развитие ресурсосберегающих технологий, подготовку кадров для инновационных технологий и оптимизацию производства [4, с. 52–53].

В США, где система правового регулирования наиболее децентрализована, тем не менее, наблюдаются тенденции к определению стратегии инновационного развития экономики на национальном уровне. В годы правления Б. Обамы была принята Стратегия инновационного развития США (первоначальная редакция – в 2009 году, впоследствии обновлялась в 2011 и 2015 годах), затронувшая широкий перечень технологий, подлежащих освоению: точная медицина, нейротехнологии, система «умный город», «зеленая» энергетика, инновации в образовании, прорывные космические технологии. С активным развитием систем искусственного интеллекта Президентом Д. Трампом принят ряд указов, положенных в основу Национальной инициативы в области искусственного интеллекта, ставящей задачу обеспечить сохранение лидерства Соединенных Штатов в области исследований и разработок в области искусственного интеллекта, возглавить мировой процесс разработки и использования надежных систем искусственного интеллекта в государственном и частном секторах, подготовить рабочие кадры к интеграции систем искусственного интеллекта во все сферы экономики и общества, координировать исследования и разработки в области искусственного интеллекта между гражданскими и военными ведомствами [5].

В Японии в последнее десятилетие, начиная с 2014 года, реализуются Программа развития стратегических инноваций и Программа стимулирования прорывных исследований и разработок, направленные на развитие экологически

эффективной энергетики, современного здравоохранения, инфраструктуры, нивелирования последствий землетрясения 2011 года [6].

В Иране после победы Исламской революции в условиях экономических санкций взят курс на построение суверенной экономики, опирающейся на внутренние ресурсы и технологии. В частности, начиная с 2022 года, приняты три новых закона, регулирующих инновационную деятельность. К их числу относятся Закон о прорыве в производстве, основанном на знаниях, Закон о поддержке компаний, основанных на знаниях, Закон о наукоёмком производстве [7].

Результаты.

В то же время, научное обоснование стратегических технологических инициатив, реализуемых правительствами различные государств, формировалось на протяжении последнего столетия. В связи с этим, представляется необходимым рассмотреть систему политико-правовых взглядов на проблемы научно-технологического развития современного общества, отраженные впоследствии в программных документах.

Интенсивность научно-технических открытий, тенденции к их повсеместному распространению во многих отраслях экономики качественным образом повлияли на мышление человека, обусловили возникновение так называемого техноцентричного мировоззрения, в основе которого лежат понятия, категории, символы технической природы, раскрывающие суть антропогенного мира.

«Машинизация» мышления (в терминологии Н.А. Бердяева) подтолкнула мыслителей XX столетия к выработке концептуальных основ, определяющих характер развития социальных институтов в эпоху активного внедрения технологий и машин.

Одним из первых концептуализированных направлений следует считать технократические теории, возникшие на Западе (главным образом, в США) в 1920-е годы и стремительно распространившиеся по планете, в том числе благодаря популярности американского высшего образования.

Одно из первых понятий технократии было сформулировано в 1919 году в американским инженером Уильямом Г. Смитом: это система государственного управления, построенная на началах участия служащих, ученых и инженеров [8, С. 214].

В 1920 году при участии Торстейна Веблена и Говарда Скотта основано общество «Технический альянс», целью которого было изучение тенденций общественно-экономического развития стран Северной Америки. Принципы рационализма, технико-экономической эффективности, определявшие характер деятельности данного сообщества, были положены впоследствии в основу политики «Нового курса» президента Франклина Д. Рузвельта. После Великой депрессии, начавшейся в 1929 году, доверие прави-

тельства к институтам, спекулировавшим финансовыми ресурсами, было подорвано. Государство избрало путь развития «реальных» отраслей экономики, обеспечения национальной финансовой системы не продуктами спекулятивного капитала, а результатами развития инфраструктурных и производственных проектов. С приходом к власти Герберта Гувера, а впоследствии — Франклина Рузвельта в органы власти стали привлекать специалистов тех отраслей, управление которыми осуществлял тот или иной государственный орган. Данное направление получило название «экспертной политики» (в англоязычной литературе понятия «технократы» и «общество экспертов» были синонимичными). Известно, что восемнадцать членов Технократического альянса получили высокие должности в экономических комитетах администрации президента Ф. Рузвельта, включая Европейскую комиссию, Федеральную комиссию по энергетическому регулированию и Федеральную комиссию по ценам [9, с. 78].

В Китае технократические идеи обрели популярность уже на заре данного движения. Этому способствовали выпускники американских и британских вузов, вернувшихся в Китай по окончании обучения. По замечанию профессора Лю Юнмоу, Колумбийский университет в Нью-Йорке стал «альма-матер» для многих представителей китайского «общества экспертов»: тридцать три выпускника западных вузов стали членами республиканского правительства в Нанкине в 1928 году, а тринадцать из них учились в США [9, с. 74]. Технократы участвовали в деятельности государственных органов в роли консультантов, а также непосредственно занимали государственные должности. В частности, благодаря их содействию, были созданы качественно новые отрасли экономики — оборонная и тяжелая промышленность.

При этом в самом Китае технократическая мысль была сосредоточена не столько на вопросах эффективности экономики (что было актуально для экономически и промышленно развитых США), сколько на проблемах индустриализации и интенсификации производства, что требовало больших энергетических, финансовых и интеллектуальных затрат. Идеи технократизма, ввиду их буржуазного происхождения, были подвергнуты критике в первые годы после победы правительства Мао Цзэдуна, однако, тенденции подготовки технических специалистов для экономики и государственного управления сохранялись даже в период «культурной революции», что создало почву для возрождения технократизма в годы обновления после смерти Мао. В частности, к технократам эпохи коммунистического Китая относят и Дэна Сяопина, инициатора глобальных экономических реформ, который, как известно, в юности также получил образование на Западе, изучая инженерные науки во Франции.

Реформаторская деятельность Д. Сяопина в целом укладывалась в общую логику технократов «первой волны» 1920-х годов, которая отличалась следующими принципами: учетом китай-

ской специфики (в части экономики и менталитета), умеренным национализмом, нацеленностью на интенсивный экономический рост, преодоление экономического разрыва между Китаем и развитыми государствами Запада. Отражение данных принципов содержится в выступлении Д. Сяопина на XII съезде Коммунистической партии Китая: «Как в процессе революции, так и в процессе строительства нужно серьезно изучать и заимствовать опыт других стран. Однако слепое копирование чужого опыта и чужих моделей никогда к успеху не приводило. <...> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой – таков основной вывод, сделанный нами на основе обобщения длинного исторического опыта» [10, с. 5].

В то же время, воззрения Д. Сяопина позволяют говорить о концептуализации особого направления в политико-правовой мысли многих современных государств, вставших на путь ускоренной экономической модернизации – технологического детерминизма. Философия трактует данное понятие как предположение, в соответствии с которым технологии имеют определяющее влияние на общественное развитие.

В политико-правовом смысле, технологический детерминизм не имеет идеологической окраски, а носит утилитарное значение, как концепция, определяющая путь интенсивной, форсированной экономической модернизации за счет заимствования инновационных технологий, положительного зарубежного опыта и привлечения инвестиций (в особенности, иностранных) для целей модернизации. В смысловом выражении, технологический детерминизм как стратегия государственной политики представляется более широкой, чем технократизм, включает в себя не только идею привлечения профильных кадров из числа технической интеллигенции, но и стратегии, методы и способы наиболее эффективной экономической модернизации. В данном контексте, Д. Сяопин отмечал, что «мы приветствуем у себя иностранный капитал и достижения передовой зарубежной техники, причем управление тоже требует квалификации. Подорвет ли это социализм? Думается, нет, ведь фундамент нашего государства составляет социалистическая экономика» [10, с. 73].

Приведенная цитата свидетельствует, с одной стороны, о внеидеологическом характере модернизации (в части ее источников), а с другой

стороны – об исключительно экономических рамках модернизации, что продиктовано соображениями сохранения национального суверенитета и идентичности.

Аналогичная модель модернизации, ориентированная исключительно на экономическую сферу и не затрагивающая политико-идеологическую сторону деятельности государства, реализуется в современном Иране. Как известно, именно всеохватывающий характер реформ, проводившихся в Иране во второй половине XX века, затронувший также и культурно-бытовую сферу жизни общества, стал причиной революционной реакции и возрождению консервативных начал, укоренившихся в государственном строе. Оказавшись в международной изоляции, Исламская республика Иран избрала единственно возможный путь – достижения технологического лидерства в региональном масштабе для обеспечения национального суверенитета и возможностей «экспорта» традиционных ценностей исламской культуры, создав образцовую модель. Концепция технологического лидерства Ирана отражена в выступлении Верховного лидера республики – аятоллы Али Хаменеи – перед студентами одного из университетов Ирана в 2010 году: «Я твердо верю, что инвестирование в науку, технологии и образование элиты является одним из высших приоритетов. Научный прогресс, за которым последует технологический прогресс, предоставит стране и нации возможность достичь материальной и духовной мощи. <...> Мы страдаем от хронической исторической отсталости в этих областях, и это вина тех, кто навязал эту хроническую болезнь нашей великой нации своей политикой, поведением, жадностью и халатностью. И теперь мы полны решимости избавиться от этого тяжелого жернова» [11].

Заключение.

Таким образом, современные политико-правовые концепции технократизма и технологического детерминизма выступают научным и идейным выражением государственной политики в научно-технологической сфере. Их отличает: с внешней, формальной стороны – внеидеологическая природа, которая характеризуется совокупностью способов и приемов государственного управления в условиях модернизации экономики, а с другой, содержательной стороны – утилитарная направленность, означающая исключительно экономических характер модернизации как условие сохранения культурной идентичности народа и суверенитета государства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шепелева Д.В. Цифровизация процедуры управления многоквартирным домом: во благо ли? / Д.В. Шепелева, А.А. Долгополов // Современное право. 2024. № 5. С. 67–70.
2. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.
3. Корнев А.В. Технологические революции и право // История государства и права. 2019. № 5. С. 3–10.
4. Опыт стратегического планирования научно-технологического развития в ведущих зарубежных странах / Г.П. Беляков [и др.] // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15-1. С. 51–55.
5. American Artificial Intelligence Initiative: Year One Annual Report. URL : <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/02/American-AI-Initiative-One-Year-Annual-Report.pdf> (date of application 24.02.2025).
6. Japan's Science and Technology Budget and Policy. URL : <https://internationaleducation.gov.au/International-network/japan/countryoverview/Documents/Japan%20%20-%20Science%20and%20Technology%20Budget%20and%20Policy.pdf> (date of application 24.02.2025).
7. Введено новое законодательство для стимулирования компаний, основанных на знаниях // Российское Информационное Агентство Iran.ru. URL : https://www.iran.ru/news/economics/127579/Vvedeno_novoe_zakonodatelstvo_dlya_stimulirovaniya_kompaniy_osnovannyh_na_znaniyah (дата обращения 24.02.2025).
8. Sleepers Jones B. Wake! Technology and the Future of Work. 4th ed. Oxford, New-York : Oxford University Press, 1995. 292 p.
9. Юнмоу Л. Технократия в США и Китае: теория и практика китайской экспертной политики в эпоху нанкинского правительства (1927–1949 годы) // Техногос. 2019. № 2. С. 68–91.
10. Сяопин Д. Основные вопросы современного Китая. М., 1988. 256 с.
11. Leader's Speech to Young Elites. URL : <https://english.khamenei.ir/news/1400/Leader-s-Speech-to-Young-Elites> (дата обращения 24.02.2025).

References:

1. Shepeleva D.V., Dolgoplov A.A. Digitalization of the procedure for managing an apartment building: is it for the good? // Modern Law. 2024. № 5. P. 67–70.
2. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 № 145 «On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. № 10. Art. 1373.
3. Kornev A.V. Technological revolutions and law // History of the state and law. 2019. № 5. P. 3–10.
4. Experience of strategic planning of scientific and technological development in leading foreign countries / G.P. Belyakov [et al.] // Russia: trends and development prospects. 2020. № 15-1. P. 51–55.
5. American Artificial Intelligence Initiative: Year One Annual Report. URL : <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/02/American-AI-Initiative-One-Year-Annual-Report.pdf> (date of application 24.02.2025).
6. Japan's Science and Technology Budget and Policy. URL : <https://internationaleducation.gov.au/International-network/japan/countryoverview/Documents/Japan%20%20-%20Science%20and%20Technology%20Budget%20and%20Policy.pdf> (date of application 24.02.2025).
7. New legislation introduced to stimulate knowledge-based companies // Russian Information Agency Iran.ru. URL : https://www.iran.ru/news/economics/127579/Vvedeno_novoe_zakonodatelstvo_dlya_stimulirovaniya_kompaniy_osnovannyh_na_znaniyah (date of application 24.02.2025).
8. Sleepers Jones B. Wake! Technology and the Future of Work. 4th ed. Oxford, New-York : Oxford University Press, 1995. 292 p.
9. Yunmou L. Technocracy in the USA and China: Theory and Practice of Chinese Expert Policy during the Era of the Nanjing Government (1927–1949) // Tekhnologis. 2019. № 2. P. 68–91.
10. Xiaoping D. Main Issues of Contemporary China. M., 1988. 256 p.
11. Leader's Speech to Young Elites. URL : <https://english.khamenei.ir/news/1400/Leader-s-Speech-to-Young-Elites> (date of application 02/24/2025).

Информация об авторе

Самушкин Никита Денисович

аспирант кафедры теории государства и права,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
NDSamushkin@msal.ru

Nikita D. Samushkin

Postgraduate Student of the Department
of Theory of State and Law,
Kutafin Moscow State Law University
NDSamushkin@msal.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-12>

УДК 340

Attribution

cc by

**О СООТНОШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 781 УК РФ
И СТ. 802 УК РФ С ПРОЕКТОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ № 839297-8
«ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ АМНИСТИИ В СВЯЗИ
С 80-ЛЕТИЕМ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ»**

Свердлов Д.Р.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Цель. В публикации проведен анализ положений, характеризующих институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, предусмотренный ст. 781 УК РФ и ст. 802 УК РФ, а также проекта постановления № 839297-8 «Об объявлении амнистии в связи с 80-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В ходе исследования выявлены общие и специфические черты норм УК РФ и проекта постановления. Проведен ретроспективный анализ применения уголовно-правового института амнистии в 1940-м и 1945-м годах. В процессе подготовки публикации использовались историко-правовой и структурно-логический методы исследования. Выводы и заключение: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего критического анализа институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в период военного времени либо мобилизации. Положения научной статьи могут быть использованы в процессе законо- и нормотворчества.

Ключевые слова: амнистия, помилование, уголовная ответственность, преступление, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, Специальная военная операция, Великая Отечественная Война.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROVISIONS PROVIDED
FOR BY ART. 781 RUSSIAN CRIMINAL CODE
AND ART. 802 RUSSIAN CRIMINAL CODE WITH THE DRAFT RESOLUTION
№ 839297-8 «ON THE ANNOUNCEMENT OF AMNESTY
IN CONNECTION WITH THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY
OF THE SOVIET PEOPLE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945»**

David R. Sverdlov

Kuban State University

Abstract. Objective. The publication analyzes the provisions characterizing the institution of release from criminal liability and punishment, provided for by Art. 781 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 802 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as draft resolution № 839297-8 «On the declaration of amnesty in connection with the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945». The study identified common and specific features of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the draft resolution. A retrospective analysis of the application of the criminal-law institution of amnesty in 1940 and 1945 was conducted. In the process of preparing the publication, historical-legal and structural-logical research methods were used. Findings and conclusions: the publication materials can be used for further critical analysis of the institutions of exemption from criminal liability and punishment during war-time or mobilization. The provisions of the publication can be used in the process of law and rule-making.

Keywords: amnesty, pardon, criminal liability, crime, release from criminal liability, release from punishment, Special military operation, Great Patriotic War.

Funding: Independent work.

Введение.

Конституция Российской Федерации (п. «ж» ч. 1 ст. 103), а также Уголовный кодекс Российской Федерации (ч. 1 ст. 84) определяют, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного круга лиц имеет право принимать постановления об амнистии. Часть 2 ст. 84 УК РФ определяют, что актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. Лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. С лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость.

Исследователи отмечают, что амнистия является самостоятельным видом освобождения от уголовной ответственности и наказания, данный институт на доктринальном уровне имеет двойственный, амбивалентный характер, обусловленный диалектикой противоречивого единства социально-политических и правовых оснований его функционирования [1, с. 137].

Амнистию следует признавать правовым основанием изменения или прекращения уголовно-правовых отношений, которые выражаются в соответствующих уголовно-правовых последствиях.

Обсуждение.

Согласно Постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П/2001 от 05 июля 2001 года по делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» определено, что исходя из взаимосвязанных положений статей 15 (часть 1), 71 (пункт «о»), 103 и 125 (части 2 и 4) Конституции Российской Федерации, следует, что постановление Государственной Думы, которым объявляется амнистия, является уникальным нормативно-правовым актом в сравнении с постановлениями Государственной Думы по другим вопросам, а также в сравнении с иными нормативными подзаконными актами, принимаемыми в форме постановлений. Принятие Государственной Думой постановлений об амнистии предусмотрено самой Конституцией Российской Федерации, что отличает эти постановления от других нормативных актов, включая большинство законов, и, таким образом, они имеют особую конституционную природу.

В правовом пространстве России отсутствует федеральный закон об амнистии, однако, в отсутствие такого закона именно нормативные предписания, содержащиеся в постановлении об амнистии, могут и должны выполнять функцию законодательного регулирования, тем более, что издание законов по вопросам амнистии не предусматривается Конституцией Российской Федерации как необходимое и обязательное.

В действующем конституционно-правовом пространстве нормативно-правовое регулирование амнистии осуществляется только в такой правовой форме, как постановление Государственной Думы. В то же время, все другие акты Государственной Думы, которые, в соответствии со статьей 103 Конституции Российской Федерации, также принимаются в форме постановлений, имеют принципиально иной характер, являются индивидуальными правовыми актами. Кроме того, постановление Государственной Думы об амнистии, распространяющееся на индивидуально не определенный круг лиц и деяний, т.е. носящее нормативный характер, по существу, допускает отказ от реализации ранее примененных или подлежащих применению – в отношении названных в данном акте категорий лиц и преступных деяний – норм Уголовного кодекса Российской Федерации, что не может быть осуществлено нормативным актом, не приравненным по уровню к закону, поскольку акты ниже уровня закона не должны в каком бы то ни было отношении ему противоречить, препятствуя его применению.

Постановления Государственной Думы об амнистии в системе действующих нормативно-правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам.

Кроме того, осуществляемое Государственной Думой на основе ее конституционного полномочия регулирование амнистии является частью обеспечиваемого также уголовным законом регулирования отношений между государством, на которое возложено уголовное преследование, и гражданами, подвергаемыми в случае совершения преступления уголовному наказанию в предусмотренных федеральным законом формах и пределах. По сути, амнистия представляет собой правовой институт, единая нормативная основа которого образуется, с одной стороны, ст. 84 УК РФ и ч. 2 ст. 27 УПК РФ, рассматривающими амнистию в качестве основания освобождения от уголовной ответственности и ее последствий, а с другой – соответствующим постановлением Государственной Думы, которое определяет предпосылки применения такого основания освобождения и без которого, следовательно, не могут применяться указанные нормы УК РФ и УПК РФ. Это – единый комплекс норм, юридическая сила которых реализуется только путем их применения в совокупности. Причем, отказ государства от уголовного преследования и

наказания за совершенное преступление всегда основывается на достигнутом уровне уголовно-правового регулирования, а нормативное содержание акта об амнистии может существенно менять реальные основания и условия уголовной ответственности вопреки тем социальным ожиданиям, которые возлагаются на уголовное наказание в области охраны высших конституционно-правовых ценностей [2; 3, с. 1350].

Как нам представляется, амнистия является инструментом реализации экономии уголовно-правовой репрессии, ее применение обеспечивает достижение конъюнктурных социально-политических целей государства. Государство демонстрирует возможность снисхождения к лицам, которые совершили преступления, таким образом оно обеспечивает реализацию принципа гуманизма. Также, оно стремится повысить уровень авторитета органов судебной власти, прокуратуры и следственных подразделений.

Социально-политическое значение амнистии выражается в оптимизации экономических затрат, которые может понести государство при реализации уголовного преследования и наказания амнистируемых лиц. Кроме вышеуказанного, амнистия обеспечивает стимулирование позитивного поведения амнистируемых лиц, снижение уровня криминализации населения и как следствие уменьшение уровня социальной напряженности в обществе.

На возможность примирения института амнистии для нужд Специальной военной операции указывали такие исследователи, как С.А. Ступина и П.В. Тепляшин. До внесения в УК РФ ст. 781 УК РФ и ст. 802 УК РФ они отмечали, что «работоспособен» не только институт помилования, который применялся для нужд частных военных компаний, но и акт об амнистии [4, с. 157], однако, данное доктринальное предложение не было учтено законодателем; как известно, законодатель реализовал иной подход к правовому обеспечению привлечения осужденных и подозреваемых (обвиняемых) к проведению СВО.

Пользуясь своим конституционным правом, депутаты Государственной Думы Российской Федерации, в преддверии 80-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, подготовили и внесли 12 февраля 2025 года на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации проект постановления № 839297-8 «Об объявлении амнистии ...» [5] (далее – проект № 839297-8). Особенностью проекта № 839297-8 является то, что он содержит положения, которые ранее не содержались в принимаемых постановлениях об амнистии. Так, в пп. 3 п. 1 проекта № 839297-8 содержится указание на освобождение от наказания впервые осужденных к лишению свободы за умышленные преступления небольшой и средней тяжести военнослужащих, ... участвовавших ... специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Рес-

публики и Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Также п. 4 проекта № 839297-8 определяет возможность прекращения находящихся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Проекта № 839297-8 в том числе и военнослужащих указанных в ранее, подозреваемых и обвиняемых в совершении умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений по неосторожности, за которые предусмотрено максимальное наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы.

Таким образом можно отметить, что анализируемый проект № 839297-8 является СВО-ориентированным проектом, который предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности или наказания лиц, принимавших участие в проведении СВО, а также участвовавших в добровольческих формированиях на стороне Донецкой либо Луганской народных республик до начала проведения СВО.

Особо следует отметить, что положения анализируемого проекта № 839297-8 не должны и не могут распространяться на лиц, фактически находящихся в служебных отношениях по контракту с Министерством обороны Российской Федерации на момент его принятия, так как в проекте используется глагол в прошедшей форме «участвовавших», что свидетельствует о том, что его положения не могут распространяться на лиц, фактически участвующих в проведении СВО на данный момент.

Также, амнистия не должна распространяться на лиц, которые были лишены государственных наград Российской Федерации, либо не получивших их после принятия проекта № 839297-8, в силу того, что на момент принятия указанного проекта они не признаются награжденными.

Отдельно отметим, что положения проекта № 839297-8 распространяются только на лиц, совершивших умышленные преступления небольшой либо средней тяжести, а также неосторожные преступления, за которые предусмотрено максимальное наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы.

Анализ памятников отечественного уголовного права, которыми предусматривались основания освобождения от уголовной ответственности либо наказания свидетельствует [6], что отечественный законодатель применял институт амнистии после знаковых исторических событий с целью освободить от уголовной ответственности или наказания лиц, принимавших участие в боевых действиях. В качестве примера можно привести Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» [7], а также Указ Верховного Совета СССР от 16 июля 1940 года «Об освобождении от исправительно-

трудовых работ и более мягких мер наказания граждан, участвовавших в боях против финской белогвардейщины, по делам о преступлениях, совершенных ими до призыва в Красную Армию и Военно-Морской Флот» [8].

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 07 июля 1945 г. указывалось на то, что амнистия применяется в ознаменование победоносного завершения войны с гитлеровской Германией. В нем постановлялось: освободить от наказания военнослужащих, осужденных с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик; снять с них судимость; сократить наполовину остающиеся сроки наказания лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше трех лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления, хищения социалистической собственности; прекратить производством все следственные дела и дела, не рассмотренные судами, о совершенных до издания Указа преступлениях, за которые в законе установлено наказание не свыше трех лет лишения свободы; по делам об остальных преступлениях суд, отмечалось, что если признает необходимым избрать меру наказания не свыше трех лет лишения свободы, — освобождает подсудимого от наказания; если же признает необходимым избрать меру наказания свыше трех лет лишения свободы, — сокращает срок наказания наполовину.

Заключение.

Развитие геополитической ситуации, динамически изменяемая обстановка на линии боестолкновения дает нам основание предположить, что цели и задачи СВО, сформулированные Президентом Российской Федерации могут быть достигнуты в ближайшее время, что приведет к окончанию СВО, а также приведенная историческая практика, периода окончания Великой Отечественной Войны, могут натолкнуть на мысль, что современный законодатель может пойти по такому же пути и принять постановление об амнистии в ознаменовании окончания СВО с целью освобождения от уголовной ответственности либо наказания лиц заключивших контракт с Министерством обороны РФ с целью участия в

СВО, однако это не так. Поясним данную позицию следующим тезисом.

Лица, заключившие контракт с Вооруженными силами РФ о прохождении военной службы с целью освобождения от уголовной ответственности или наказания в соответствии со ст. 781 УК РФ или ст. 802 УК РФ, должны быть освобождены от уголовной ответственности либо наказания на основании уголовно-правовых гарантий, закрепленных в указанных выше статьях УК РФ без принятия какого-либо законодательного акта либо постановления об амнистии. Так как одним из оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных п. б) ч. 1 ст. 781 УК РФ и от наказания, соответственно предусмотренных п. б) ч. 1 ст. 802 УК РФ, является окончание периода мобилизации, отмена (прекращение действия) военного положения и (или) истечение военного времени — для граждан, имеющими судимость (пп. «а» п. 51 ст. 34 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), совершившими преступления (пп. «б» п. 51 ст. 34 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») заключивших контракт (пп. «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») с Министерством обороны РФ.

Характеризуя существенное отличие проекта постановления № 839297-8 заключается в том, что его положение будет распространяться не только на лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, положения об амнистии традиционно, как и в принимаемых ранее постановлениях об амнистии, не будут распространяться на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Вместе с тем, отметим, что возможность принятия постановления об амнистии в ознаменовании завершения СВО (подписания мирного договора с киевским режимом) будет являться исторически знаковым, социально и геополитически важным событием, что предоставит отечественному законодателю возможность принятия постановления об амнистии в отношении иного круга граждан.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Зорина Е.А. Амнистия как специальный вид освобождения от уголовной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 132–138. С. 137.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П/2001 от 05 июля 2001 года по делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30397.pdf> (дата обращения 20.02.2025).
3. Чернецова А.А. Правовая природа амнистии / А.А. Чернецова, О.В. Климанова // Актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений. Секция 19. С. 1349–1350. 1350 с.
4. Тепляшин П.В. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы / П.В. Тепляшин, С.А. Ступина // Социально-экономический и гуманитарный. 2022. № 4. С. 152–159. 157 с.
5. Об объявлении амнистии в связи с 80-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Проект постановления. № 839297-8. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/839297-8>
6. Ельчанинов А.П. Институты амнистии и помилования в ретроспективе отечественного законодательства // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1(23). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-amnistii-i-pomilovaniya-v-retrospektive-otechestvennogo-zakonodatelstva> (дата обращения 21.02.2025).
7. Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. канд. юрид. наук Ю.И. Мандельштам. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 406–407.
8. Указ Президиума Верховного совета СССР от 16 июля 1940 г. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. канд. юрид. наук Ю.И. Мандельштам. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. 500 с. 406 с.

References:

1. Zorina E.A. Amnesty as a special type of release from criminal liability // Theory and practice of social development. 2023. № 2. P. 132–138. 137 p.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 11-P/2001 of July 05, 2001 on the case of verifying the constitutionality of the Resolution of the State Duma of June 28, 2000 № 492-III GD «On Amending the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation «On Declaring an Amnesty in Connection with the 55th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30397.pdf> (date of application 20.02.2025).;
3. Chernetsova A.A., Klimanova O.V. Legal Nature of Amnesty. // Actual Problems of Legal Regulation of Public Relations. Section 19. P. 1349–1350. 1350 p.
4. Teplyashin P.V. Release of convicts from serving their sentences in connection with their participation in a special military operation: legal possibilities and legislative prospects / P.V. Teplyashin, S.A. Stupina // Socio-economic and humanitarian. 2022. № 4. P. 152–159. 157 p.
5. On the announcement of an amnesty in connection with the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941–1945. Draft resolution. № 839297-8. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/839297-8>
6. Elchaninov A.P. Institutions of amnesty and pardon in retrospect of domestic legislation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2017. № 1(23). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-amnistii-i-pomilovaniya-v-retrospektive-otechestvennogo-zakonodatelstva> (date of application 21.02.2025).
7. On amnesty in connection with the victory over Nazi Germany. Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956 / Under the editorship of Candidate of Legal Sciences Yu.I. Mandelstam. M. : State Publishing House of Legal Literature, 1956. P. 406–407.
8. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 16, 1940. Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956 / Under the editorship of Candidate of Legal Sciences Yu.I. Mandelstam. M. : State Publishing House of Legal Literature, 1956. 500 p. 406 p.

Информация об авторе

Свердлов Давид Русланович
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
up_kubgu@mail.ru

David R. Sverdlov
Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
up_kubgu@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2024.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-13>

УДК 340

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Тюрин М.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье представлены предпосылки и основные направления криминологического познания социального проектирования в предупреждении преступлений. Определена высокая степень социальной значимости проектной деятельности в Российской Федерации и обоснована необходимость её адаптации к современной антикриминальной практике. Выявлены проблемы в разработке и реализации социальных проектов профилактической направленности. Представлены теоретические предпосылки криминологической концепции социального проектирования в сфере предупреждения преступлений. Намечены наиболее перспективные направления криминологического познания поднятых вопросов.

Цель: определить социально-политические и теоретические предпосылки формирования концепции социального проектирования в сфере предупреждения преступлений.

Методы: диалектический, деятельностный и системный подходы, а также общелогические мыслительные приемы, общенаучные и частнонаучные методы

Результаты: обоснована актуальность поднятой проблемы и сделан вывод о необходимости разработки нового криминологического знания о социальном проектировании в сфере предупреждения преступлений.

Ключевые слова: криминология, криминологическое исследование, социальное проектирование, предупреждение преступлений, социальный проект.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL DESIGN IN THE THEORY AND PRACTICE OF CRIME PREVENTION: BACKGROUND AND MAIN DIRECTIONS OF CRIMINOLOGICAL COGNITION

Mikhail A. Tyurin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article presents the prerequisites and main directions of criminological cognition of social design in crime prevention. The high degree of social significance of project activity in the Russian Federation is determined and the need for its adaptation to modern anti-criminal practice is substantiated. Problems have been identified in the development and implementation of social projects of a preventive nature. The theoretical prerequisites of the criminological concept of social design in the field of crime prevention are presented. The most promising areas of criminological knowledge of the issues raised are outlined.

Objective: to determine the socio-political and theoretical prerequisites for the formation of the concept of social design in the field of crime prevention.

Methods: dialectical, activity-based and systematic approaches, as well as general logical thinking techniques, general scientific and private scientific methods

Results: the relevance of the problem raised is substantiated and the conclusion is made about the need to develop new criminological knowledge about social engineering.

Keywords: criminology, criminological research, social engineering, crime prevention, social project.

Funding: Independent work.

Введение.

Активное развитие российского общества, сопровождающееся модернизацией экономического и научно-технологического потенциала государства, социальным и культурным обогащением населения, укреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также усилением чувства патриотизма в социуме, способствует последовательному достижению национальных целей и стратегических задач Российской Федерации.

Указанные позитивные трансформации достигаются путем разработки и реализации документов стратегического планирования, федеральных, региональных и местных программ, а также совершенствования законодательства в различных областях общественных отношений. Особое место среди механизмов развития государства и общества занимает социальное проектирование.

Обсуждение.

Традиционно, социальное проектирование представляет собой последовательный творческий процесс конструирования системы социальных действий, направленных на преодоление различных социальных проблем и способствующих развитию государства, общества и отдельных видов социальных отношений путем предоставления грантовой поддержки в виде денежных средств для достижения поставленной в проекте социально-полезной цели [1, с. 4].

Высокая степень значимости социального проектирования не единожды подчеркивалась Президентом Российской Федерации. Участвуя во встрече с гендиректором Фонда президентских грантов, В.В. Путин отметил: «...Особенно приятно, когда люди, особенно в социальной сфере, реализуют свои идеи и планы, сказал он. Это напрямую связано с поддержкой тех, кто ждет этой помощи, и она приходит как раз вовремя, эффективно реализуются средства, получаемые от государства» [2].

В соответствии с открытыми данными Фонда президентских грантов, за период с 2017 по 2023 гг. грантовую поддержку получили более 41 проекта, направленных некоммерческими организациями. По итогу 1 сезона конкурса «Росмолодежь. Гранты» для физических лиц в 2024 году поддержку получили более 1300 проектов [3]. Указанная поддержка осуществляется по наиболее важным для развития государства социальным направлениям.

Реализация подобных общественных инициатив оказывает влияние и на область антикриминальной практики. Грантовая поддержка социальных проектов по укреплению межнационального и межрелигиозного согласия, защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе по защите прав заключенных, охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, а также финансирование проектов по профилактике

социально негативных явлений и противодействию идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде, напрямую оказывает влияние на минимизацию причин и условий преступности, способствует снижению криминогенного потенциала отдельных социальных групп, позволяет оптимизировать антикриминальную деятельность субъектов профилактики.

Вместе с тем, качественный и количественный анализ представленных некоммерческими организациями и физическими лицами проектов в области профилактики преступлений посредством изучения информационно-телекоммуникационных ресурсов, несущих информацию о содержании грантовых инициатив в области антикриминальной практики, наглядно демонстрирует ряд проблем [4–5].

Отдельные некоммерческие организации и физические лица не в полной мере осознают содержательную часть профилактической работы, упускают категории лиц, которые в большей степени требуют оказания профилактического воздействия, расплывчато формулируют цели и задачи проекта в данной области, практически не взаимодействуют со специальными субъектами профилактики преступлений. В свою очередь, специальные субъекты профилактики и вовсе исключены из практики разработки и реализации подобных проектов, слабо ориентированы на взаимодействие с некоммерческими организациями и физическими лицами, разрабатывающими и реализующими проекты в сфере профилактики преступлений. В результате, социальное проектирование в сфере антикриминальной практики существенно теряет свою эффективность.

Наряду с представленными трудностями социального проектирования в исследуемой области, важным моментом, усугубляющим ситуацию, выступает отсутствие должной научно-методической основы и стандартов оценки эффективности социального проектирования в сфере профилактики преступлений. Нередко, разработчики проектов, стремясь продемонстрировать активность и добиться краткосрочных положительных изменений, не учитывают необходимость систематического сбора данных, анализа ситуации и формулирования четких критериев результативности. Между тем, для формирования устойчивого антикриминального пространства недостаточно разовых акций, даже если они достигают кратковременного успеха, — требуется целостная программа, увязанная с научно обоснованной стратегией, которая учитывала бы специфику целевых групп и масштабы социальной среды, где происходит формирование и эскалация криминального поведения.

В свою очередь, вопросы социального проектирования практически не освещены и в научной плоскости. Наряду с имеющимся определением социального проектирования в правоохранительной практике, под которым следует пони-

мать процесс создания идеи совершенствования правоохранительной практики и соответствующих сфер общественной жизни посредством постановки конкретных целей и задач по их достижению, а также описания необходимых мероприятий и ресурсов для практической реализации идеи в поставленные сроки, данные вопросы в науке практически не освещены [6].

Криминологическая теория не обогащена фундаментальными положениями о социальном проектировании в сфере предупреждения преступлений, механизмах разработки и реализации подобных инициатив, отсутствуют конкретные предложения по включению социальных проектов в антикриминальную практику субъектов предупреждения преступлений.

В совокупности, указанные обстоятельства определяют актуальность и социально-политическую значимость социального проектирования в сфере предупреждения преступлений, указывают на необходимость накопления криминологических знаний в данной области. Тем более, что в криминологической науке накопилось достаточно информации, способствующей разработке полноценной концепции социального проектирования в сфере предупреждения преступлений.

Концепция социального проектирования, как нам видится, является закономерным продолжением теории предупреждения преступлений и основывается на фундаментальных трудах советских и российских криминологов. В первую очередь, это работы Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Ю.Д. Блувштейна, С.В. Бородин, Н.И. Ветрова, Я.И. Гилянского, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, З.С. Зарипова, В.И. Игнатенко, К.Е. Игошева, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, Н.Г. Кобеца, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, С.Я. Лебедева, А.Г. Лекаря, Г.М. Миньковского, И.Б. Михайловской, А.Р. Ратинова, А.Б. Сахарова, А.В. Симоненко, И.А. Стручкова, И.В. Жарова, А.М. Яковлева и др.

Отдельные вопросы участия граждан и некоммерческих организаций в разработке и реализации профилактических инициатив рассматриваются в трудах: С.А. Васильева, С.И. Герасимова, Е.В. Грибанова, Ю.Ф. Гладыря, В.С. Ивановой, В.С. Прохонова Т.В. Раскиной, М.В. Хомутова.

Результаты.

Вместе с тем, невзирая на широкие масштабы и высокую степень социальной политической значимости социального проектирования в сфере профилактики преступлений, в криминологической теории отсутствует комплексное научное знание о содержании проектной деятельности и её антикриминогенном потенциале, механизмах разработки и реализации социального проекта, направлениях трансляции антикриминальных проектных инициатив практику предупреждения преступности.

Указанные социально-политические и теоретические предпосылки, а также отсутствие комплексного криминологического знания об антикриминогенном потенциале социального проектирования обуславливают необходимость разработки теоретических положений в данной области.

Находясь лишь в начале исследовательского пути уже сегодня, можно наметить основные направления изучения социального проектирования в сфере антикриминальной практике. Среди обилия направлений криминологического познания, выделим наиболее важные из них:

- теоретические и социально-политические предпосылки социального проектирования в сфере предупреждения преступлений;
- понятие, содержание и основные направления социального проектирования в предупреждении преступлений;
- система социального проектирования в предупреждении преступлений;
- антикриминогенный потенциал социального проектирования;
- механизмы трансляции результатов социального проектирования в антикриминальную практику;
- социальное проектирование в общесоциальном и специально-криминологическом предупреждении преступлений;
- социальное проектирование в виктимологической профилактике преступлений;
- социальное проектирование в предупреждении отдельных видов преступлений;
- социальное проектирование в противодействии современным криминальным угрозам в сети Интернет;
- социальное проектирование в противодействии распространения идеологии экстремизма и терроризма;
- социальное проектирование в предупреждении правонарушений в сфере незаконного наркооборота и наркопотребления;
- социальное проектирование в противодействии негативным социальным явлениям, связанным с преступностью.

Заключение.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что усиленное внимание представителей государственных органов, расширение масштабов финансирования деятельности в сфере социального проектирования, а также необходимость непрерывного совершенствования системы предупреждения преступлений, обуславливают

необходимость разработки и запуска самостоятельного направления антикриминальной практики — социального проектирования в сфере предупреждения преступлений. С этой целью криминологическая наука должна обогатиться новыми теоретическими положениями о природе, содержании и механизмах функционирования социальных проектов в России, определить антикриминогенный потенциал рассматриваемого явления, выявить наиболее перспективные

направления и механизмы реализации социальных проектов в сфере предупреждения преступлений.

Решение подобных научных задач позволит существенно обогатить криминологическую теорию новыми теоретическими положениями, а их «претворение в жизнь» способно значительно повысить эффективность антикриминальной практики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. 21 шаг социального проектирования : методическое пособие. URL : http://www.kdobru.ru/netcat_files/171/143/metodicheskoe_posobie_21_shag_sotsialnogo_proektirovaniya.pdf (дата обращения 28.11.2024).
2. Путин оценил эффект от грантов некоммерческим организациям. URL : <https://rg.ru/2022/03/29/putin-ocenil-effekt-ot-grantov-nekommercheskim-organizaciiam.html> (дата обращения 28.11.2024).
3. Подведены итоги конкурса Росмолодёжь.Гранты. 1 сезон среди физических лиц в 2024 году (дата обращения 28.11.2024).
4. Фонд президентских грантов. URL : <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai> (дата обращения 28.11.2024).
5. Росмолодёжь. Гранты. URL : <https://grants.myrosmol.ru> (дата обращения 28.11.2024).
6. Грибанов Е.В. Правовое воспитание и просвещение населения как технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2020. № 4. С. 12–18.

References:

1. 21 steps of social design: a methodological guide. URL : http://www.kdobru.ru/netcat_files/171/143/metodicheskoe_posobie_21_shag_sotsialnogo_proektirovaniya.pdf (date of application 11/28/2024).
2. Putin assessed the effect of grants to non-profit organizations. URL : <https://rg.ru/2022/03/29/putin-ocenil-effekt-ot-grantov-nekommercheskim-organizaciiam.html> (date of application 11/28/2024).
3. The results of the Rosmolodezh competition have been summed up. Season 1 grants for individuals in 2024 (date of application 11/28/2024).
4. The Presidential Grants Fund. URL : <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai> (date of application 11/28/2024).
5. Rosmolodezh. Grants. URL : <https://grants.myrosmol.ru> (date of application 11/28/2024).
6. Gribanov E.V. Legal education and public education as a crime prevention technology // Society and Law. 2020. № 4. P. 12–18.

Информация об авторе

Тюрин Михаил Александрович

соискатель
кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Mikhail A. Tyurin

Applicant of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.02.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-1>

УДК 336.14

Attribution

cc by

ФИНАНСИРОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВА

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Алборова Д.В.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

^{2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Актуальность темы исследования определяется тем, что социальные обязательства государства являются традиционным приоритетом в российском обществе. Цель статьи состоит в рассмотрении финансирования государством выполнения социальных обязательств. Объектом исследования являются социальные расходы федерального бюджета и бюджетов внебюджетных фондов.

В качестве полученных результатов можно назвать анализ социальных расходов федеральных законов о федеральном бюджете, бюджетах Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Показаны социальные расходы государства в области социальной политики, образования, культуры и кинематографии, здравоохранения, физической культуры и спорта. В социальной политике рассмотрено финансирование пенсионного обеспечения, социального обслуживания населения, социального обеспечения населения, охраны семьи и детства.

Основным выводом является признание значительной роли федеральных средств в выполнении социальных обязательств государства. Социальные расходы в абсолютных цифрах увеличиваются; вместе с тем, в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и общем объеме расходов такого постоянного увеличения нет.

Знакомство с отечественной литературой дает основание для утверждения о наличии публикаций, в которых анализируются различные аспекты доходов и расходов федерального бюджета и бюджетов внебюджетных фондов. Исходя из цели данной статьи, следует отметить, что есть научные публикации о финансировании здравоохранения, культуры, образования, физической культуры и спорта, социальной политики.

Ключевые слова: бюджет, валовой внутренний продукт, государственная программа, здравоохранение, кинематография, культура, образование, охрана семьи и детства, пенсионное обеспечение, социальная политика, социальное обеспечение, социальное обслуживание, социальное обязательство, социальные расходы, спорт, физическая культура, фонд.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FINANCING THE FULFILLMENT OF THE STATE'S SOCIAL OBLIGATIONS

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Dina V. Alborova³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

^{2, 3}South-Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Abstract. The relevance of the research topic is determined by the fact that the social obligations of the state are a traditional priority in Russian society. The purpose of the article is to consider the financing of the fulfillment of social obligations by the state. The object of the research is the social expenditures of the federal budget and budgets of extra-budgetary funds.

The results obtained include an analysis of social expenditures of the federal laws on the federal budget, the budgets of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation and the Federal Compulsory Medical Insurance Fund for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027. The social expenditures of the state in the field of social policy, education, culture and cinematog-

© Аверин А.Н., Понедеков А.В., Алборова Д.В.

raphy, health care, physical culture and sports are shown. The social policy considers the financing of pensions, social services for the population, social security of the population, protection of family and childhood.

The main conclusion is the recognition of the significant role of federal funds in the fulfillment of social obligations of the state. Social expenditures are increasing in absolute terms, but there is no such constant increase in the projected gross domestic product and total expenditures.

Familiarity with domestic literature gives grounds for asserting the existence of publications that analyze various aspects of revenues and expenditures of the federal budget and budgets of extra-budgetary funds. Based on the purpose of this article, it should be noted that there are scientific publications on the financing of health care, culture, education, physical culture and sports, and social policy.

Keywords: budget, gross domestic product, state program, health care, cinematography, culture, education, protection of family and childhood, pensions, social policy, social security, social services, social obligation, social expenditures, sports, physical culture, fund.

Funding: Independent work.

Введение.

Выполнение социальных обязательств государства связано с финансированием социальной политики и отраслей социальной сферы – образования, культуры и кинематографии, здравоохранения, физической культуры и спорта. Рассмотрим социальные расходы федерального бюджета и внебюджетных фондов на трехлетний период с 2025 по 2027 год.

Результаты. Обсуждение.

Для финансирования социальной политики предусмотрено 21 трлн 061 млрд 135 млн 013,2 тыс. рублей [1]. Финансирование социальной политики осуществляется по таким направлениям, как пенсионное обеспечение – 8 трлн 522 млрд 909 млн 330,2 тыс. руб., социальное обслуживание населения – 128 млрд 775 млн 799,4 тыс. руб., социальное обеспечение населения – 5 трлн 551 млрд 980 млн 652,2 тыс. руб., охрана семьи и детства – 6 трлн 545 млрд 647 млн 931,4 тыс. руб., прикладные научные исследования в области социальной политики – 2 млрд 474 млн 001,5 тыс. руб., другие вопросы в области социальной политики – 309 млрд 347 млн 298,5 тыс. руб.

Средства федерального бюджета направляются на выплату поддержку семей с детьми. За три года расходы на выплату ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка составят 4 трлн 293 млрд 336 млн 312 тыс. руб., на оказание поддержки многодетных семей – 37,5 млрд руб.; на предоставление материнского (семейного) капитала – 1 трлн 726 млрд 173 млн 022,4 тыс. руб.

Определен размер материнского капитала на первого ребенка в сумме 676 тыс. руб., на второго ребенка – 894 тыс. руб.

Предусмотрены средства на создание системы долговременного ухода за людьми пожилого возраста и инвалидами в сумме 86 млрд 847 млн 441,4 тыс. руб., на индексацию пенсий неработающих и работающих пенсионеров.

Средняя страховая пенсия по старости для неработающих пенсионеров составит в 2025 году 25 тыс. руб., для работающих пенсионеров – 20 тыс. руб., социальная пенсия – 15,5 тыс. руб.

Горячее питание в школах получают 7 млн детей, ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием детей – 10 млн семей, материнский (семейный) капитал – 5,3 млн семей. На семейную ипотеку могут рассчитывать 800 тыс. семей [2].

В федеральном бюджете заложены средства на поддержку фонда «Защитники Отечества» (42 млрд руб.), на финансирование Комитета семей воинов Отечества (291 млн руб.), Ассоциации ветеранов СВО (215 млн руб.), на выполнение социальных гарантий военнослужащим и членам их семей [3].

На программы жилищного обеспечения семей с детьми предусмотрено 1,7 трлн. руб., которые включают в себя субсидирование процентной ставки по ипотеке для семей с детьми (до 1,5 трлн руб.), единовременные выплаты по 450 тыс. руб. многодетным семьям с тремя и более детьми, на частичное погашение жилищных кредитов (296,8 млрд руб.).

Финансируется поддержка региональных демографических программ по повышению рождаемости в регионах, в которых показатели рождаемости ниже среднероссийских показателей, выделяются субсидии по обеспечению жильем молодых семей.

Выделены средства на поддержку малоимущих людей на основе социального контракта, лекарственное обеспечение, для строительства новых спортивных объектов, на ремонт и строительство детских садов, школ, на создание инфраструктуры для детского отдыха.

Для финансирования образования предусмотрено 4 трлн 971 млрд 687 млн 708,4 тыс. руб., культуры и кинематографии – 813 млрд 163 млн. 217 тыс. руб., здравоохранения – 5 трлн 553 млрд 411 млн 120,9 тыс. руб., физической культуры и спорта – 210 млрд 850 млн 461,4 тыс. руб. [1].

В сфере образования финансируется дошкольное, общее, среднее профессиональное, высшее образование, профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации.

Следует отметить финансовое обеспечение молодежной политики – выделено на три года 219 млрд 240 млн 265,7 тыс. руб.

В сфере культуры и кинематографии финансируется культура и кинематография, в сфере физической культуры и спорта – физическая культура, массовый спорт (84 млрд 812 млн 668,4 тыс. руб.), спорт высших достижений.

В здравоохранении осуществляется финансовое обеспечение стационарной медицинской, амбулаторной, скорой медицинской, санаторно-оздоровительной помощи, санитарно-эпидемио-

логического благополучия, медицинской помощи в дневных стационарах всех типов, заготовка, переработка, хранение и обеспечение безопасности донорской крови и ее компонентов. Выделены средства на прикладные научные исследования и решение других вопросов в образовании, культуре и кинематографии, физической культуре и спорте, здравоохранении.

Анализируя федеральные расходы на выполнение социальных обязательств, необходимо отметить, что за три года в абсолютных цифрах они увеличиваются в финансировании социальной политики, образования, культуры и кинематографии, здравоохранения, физической культуры и спорта. Вместе с тем, в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и общем объеме расходов федерального бюджета ситуация другая, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1

Доля социальных расходов в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта и общем объеме расходов федерального бюджета, %

Области социальной сферы	2025	2026	2027
В прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта			
Социальная политика	3,094	3,115	2,915
Образование	0,728	0,722	0,701
Культура и кинематография	0,108	0,125	0,116
Здравоохранение	0,858	0,791	0,759
Физическая культура и спорт	0,032	0,03	0,028
В общем объеме расходов федерального бюджета			
Социальная политика	16,01	16,315	15,766
Образование	3,771	3,786	3,791
Культура и кинематография	0,563	0,658	0,630
Здравоохранение	4,444	4,144	4,107
Физическая культура и спорт	0,167	0,161	0,153

В таблице 1 показывается, что в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта доля финансирования уменьшается в образовании, здравоохранении, физической культуре и спорте, увеличивается в культуре и кинематографии, вначале увеличивается и затем снижается в социальной политике. В общем объеме расходов федерального бюджета увеличение доли происходит в образовании, культуре и кинематографии, ее уменьшение – в здравоохранении, физической культуре и спорте, вначале увеличивается и затем снижается в социальной политике.

Следует отметить наличие в федеральном бюджете бюджетных ассигнований на исполнение публичных нормативных обязательств Российской Федерации, которые распределены по государственным программам в социальной сфере: Развитие образования – 60 млн руб. Социальная поддержка граждан – 136 млрд 409 млн 137,6 тыс. руб. Развитие культуры – 273 млн руб. Развитие физической культуры и спорта – 7 млрд руб. 104 млн 231,6 тыс. руб. Развитие туризма – 30 млн руб. Развитие пенсионной системы – 4 трлн 278 млрд 428 млн 895,3 тыс. руб.

Финансируются Государственные программы Российской Федерации в социальной сфере:

Развитие здравоохранения – 4 трлн 727 млрд 649 млн 589,7 тыс. руб. Развитие образования – 1 трлн 941 млрд 436 млн 455,1 тыс. руб. Социальная поддержка граждан – 11 трлн 092 млрд 306 млн 804,3 тыс. руб. Доступная среда – 357 млрд 183 млн 305,7 тыс. руб. Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации – 3 трлн 712 млрд 884 млн 516,5 тыс. руб. Содействие занятости населения – 206 млрд 864 млн 368,5 тыс. руб. Развитие культуры – 738 млрд 659 млн 861,7 тыс. руб. Развитие физической культуры и спорта – 194 млрд 078 млн 954 тыс. руб. Развитие туризма – 197 млрд 041 млн 786,5 тыс. руб. Развитие пенсионной системы Российской Федерации – 7 трлн 488 млрд 831 млн 470,4 тыс. руб.

В рамках Государственной программы «Доступная среда», в 2025 году предусмотрены бюджетные ассигнования на предоставление субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку общероссийских общественных организаций инвалидов в сумме 1 млрд 926 млн 414,2 тыс. руб.; из них – для Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» – 639 млн 745,5 тыс. руб., для Общероссийской общественной организации

инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых» – 1 млрд 099 млн 095,6 тыс. руб., для Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» – 187 млн 573,1 тыс. руб. Выделены бюджетные ассигнования на предоставление субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку отдельных общественных и иных некоммерческих организаций в сумме 4 млрд 761 млн 026,7 тыс. руб.

Общий объем расходов бюджета Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации составит в 2025 году 16 трлн 993 млрд 427 млн 349,1 тыс. руб. (7,919 % в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта), в 2026 году – 18 трлн 273 млрд 551 млн 782,4 тыс. руб. (7,925 %), в 2027 году – 19 трлн 425 млрд 569 млн 407 тыс. руб. (7,823 %) [4].

Следовательно, в абсолютных цифрах общий объем расходов увеличивается, в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта вначале увеличивается, затем уменьшается. Общий объем расходов включает расходы по обязательному:

- пенсионному страхованию;
- социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством;
- социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Объем расходов составляет соответственно:

- в 2025 году 11 трлн 137 млрд 645 млн 741,8 тыс. руб.; 1 трлн 169 млрд 139 млн 694,3 тыс. руб.; 174 млрд 525 млн 605,7 тыс. руб.;
- в 2026 году – 11 трлн 916 млрд 628 млн 157,2 тыс. руб.; 1 трлн 318 млрд 980 млн 864,4 тыс. руб.; 189 млрд 487 млн 413,3 тыс. руб.;
- в 2027 году – 12 трлн 694 млрд 380 млн 286,8 тыс. руб.; 1 трлн 444 млрд 102 млн 988,4 тыс. руб.; 203 млрд 079 млн 879,5 тыс. руб.

В области социальной политики на пенсионное обеспечение предусмотрено 38 трлн 715 млрд 088 млн 821,9 тыс. руб., на социальное обеспечение населения – 7 трлн 837 млрд 461 млн 911,1 тыс. руб., на охрану детства и семьи – 7 млрд 802 млрд 328 млн 074,3 тыс. руб., на другие вопросы в социальной политике – 42 млрд 045 млн 794,3 тыс. руб.

Общий объем расходов бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования составит:

- в 2025 году 4 трлн 475 млрд 923 млн 058,2 тыс. руб. (2,085 % в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта);
- в 2026 году – 4 трлн 832 млрд 933 млн 111,2 тыс. руб. (2,096 %);
- в 2027 году – 5 трлн 162 млрд 525 млн 590,8 тыс. руб. (2,079 %) [5].

В абсолютных цифрах общий объем расходов увеличивается, в прогнозируемом объеме валового внутреннего продукта вначале увеличивается, затем уменьшается. В основном, средства предназначены для финансирования здравоохранения – в трехлетний период предусмотрено 14 трлн 463 млрд 379 млн 102,4 тыс. руб.

В 2025 году из бюджета Федерального фонда направляются субвенции в бюджеты территориальных фондов обязательного медицинского страхования на финансовое обеспечение расходных обязательств субъектов Российской Федерации и города Байконура, возникших при осуществлении передаваемых в сфере обязательного медицинского страхования полномочий в сумме 3 трлн 639 млрд 723 млн 833,5 тыс. руб.

Заключение.

Выполнение социальных обязательств наряду с обеспечением обороны, безопасности, технологического суверенитета является ключевым приоритетом российского государства. Оно основано на финансовых средствах федерального бюджета и бюджетов внебюджетных фондов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 ноября 2024 года № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL : <https://ivo.garant.ru>

2. Замахина Т. Смета с плюсом // Российская газета. 2024. 22 ноября.
3. Исаев А. Поправки в бюджет 2025 – 2027 годов // Российская газета. 2024. 20 ноября.
4. Федеральный закон от 30 ноября 2024 года № 423-ФЗ «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Федеральный закон от 30 ноября 2024 года № 422-ФЗ «О бюджете Федерального фонда обязательного медицинского страхования на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». URL : <https://ivo.garant.ru>. Официальный интернет-портал правовой информации URL : www.pravo.gov.ru

References:

1. Federal Law of November 30, 2024 № 419-FZ «On the Federal Budget for 2025 and for the Planning Period of 2026 and 2027». URL : www.pravo.gov.ru
2. Zamakhina T. Smeta s plusom [Estimate with plus]. 2024. 22 November.
3. Isaev A. Amendments to the Budget of 2025–2027 // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 20 November.
4. Federal Law of November 30, 2024 № 423-FZ «On the Budget of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for 2025 and for the Planning Period of 2026 and 2027». URL : www.pravo.gov.ru
5. Federal Law of November 30, 2024 № 422-FZ «On the Budget of the Federal Fund of Compulsory Medical Insurance for 2025 and for the Planning Period of 2026 and 2027». URL : <https://ivo.garant.ru>. Official Internet portal of legal information URL : www.pravo.gov.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ORCID 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Алборова Дина Владимировна

аспирантка кафедры политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

Dina V. Alborova

Postgraduate Student at the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.12.2024.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.02.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-21>

УДК 332

Attribution

cc by

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МАРКЕТИНГА ДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Волков А.П.

Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

Аннотация. Развитие дорожной инфраструктуры является одним из основных и базовых аспектов нормального функционирования и процветания современного мегаполиса. Модернизация и улучшение количественных и качественных характеристик системы дорожного хозяйства отражает не только состояние основных транспортных путей передвижения, но и строит представление о самом мегаполисе как в глазах жителей данного города, так и в целях инвестиционной и туристической привлекательности. Нацеленность государственных программ и подпрограмм развития дорожной инфраструктуры акцентирует свое внимание, в первую очередь, на системе удовлетворения потребностей всех заинтересованных сторон в части эксплуатации объектов дорожного хозяйства, что прописано в Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Нацеленность на удовлетворение конечных потребителей дорожной инфраструктуры невозможно представить без сегментации самих потребителей и сегментации их потребностей в предоставлении качественного продукта в виде объектов дорожного хозяйства, которые будут удовлетворять все их потребности. Для обеспечения обратной связи от потребителей с учетом их сегментирования в части потребностей и заинтересованности, процесс реализации деятельности на объектах дорожного хозяйства необходимо выстраивать с учетом применения маркетинга.

Ключевые слова: маркетинг, удовлетворение потребностей, развитие дорожной инфраструктуры.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MEETING THE NEEDS OF THE POPULATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF ROAD INFRASTRUCTURE MARKETING

Alexey P. Volkov

Moscow City University of Management Government of Moscow named After Yu.M. Luzhkov

Abstract. The development of road infrastructure is one of the main and basic aspects of the normal functioning and prosperity of a modern metropolis. Modernization and improvement of the quantitative and qualitative characteristics of the road system reflects not only the state of the main transport routes, but also builds an idea of the metropolis itself both in the eyes of the residents of this city and for the purposes of investment and tourist attractiveness. The focus of state programs and subprograms for the development of road infrastructure focuses primarily on the system of satisfying the needs of all stakeholders in terms of operation of road facilities, which is spelled out in the Transport Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast for the period up to 2035. Focus on satisfying end consumers of road infrastructure cannot be imagined without segmentation of the consumers themselves and segmentation of their needs for the provision of a quality product in the form of road facilities that will satisfy all their needs. To ensure feedback from consumers, taking into account their segmentation in terms of needs and interests, the process of implementing activities at road facilities must be built taking into account the use of marketing.

Keywords: marketing, satisfaction of needs, development of road infrastructure.

Funding: Independent work.

Введение.

Система удовлетворения потребностей всех заинтересованных сторон в части системы до-

рожной инфраструктуры начинается с применения маркетинговых подходов к выявлению и вычислению необходимого спектра основных задач для реализации вышеуказанной цели.

Ориентированный подход к управлению и реализации деятельности на объектах дорожного хозяйства подразумевает изучение как потребностей населения, так и изучение их конечных ожиданий от реализации тех или иных действий со стороны государства или конкретного органа власти.

Основная задача маркетинга в части изучения потребностей населения сводится к процессу сегментации всех стейкхолдеров, использующих систему дорожной инфраструктуры, как для выявления и изучения потребностей, так и для выявления определенного ценностного ориентира [2], который будет отождествлять систему дорожного хозяйства как безопасную, комфортную, доступную и необходимую систему в глазах пользователей.

Процесс маркетингового анализа в части изучения потребностей, как было сказано выше, необходимо начинать с данных исследований [4]:

1. Сегментация потребителей – определение ключевых групп населения, использующих систему дорожного хозяйства на постоянной основе: водители, пешеходы, велосипедисты, пассажиры наземного городского транспорта, юридические лица, имеющие организации или предприятия, находящиеся вблизи объектов дорожной инфраструктуры. Подробный анализ сегментирования позволяет дать более точные исследования целевых групп для последующего предложения необходимых действий для каждой из них.

2. Сегментирование потребностей – определение ключевых потребностей и ожиданий от системы дорожной инфраструктуры в глазах всех стейкхолдеров. Для реализации данного сегментирования необходимо использовать несколько методов сбора данных: опрос, оценочный опрос, фокус-группу и аналитические показатели (могут быть количественные и качественные, в зависимости от происхождения самих ожиданий и удовлетворений пользователей). Данные методы помогают более точно понять, какая присутствует необходимость и в чем конкретно, что действительно влияет на систему дорожного хозяйства в глазах пользователей данной структуры.

3. Позиционирование и дифференциация – группировка и оценка полученных данных из вышеуказанных пунктов № 1 и № 2 для наглядного сравнения и вычисления необходимых и схожих параметров анализа. Исходя из проведенного анализа сегментирования потребителей и потребностей, происходит разработка программ, подпрограмм и стратегий развития (модернизации) системы дорожной инфраструктуры, нацеленной на удовлетворение потребностей всех заинтересованных сторон.

Результаты.

Процесс маркетингового анализа позволяет показать истинную картину необходимости реали-

зации проектов и стратегий улучшения системы дорожного хозяйства мегаполиса в части применения акцента на удовлетворение потребностей конечных потребителей объектов дорожной инфраструктуры.

Система изучения заинтересованности сторон и выявления необходимых количественных и качественных характеристик приводит к необходимости использования и применения маркетингового анализа в процессе реализации деятельности вышестоящих органов власти в реализации программ и подпрограмм [4; 7], нацеленных на улучшение системы дорожной инфраструктуры города. Исходя из необходимости применения сегментирования потребительских ожиданий, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день, система маркетингового анализа является основной системой построения процессов реализации деятельности на объектах дорожного хозяйства и позиционирования системы дорожной инфраструктуры как безопасную, комфортную и необходимую среду в глазах конечных потребителей.

Отдельным элементом маркетинга в части реализации программ и подпрограмм системы дорожной инфраструктуры является необходимость внедрения потребительского фокуса на саму систему [3], что позволяет не только позиционировать систему дорожного хозяйства с наилучшей стороны в глазах конечных потребителей, но и обеспечить наибольшую осведомленность о структуре объектов дорожного хозяйства.

Реализацию потребительского фокуса необходимо начинать со следующих маркетинговых стратегий, нацеленных на осуществление безопасной и комфортной эксплуатации системы дорожной инфраструктуры [5]:

1. Персонализация услуг – акцентированное внимание на системе дорожного хозяйства от регулирующих, эксплуатирующих и управляющих структур, которые будут обеспечивать и поддерживать дорожные объекты в надлежащем техническом и санитарном состоянии, а также, на необходимости приведения и внедрения информационных и интеллектуальных технологий, позволяющих обезопасить и улучшить процесс перемещения всех стейкхолдеров по объектам дорожного хозяйства. (Применение интеллектуальных систем отслеживания, координированные (удаленное) управление светофорных объектов в зависимости от трафика на конкретном участке дорожной сети и тд.)

2. Вовлеченность и взаимодействие конечных потребителей – процесс планирования, реализация программ благоустройства, и другие процессы для реализации мер по усовершенствованию объектов дорожного хозяйства необходимо начинать и планировать только с учетом обратной связи от конечных потребителей данной структуры.

3. Совершенствование системы обслуживания – своевременная информационная поддержка пользователей объектов дорожной инфраструктуры, нацеленная на повышение осведомленности о состоянии системы дорожной инфраструктуры. Также, данная стратегия нацелена на увеличение программ лояльности для пользователей платных участков дорожных объектов, доступность сервисов для данных участков и т.д.

Потребительский фокус как часть системы отождествления потребностей конечных потребителей системы дорожной инфраструктуры в разрезе с инфраструктурным маркетингом является отдельной самостоятельной системой определения ценностных ориентиров пользователей к их ожиданиям от системы дорожного хозяйства, в основных характеристиках [2] – безопасность, комфорт, удобство, быстрота передвижения, нивелирование нештатных ситуаций.

Обсуждение.

Подробный анализ потребностей пользователей дорожной инфраструктуры города позволяет использовать маркетинг как основу деятельности в части государственной политики, акцентирующее свое внимание на удовлетворение потребностей населения для повышения качества жизни в конкретном регионе или агломерации. Широкое применение маркетинга в части реализации ожиданий от сектора дорожного хозяйства в глазах пользователей данной структуры [6; 8], выстраивает определенные векторы развития как дорожной инфраструктуры, так и маркетинга в целом. Наряду с вышеуказанными маркетинговыми анализами, нацеленными на получение информации о сегментации потребителей и сегментации их потребностей, вырастает значимость маркетинга в части применения новых технологий. В частности – применение информационных и интеллектуальных технологий, которые способны контролировать объекты дорожного хозяйства, создавая постоянный мониторинг за данными объектами, что, в свою очередь, позволяет увеличить значимость государственной политики в части дорожного хозяйства в глазах конечных потребителей, позволяющую обеспечить надежным имиджем безопасности и комфорта дорожную инфраструктуру. Развитие маркетинга в части дорожной инфраструктуры, подкрепленной общественным положительным мнением, помогает благоприятно влиять на привлечение дополнительных инвестиций в данный сектор.

Одной из задач маркетинга в части реализации программ дорожной инфраструктуры является не только минимизация денежных ассигнований данному сектору за счет применения интеллектуальных и инновационных технологий мониторинга и контроля, но и привлечение дополнительных инвестиций от частного сектора экономики [5]. В части реализации программ по реализации строительства и реконструкции необхо-

димо применять систему государственного – частного партнерства (ГЧП), что, в свою очередь, способствует положительным взаимосвязям между частным бизнесом и государством, наряду с применением новых технологий строительства и производства работ.

Развитие маркетинга в части дорожной инфраструктуры может реализовываться путем внедрения платных участков на объектах дорожного хозяйства, которые в свою очередь позволяют обеспечить конечных потребителей скоростными возможностями вышеуказанного объекта (нивелирование временного промежутка от точки «А» до точки «Б»), комфортом и безопасностью. Широкое распространение платных участков на объектах дорожного хозяйства можно отнести к некоему сегментированию и разделению по выбору пути передвижения, нацеленного на обеспечение наименьшей нагрузки на объект дорожного хозяйства от высокого трафика автомобильного транспорта и увеличение скоростных характеристик.

Развитие маркетинга в части обеспечения удовлетворения потребностей конечных потребителей дорожной инфраструктуры является неотъемлемой частью системы управления в данном секторе, которое будет нацелено на необходимое количественное и качественное усовершенствование превалирующего числа объектов дорожного хозяйства.

Заключение.

Развитие дорожной инфраструктуры в контексте удовлетворения потребностей конечных потребителей является неотъемлемой и важной частью развития маркетинга. Благодаря маркетинговым анализам и стратегиям совершенствования данного сектора хозяйства, происходит понимание необходимых потребностей и ожиданий от дорожного хозяйства.

Представление о необходимых количественных и качественных изменениях способствуют применению инновационных технологий наряду с растущим качеством обслуживания объектов дорожного хозяйства, что способствует положительному позиционированию дорожной инфраструктуры в глазах конечных потребителей.

Применение маркетинга помогает выстраивать «доверительные» отношения между транспортной системой и пользователями вышеуказанной системы, что, в свою очередь, положительно сказывается как на реализации маркетинговых стратегий в данной области, так и на долгосрочном планировании.

Развитие дорожной инфраструктуры невозможно представить без обратной связи от пользователей дорожных объектов; благодаря данному симбиозу, маркетинг является связующим звеном, нацеленным на улучшение качества жизни населения.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дранникова Л.Д. Возможности современного маркетинга / Л.Д. Дранникова, В.Ю. Зверева; Отв. за выпуск: Я.П. Силин, В.Е. Ковалев // Конкурентоспособность территорий : Материалы XXV Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов : в 3-х частях, Екатеринбург, 27–30 апреля 2022 года. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2022. Ч. 2. С. 202–204.
2. Курочкина А.А. Маркетинг как источник формирования потребностей / А.А. Курочкина, Е.В. Аверкина, Ю.А. Иванова // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях : Сборник научных трудов IV национальной (с международным участием) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 января 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 139–143.
3. Кустова Е.Ю. Нужда – потребность – спрос: сущность и взаимосвязь / Е.Ю. Кустова, М.А. Кубарь; Под научной редакцией А.В. Носова // Инициативы молодых – науке и производству: Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Пенза, 30 ноября 2022 года. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 283–286.
4. Муратова К.А. Маркетинговый анализ удовлетворенности потребителей // Социум. Наука. Образование : Материалы VII Региональной молодежной научно-практической конференции, Иваново, 11–13 мая 2022 года. Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, 2022. С. 19–21.
5. Минеев А.Н. Анализ современных маркетинговых технологий взаимодействия с потребителями // Глобальный научный потенциал. 2023. № 8(149). С. 217–221.
6. Молчанов Н.Н. Анализ воздействия на потребителя маркетинговых инструментов в условиях цифровой экономики / Н.Н. Молчанов, О.С. Муравьева, М.С. Макарова // Международный экономический симпозиум – 2020 : Материалы международных научных конференций: «Устойчивое развитие: общество и экономика», «Соколовские чтения. Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее», Санкт-Петербург, 01–30 июня 2020 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2020. С. 595–600.
7. Суздалева Г.Р. Анализ психотипов потребителей как ключевой фактор формирования маркетинговых коммуникаций / Г.Р. Суздалева, А.Д. Балескова // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 39(1). С. 309–319.
8. Самойлова Е.В. Основные направления маркетингового анализа потребителей // Via Scientiarum – Дорога знаний. 2024. № 4. С. 76–80.
9. Чеглакова Л.С. Изучение потребителя как один из элементов концепции маркетинга / Л.С. Чеглакова; Вятский государственный университет // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): Сборник статей. Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция, Киров, 01–29 апреля 2017 года. Киров : Вятский государственный университет, 2017. С. 5492–5497.

References:

1. Drannikova L.D. Possibilities of Modern Marketing / L.D. Drannikova, V.Yu. Zvereva; Responsible for the issue: Ya.P. Silin, V.Ye. Kovalev // Competitiveness of Territories: Proceedings of the XXV All-Russian Economic Forum of Young Scientists and Students. In 3 parts, Yekaterinburg, April 27–30, 2022. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2022. Part 2. P. 202–204.
2. Kurochkina A.A. Marketing as a Source of Needs Formation / A.A. Kurochkina, E.V. Averkina, Yu.A. Ivanova // Strategies for Entrepreneurship Development in Modern Conditions: Collection of Scientific Papers of the IV National (with International Participation) Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, January 23–24, 2020. SPb. : Saint Petersburg State University of Economics, 2020. P. 139–143.
3. Kustova E.Yu. Need – requirement – demand: essence and relationship / E.Yu. Kustova, M.A. Kubar; Under the scientific editorship of A.V. Nosov // Initiatives of the young – to science and production: Collection of articles of the IV All-Russian scientific and practical conference of young scientists and students, Penza, November 30, 2022. Penza : Penza State Agrarian University, 2022. P. 283–286.
4. Muratova K.A. Marketing analysis of consumer satisfaction // Society. Science. Education: Proceedings of the VII Regional Youth Scientific and Practical Conference, Ivanovo, May 11–13, 2022. Ivanovo : Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, 2022. P. 19–21.
5. Mineev A.N. Analysis of modern marketing technologies for interaction with consumers // Global scientific potential. 2023. № 8(149). P. 217–221.

6. Molchanov N.N. Analysis of the impact of marketing tools on the consumer in the digital economy / N.N. Molchanov, O.S. Muravyova, M.S. Makarova // International Economic Symposium – 2020: Proceedings of international scientific conferences: «Sustainable Development: Society and Economy», «Sokolov Readings. Accounting: a look from the past to the future», St. Petersburg, June 01–30, 2020. SPb. : St. Petersburg State University, 2020. P. 595–600.
7. Suzdaleva G.R. Analysis of consumer psychotypes as a key factor in the formation of marketing communications / G.R. Suzdaleva, A.D. Baleskova // Natural Sciences and Humanities Research. 2022. № 39(1). P. 309–319.
8. Samoilova E.V. Main directions of marketing analysis of consumers // Via Scientiarum – Road of knowledge. 2024. № 4. P. 76–80.
9. Cheglakova L.S. Consumer study as one of the elements of the marketing concept / L.S. Cheglakova; Vyatka State University // Society. Science. Innovations (NPK-2017): Collection of articles. All-Russian annual scientific and practical conference, Kirov, April 1–29, 2017. Kirov : Vyatka State University, 2017. P. 5492–5497.

Информация об авторе

Волков Алексей Павлович

аспирант,
Московский городской университет управления
Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова
ugmzmag@yandex.ru

Alexey P. Volkov

Postgraduate Student,
Moscow City University of Management
Government of Moscow named after Yu. M. Luzhkov
ugmzmag@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-20>
УДК 338.486

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ивашкин М.В., Кузнецов В.В.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. В условиях глобализации проблема интеграции малочисленных народов Дальнего Востока России в международное культурное пространство приобретает особую значимость. Исторически данные этносы сохраняли свою самобытность, однако, современные процессы урбанизации, экономические вызовы и языковая ассимиляция ведут к постепенному размыванию и деградации традиционной культуры. В статье анализируются ключевые аспекты социальной интеграции коренных малочисленных народов региона, рассматриваются проблемы сохранения национальной идентичности и предлагаются механизмы включения этих этносов в глобальные культурные процессы.

Цель: определить ключевые проблемы интеграции малочисленных народов Дальнего Востока России в международное культурное пространство и предложить возможные пути их решения.

Методы: анализ научных публикаций, сравнительный метод, систематизация данных о традиционных культурах коренных народов региона.

Результаты: выявлены основные барьеры интеграции, предложены направления для их преодоления, включая развитие образовательных и культурных программ, поддержку традиционной экономики и трансграничного сотрудничества.

Выводы: эффективная интеграция требует комплексного подхода, включающего сохранение культурного наследия, юридическую защиту прав коренных народов, развитие этнотуризма и цифровизацию культурного контента.

Ключевые слова: социальная интеграция, малочисленные народы, Дальний Восток, культурное пространство, этническая идентичность, глобализация, этнотуризм, языковая политика, традиционные промыслы, трансграничное сотрудничество.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROBLEMS OF INTEGRATION OF THE SMALL ETHNIC GROUPS OF THE RUSSIAN FAR EAST INTO THE INTERNATIONAL CULTURAL SPACE

Mikhail V. Ivashkin, Vladislav V. Kyznetsov

Pacific National University

Abstract. In the context of globalisation, the problem of integrating the small-numbered peoples of the Russian Far East into the international cultural space is of particular importance. Historically, these ethnic groups have preserved their identity, but modern processes of urbanisation, economic challenges and language assimilation lead to the gradual erosion of traditional culture. The article analyses key aspects of social integration of indigenous peoples of the region, considers the problems of preserving national identity and proposes mechanisms for the inclusion of these ethnic groups in global cultural processes.

Objective: to identify the key problems of integration of small-numbered peoples of the Russian Far East into the international cultural space and to propose possible ways to solve them.

Methods: analysis of scientific publications, comparative method, systematisation of data on traditional cultures of indigenous peoples of the region.

Results: the main barriers to integration were identified and directions for overcoming them were proposed, including the development of educational and cultural programmes, support for traditional economy and cross-border cooperation.

© Ивашкин М.В., Кузнецов В.В.

Conclusions: effective integration requires a comprehensive approach, including preservation of cultural heritage, legal protection of indigenous peoples' rights, development of ethno-tourism and digitalisation of cultural content.

Keywords: social integration, small ethnic groups, Far East, cultural space, ethnic identity, globalisation, ethno-tourism, language policy, traditional crafts, cross-border cooperation.

Funding: Independent work.

Введение.

Вопрос интеграции и оказываемого этим процессом влияния на различные сообщества, в частности, на коренные малочисленные народы, уже давно вызывает интерес исследователей, поскольку затрагивает проблемы сохранения этнической самобытности, культурного обмена и взаимодействия. На Дальнем Востоке России проживает множество коренных малочисленных этносов, каждый из которых обладает уникальным набором традиций, языковых особенностей, форм хозяйствования и обрядов. Однако глобализация, урбанизация и меняющиеся экономические условия неизбежно влияют на эти сообщества, в некоторых случаях приводя к обеднению родных языков, снижению популярности традиционных обычаев и постепенному разрушению устоявшегося уклада жизни.

Обсуждение.

В научных трудах можно найти множество трактовок понятия «социальная интеграция», которые отражают многоплановый характер этого термина и использование различных подходов к его определению.

Например, в некоторых исследованиях можно проследить двоякую трактовку: с одной стороны, как процесс активного участия человека в коллективной жизни, а с другой – как освоение индивидом норм и ценностей данного общества. Указанное демонстрирует сущность этого понятия, а именно – связь людей на основе общих ценностных ориентиров и взаимозависимости, а также формирование межличностных контактов и практик взаимодействия между различными социальными группами [1].

В самом общем виде, понятие «социальная интеграция» можно сформулировать как процесс включения индивида или группы в общественную структуру, благодаря которому взаимодействия становятся согласованными и приобретают внутреннее единство.

Следует упомянуть о том, что степень социальной интеграции напрямую зависит от чувства принадлежности к группе и от совпадения основных убеждений и норм. В данном контексте, интеграция рассматривается как фактор социальной сплоченности и гарантии стабильности, поскольку единое ценностно-нормативное пространство делает взаимодействие более предсказуемым и устойчивым. Однако в современных реалиях, когда общество переживает состояние нестабильности и неопределенности, заметны

новые аспекты интеграционных процессов, особенно в молодежной среде. Здесь все чаще можно наблюдать разрыв между фактическим включением в социальные структуры (учебные заведения, рынок труда, институты гражданского общества) и истинным чувством идентификации с ними. Этот разрыв порождает скорее механическую, нежели органическую интеграцию, что на практике выражается в условном формальном принятии действующих в данном сообществе правил игры при внутреннем отчуждении, и именно это показывает сложность современных общественных трансформаций [2].

Поскольку социальная интеграция – процесс вхождения одного субъекта в более крупную социальную систему, некоторые первоначальные характеристики субъекта, подвергаются трансформации под влиянием новых условий. Если рассматривать это явление в контексте социокультурных процессов, то интеграция означает включение какой-либо этнической, религиозной или социальной группы в общее культурное пространство, при этом уникальные черты сообщества могут оставаться в своей основе неизменными.

Говоря о социальной интеграции, несомненно, необходимо отметить отличие понятий «ассимиляция» и «интеграция». Ассимиляция – это когда группа меньшинства практически полностью культурно «растворяется» в доминирующей культуре. Социальная интеграция кардинально отличается от упомянутого явления и не приводит к таким последствиям, принимая самые разные формы: от мягкого, почти незаметного приспособления, когда ценности и обычаи меняются лишь в деталях, до активного взаимодействия, в ходе которого обе стороны – и «меньшинство», и «большинство» – обогащают друг друга новыми культурными смыслами. Такое многообразие форм интеграции подчеркивает не только сложность самого явления, но и необходимость междисциплинарных подходов к его изучению, учитывающих и социальные, и психологические, и культурные факторы.

Проживающие на Дальнем Востоке России малочисленные коренные народы обладают специфическим культурным наследием, в котором языки, обряды, песни, традиции промыслов и ремесел веками формировались в тесном взаимодействии с окружающей природой.

Дальний Восток России издавна был местом сосуществования большого числа коренных малочисленных народов, среди которых можно выделить эвенков, эвенов, нанайцев, ульчей,

удэгейцев, орочей, нивхов, ительменов, коряков, чукчей и многих др. Их этногенез напрямую зависел от сложных природных условий региона. Суровый климат, глухие леса, полноводные реки и богатые морские побережья диктовали специфический характер хозяйственной деятельности, а также образ жизни. Такие народы как эвенки и эвены, издавна занимались кочевым оленеводством, что формировало их мобильную социальную организацию и обычаи, а народы, живущие вдоль рек Амур и Амгунь, например, нанайцы, ульчи и нивхи, развили особые методы рыбной ловли, в том числе системы снастей и обряды, связанные с почитанием рек и водных духов.

Коллективные формы труда и родовые связи лежали в основе социальной структуры этих народов. Община не только обеспечивала выживание в непростых условиях, но и поддерживала культурные традиции, обряды посвящения и воспитание детей, что способствовало передаче знаний от старших поколений к младшим. Духовная жизнь местных этносов была неразрывно связана с окружающей природой и включала в себя богатые формы шаманизма и анимизма, выражающие глубинные представления о гармонии человека и мира. При этом контакты с соседями были важной составляющей жизни коренных народов. Кроме того, археологические находки и письменные свидетельства говорят о том, что они поддерживали торговые и культурные связи с народами Китая, Кореи и Японии, обменивая пушнину и рыбу на металлоизделия и ткани, заимствуя при этом отдельные элементы одежды, ремесел и предметов. Подобные контакты обогащали их материальную культуру, способствуя постепенной адаптации к меняющимся историческим условиям.

С XVII в. началось активное взаимодействие коренных народов с русскими первопроходцами и казаками, прокладывавшими путь к побережьям Тихого океана. Новые политические и экономические реалии стали все больше влиять на традиционный уклад жизни, так как российская администрация стремилась укрепить контроль над дальневосточными территориями. В регионе строились остроги, вводился ясак в форме пушнины и других натуральных выплат, предпринимались успешные попытки христианизации местного населения. Несмотря на эти перемены, многие коренные народы Дальнего Востока смогли сохранить свою самобытную культуру и религиозные представления [6].

Поскольку процесс интеграции всегда сопряжен с определенным комплексом проблем, мы выделили некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные применительно к процессу интеграции коренных малочисленных народов:

1. Сокращение в силу физиологических причин численности носителей языка и традиционных культурных практик [4].

2. Миграция молодежи в крупные города, что препятствует воспроизводству культурных традиций.

3. Урбанизации, выражающаяся в доминировании массовой культуры, что приводит к вытеснению уникальных языков и обычаев.

4. Унификация культурных ценностей и стандартов, что приводит к маргинализации традиционных культурных практик [7].

5. Экономические ограничения и недостаточная финансовая поддержка инициатив по сохранению культурного наследия. Традиционные занятия вроде оленеводства, рыболовства и охоты сталкиваются не только с экологическими изменениями и промышленной конкуренцией, но и с риском полного исчезновения, если не разработать современные механизмы их поддержки.

6. Информационная изоляция малых народов, которая во многом возникает из-за языкового барьера и слабой технологической инфраструктуры. Из-за отсутствия востребованных площадок для представления своего культурного наследия, они остаются практически невидимыми на мировой арене, что тормозит процесс обмена опытом и сотрудничество с другими сообществами. Соответственно, сохранение культурных достояний коренных малочисленных народов требует комплексных мер, включающих международное право, российское законодательство и нормы права этих народов. Если эту работу не вести планомерно, без участия всемирных организаций и фондов, культурные особенности малых этносов могут быть утрачены.

Кроме того, критически важную роль в формировании благоприятных условий для интеграции играет совершенствование юридической базы и преодоление бюрократических преград. При этом зачастую наблюдается недостаточная открытость региональной политики и отсутствие четкого механизма для реализации прав малочисленных групп на землю и природные ресурсы. П.В. Гоголев прямо указывает на то, что при объединении автономных округов с более крупными регионами нередко страдают территориальные интересы коренных народов, поскольку государственная политика не всегда достаточно открыта и справедлива [8].

Дополнительные проблемы возникают вокруг длительных и сложных процедур оформления прав на традиционные земли, особенно в контексте промышленного освоения, где интересы крупных корпораций часто перевешивают потребности и права коренных народов.

Результаты.

Таким образом, интеграция малых народностей Дальнего Востока в международное культурное пространство требует комплексного подхода,

который учитывал бы исторические, социальные и культурные особенности этих этносов. Следовательно, опираясь на анализ существующих проблем и зарубежного опыта, весь комплекс соответствующих мероприятий можно условно разделить по некоторым основным направлениям.

Во-первых, это язык, выступающий одним из главных носителей культурной идентичности, и его утрата неизбежно ведёт к ослаблению связи с родными традициями.

Во-вторых, это места сосредоточения и воспроизводства культурных ценностей. Полноценная интеграция коренных народностей в современное образовательное пространство невозможна без учёта межкультурной специфики, поэтому параллельно с языковыми курсами необходима разработка стратегий аккультурации, позволяющих встроить традиционные знания и мировосприятие в общую систему образования. Важную роль здесь играют и культурные центры, библиотеки, музеи, которые не только проводят выставки и фестивали, но и становятся точками взаимодействия, где традиционные формы культуры обогащают современную общественную жизнь [9; 10].

Безусловно, образование, в широком смысле, выходит за рамки языковых курсов. В школьные и вузовские программы необходимо интегрировать дисциплины, посвящённые истории, обрядам, хозяйственным практикам и социальным нормам коренных народов, чтобы сформировать у молодого поколения интерес и уважение к их культурному наследию. Одновременно важно развивать системы обменных программ и стажировок: молодёжь из малых народностей, проходящая обучение в крупных городах или за рубежом, возвращается домой с новыми знаниями и навыками, которые способствуют эффективной адаптации в быстро меняющемся мире.

В-третьих, экономическая поддержка малых народностей также является ключевым фактором их самосохранения. Развитие традиционных видов хозяйственной деятельности вроде оленеводства, рыболовства, собирательства и ремёсел, нуждается в государственной помощи в виде льготного кредитования, субсидирования и обучающих программ, где сочетаются как передовые методы ведения хозяйства, так и передача накопленного поколениями опыта. При этом экотуризм и этнографические туры могут стать дополнительными источниками дохода и способами популяризации традиционной культуры, если наладить грамотное взаимодействие с туристическим сектором и ресурсными компаниями [11]. Важно, чтобы подобное сотрудничество учитывало интересы и потребности самих коренных народов, гарантируя им право на сохранение привычного уклада и доступ к природным ресурсам.

В-четвертых, сохранение правового статуса земель, на которых традиционно проживают коренные народы. Необходимо совершенствовать законодательство, защищающее природные ресурсы, и создавать механизмы, в которых представители малых народностей могли бы непосредственно участвовать в принятии решений как на региональном, так и на федеральном уровнях.

В-пятых, следует расширять присутствие культуры малых народностей в медиапространстве, делая их голоса слышимыми для широкой аудитории. Документальные фильмы, телепередачи, публикации в печатных и интернет-СМИ, а также инициативы по созданию контента на родных языках помогают не только повысить узнаваемость этих этносов, но и укрепляют их собственное чувство самоуважения. Сегодня, в эпоху цифровизации, интернет-проекты, социальные сети и видеоплатформы позволяют коренным народам самостоятельно представлять свою историю, традиции и современную жизнь на международной арене, что даёт им дополнительную возможность выстраивать коммуникацию с внешним миром.

И, наконец, в-шестых, особое внимание следует уделить развитию трансграничного туризма. Дальний Восток России, будучи «зоной глобальных контактных географических структур» [12], активно вовлечен в трансграничные зоны экономического интереса, что создает уникальные возможности для культурного обмена. Организация трансграничных туристических маршрутов, включающих территории соседних государств, позволит демонстрировать культурное богатство малых народностей международной аудитории, укреплять экономические связи и способствовать сохранению традиционного образа жизни.

Заключение.

В заключении, следует еще раз подчеркнуть, что в условиях динамичных глобальных процессов проблемы сохранения и развития культурной самобытности малочисленных народов Дальнего Востока России становятся все более острыми. Как показывают научные исследования и исторический опыт, механическое включение представителей этих этносов в экономические, образовательные и политические структуры без учета их уникального наследия не только приводит к полноценной интеграции, но может привести к формальной ассимиляции, а также к утрате традиционных ценностей. Поэтому комплексный подход должен сочетать меры по защите родных языков, правовой охране традиционных земель и развитию современных форм хозяйственной деятельности с внедрением образовательных инициатив, ориентированных на межкультурный диалог.

Не менее важно вовлечение самих коренных народов в принятие решений, что обеспечит их реальную субъектность при выработке стратегий

и программ развития. Практика показывает, что взаимодействие научных и культурных организаций, государства, бизнес-структур и местных сообществ может обеспечить эффективную поддержку традиционных промыслов, этнотуризма, ремесел и формировать у молодежи позитивную мотивацию к сохранению своих корней.

Расширение медиаприсутствия, трансграничные туристические маршруты и совместные проекты с зарубежными партнерами способствуют популяризации культурного наследия, открывают новые каналы коммуникации и позволяют привлечь международные финансовые ресурсы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Табылгинова Л.А. Основные научные подходы к понятию «Социальная интеграция» // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. № 4.
2. Зубок Ю.А. Современная Социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Россия реформирующаяся. 2017. № 15.
3. Тураев В.А. Особенности идентификации малочисленных народов Дальнего Востока в условиях трансформации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 1(32).
4. Леонов С.Н. Проблемы и перспективы развития традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока / С.Н. Леонов, Я.С. Шеварёва // Регионалистика. 2017. № 2.
5. Шевченко В.К. Коренные малочисленные народы в национальных парках: проблемы и перспективы соуправления (на примере Приморского края) / В.К. Шевченко, В.Г. Ден // Известия БГУ. 2022. № 4.
6. Яковлева О.А. Роль российского Дальнего Востока в евроазиатской политике во второй половине XIX начале XX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3.
7. Бахтеева Л.И. Влияние глобализации на культуру коренных народов Севера // Вестник ЧелГУ. 2007. № 14.
8. Гоголев П.В. Об автономии и территориальных интересах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России на современном этапе // Вестник СВФУ. 2014. № 3.
9. Разикова Н.И. Интеграция – перспективная стратегия межкультурного сотрудничества в современном образовательном пространстве / Н.И. Разикова, Ж.А. Храмушина, Е.В. Грунина // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 2(10).
10. Демченко Ю.А. Интеграционные процессы в современной культуре: на примере библиотек и музеев // Вестник ЧелГУ. 2009. № 18.
11. Сморгочова Вера. Развитие взаимоотношений ресурсных компаний с коренными народами в арктической зоне России // ИМЭМО РАН. 2021. № 1(60).
12. Чхотуа И.З. Стратегирование туризма на Дальнем Востоке России // Стратегирование: теория и практика. 2022. № 3.

References:

1. Tabylgina L.A. Main scientific approaches to the concept of 'Social Integration' // Scientific Notes of ZabGU. Series: Philosophy, sociology, culturology, social work. 2011. № 4.
2. Zubok Yu.A. Modern Sociology of Youth: changing reality and new theoretical approaches / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Russia Reforming. 2017. № 15.
3. Turaev V.A. Features of identification of small-numbered peoples of the Far East in the conditions of transformation // Oikumena. Regional Studies. 2015. № 1(32).
4. Leonov S.N. Problems and prospects for the development of traditional economic activities of small indigenous peoples of the North of the Far East / S.N. Leonov, Ya.S. Shevareva // Regionalistics. 2017. № 2.
5. Shevchenko V.K. Native Minority Peoples in National Parks: Problems and Prospects of Co-management (in Primorsky Krai) / V.K. Shevchenko, V.G. Den // Izvestiya BSU. 2022. № 4.
6. Yakovleva O.A. Role of the Russian Far East in the Euro-Asian policy in the second half of the XIX early XX century // Bulletin of the Pushkin LSU. 2011. № 3.
7. Bakhteeva L.I. Influence of globalisation on the culture of indigenous peoples of the North // VestnikChelSU. 2007. № 14.
8. Gogolev P.V. On the autonomy and territorial interests of small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia at the present stage // Vestnik SVFU. 2014. № 3.

9. Razikova N.I. Integration is a promising perspective. V. Integration – a promising strategy of intercultural co-operation in the modern educational space / N.I. Razikova, J.A. Khrumushina, E.V. Grunina // Professional Education in Russia and Abroad. 2013. № 2(10).
10. Demchenko Yu.A. Integration processes in modern culture: on the example of libraries and museums // Chelyabinsk State University Bulletin. 2009. № 18.
11. Smorchkova Vera. Development of relationships of resource companies with native nations in the arctic zone of Russia // IMEMO RAN. 2021. № 1(60).
12. Chkhotua Ilona Zurabovna. Strategising tourism in the Far East of Russia // Strategising: Theory and Practice. 2022. № 3.

Информация об авторах

Ивашкин Михаил Вячеславович

доктор экономических наук,
профессор Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ivashkin62@mail.ru

Mikhail V. Ivashkin

Doctor of Economics,
Professor of Higher School of Management
Institute of Economics and Management,
Pacific National University, Khabarovsk
ivashkin62@mail.ru

Кузнецов Владислав Васильевич

преподаватель Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса
Института социально-политических технологий
и коммуникаций,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
012754@togudv.ru

Vladislav V. Kyznetsov

Lecturer at the Higher School of Media,
Communications and Service
Institute of Social and Political Technologies
and Communications,
Pacific National University, Russian Federation,
Khabarovsk
012754@togudv.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 03.03.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-4>
УДК 316.47:005.34

Attribution
cc by

ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ: МАКРО- И МИКРОУРОВЕНЬ

Калашникова И.В.¹, Несмеянов Д.В.², Акимов Д.В.³

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет,

³ООО «НИКА»

Аннотация. Человекоцентричность означает выстраивание архитектуры управления таким образом, чтобы за целями, задачами, стратегиями менеджмент видел человека, его уникальность, интересы, потребности, мотивы. В результате формируется внутрикорпоративная среда открытых, доверительных отношений, позитивно влияющая на все аспекты деятельности организации. Такая постановка вопроса актуальна и для бюрократических структур, и компаний, придерживающихся принципов холакратии. Отсутствие иерархии не отменяет лидерства, необходимости планировать, организовывать, контролировать, координировать, учитывая ценности, ожидания, потребности сотрудников или членов команды. В управленческой практике сегодня не редки кейсы, когда социальные стимулы даже блокируют денежную мотивацию.

Аналитики различают три кластера компаний, реализующих парадигму человекоцентричного управления. Каждый кластер имеет специфику в зависимости от фокуса на своих работников или внешнее окружение (внешних акторов). Некоторые из показателей человекоцентричности находятся в зоне уязвимости. Исправить ситуацию возможно, если руководитель обладает компетенциями человекоцентричности.

Ключевые слова: человекоцентричность, модель управления, бюрократия, «дизайн, ориентированный на человека», человекоцентричное поведение руководителя.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HUMAN-CENTERED MANAGEMENT PARADIGM: MACRO AND MICRO LEVELS

Irina V. Kalashnikova¹, Denis V. Nesmeyanov², Denis V. Akimov³

^{1, 2}Pacific National University,

³NIKA LLC

Abstract. Human-centricity means building a management architecture in such a way that management sees a person, his uniqueness, interests, needs, and motives behind goals, objectives, and strategies. As a result, an internal corporate environment of open, trusting relationships is formed, which positively affects all aspects of the organization's activities. This approach is relevant for both bureaucratic structures and companies that adhere to the principles of holacracy. The absence of hierarchy does not negate leadership, the need to plan, organize, control, coordinate, taking into account the values, expectations, needs of employees or team members. Cases where social incentives even block monetary motivation are not uncommon in management practice today.

Analysts distinguish three clusters of companies implementing the human-centered management paradigm. Each cluster has its own specifics depending on the focus on its employees or the external environment (external actors). Some of the indicators of human-centricity are in the zone of vulnerability. It is possible to correct the situation if the manager has human-centric competencies.

Keywords: human-centricity, management model, bureaucracy, «human-centered design», human-centered behavior of the head.

Funding: Independent work.

Введение.

Современный этап развития теории управления связан с концепцией, ориентированной на чело-

века. В такой парадигме человек - не только ресурс достижения целей организации, но и собственно цель, заключающаяся в содействии его развитию, созданию благоприятных условий для

© Калашникова И.В., Несмеянов Д.В., Акимов Д.В.

реализации трудового потенциала, гуманизации труда.

Модели бюрократического устройства («рациональная бюрократия», рыночная и сетевая модели бюрократии), где управленческие процессы зависят от качества регламентов и документов, тщательности их экспертной проработки, где особую роль играет жесткая система вертикального контроля, в некоторых случаях утрачивают продуктивность. Главная причина – сдерживание инициативности, инновационности, креативности, стремления к самовыражению, активности работников, игнорирование их эмоционального состояния. И все-таки, ошибочно использование термина «бюрократия» в качестве синонима волокиты, некомпетентности, формализма. С научной точки зрения – это некорректно. И социологи, и экономисты уверены в том, что это – одна из моделей управления как на микро-, так и макроуровне, которая при соблюдении определенных условий достаточно эффективна. Ее совершенствование, повышение управляемости, результативности предполагают ориентацию на человека, порождая запрос на человекоцентричное поведение руководителей. Те компании, которые предпочитают традиционной иерархической модели инновационную парадигму управления, основанную на холакратии, самоуправлении, системе горизонтального менеджмента, тоже нуждаются в лидерах особого типа, обладающих человекоцентричными компетенциями. Лидеры новой генерации должны быть готовы и способны делегировать свои полномочия, создавать атмосферу доверия в коллективе, продвигать корпоративные ценности, обеспечивая их интериоризацию всеми сотрудниками.

Практика человекоцентричного менеджмента, начавшая свой путь за рубежом, становится все более востребованной компаниями, оперирующими на рынках нашей страны. Российским поведенческим департаментом (организацией, специализирующейся на человекоцентричности компаний, разработке рыночных стратегий, управлении опытом сотрудников и клиентов) была принята Декларация человекоцентричности. Этому способствовали не только демографические тренды, кадровый голод, чрезмерно низкий уровень безработицы, но и рост экономической, социальной и управленческой нагрузки на хозяйствующие субъекты.

Сложности со сдерживанием текучести, удержанием персонала, стремление бизнеса максимизировать прибыль в условиях кадровой напряженности при неотлаженных процессах, фактически неконтролируемый рост заработных плат, нарастание инфляционных ожиданий – вот самый краткий перечень экономической напряженности, который не зависит ни от масштабов, ни от вида экономической деятельности организации. Социальное напряжение, усилившееся в «ковидный» период, набирает обороты. Работа в условиях многозадачности, дедлайна, отсутствия внятных вводных от руководства приводят

к утрате вовлеченности, инициативы, конфликтам в коллективе, неудовлетворенности трудом, хроническому стрессу и профессиональному выгоранию. Геополитическая ситуация, галопирующая цифровизация, риски и непредсказуемость целевых рынков осложняют принятие именно обоснованных управленческих решений, сопровождаются профессиональным выгоранием и деструктивным поведением.

На макроуровне имеют место барьеры между индивидом и инструментами государственного регулирования. Наличие патримониальных черт бюрократической организации, рост численности номенклатуры, вал отчетности, негативная инфо-повестка, социально-экономическая неустойчивость, пандемия в купе с упомянутыми барьерами становятся бустером социального напряжения. Интерес государства к человекоцентричности означает изменение приоритетов и осознание особой роли граждан во взаимодействии с государственными структурами. Создание многофункциональных центров, сокращающих волокиту и ориентированных на удобство их использования, – это важно, но не решает иных вопросов человекоцентричности государства. Государственное управление с точки зрения концепции человекоцентричности предполагает разработку и реализацию комплекса мер, социальных политик различной направленности, призванных повышать качество жизни населения, обеспечивать права и свободы граждан, учитывать их мнение при принятии решений. В конечном итоге снижается уровень социального напряжения, растет доверие к институтам власти.

Поскольку императив человекоцентричной идеологии управления становится все более и более обсуждаемой темой, многие исследователи систем менеджмента, культуры управления вносят свое понимание ее содержания. Обратная сторона подобной активности – путаница в понимании сути человекоцентричности, порождающая параллельное существование множества вопросов, требующих решения и/или пояснения.

Обсуждение.

В концепции управления М. Вебера, исследовавшего феномен бюрократии, любые отступления от системы формальных правил и инициативы сотрудников не приветствуются. Важно, чтоб были в порядке документы. В конечном счете, формализм становится критерием эффективного управления, игнорируя сложившуюся реальность, в том числе социальную. Для самой же идеи «рациональной бюрократии» возрастает риск превращения в иррациональность [1]. Одна из них – отсутствие поощрения инициативы. Между тем, современность меняет приоритеты государственного (муниципального) управления, менеджмента, требования к государственным служащим и руководителям (компаний, структурных подразделений), ставит перед бизнесом задачи, для решения которых уже недостаточно

материальной заинтересованности и формального выполнения работниками должностных инструкций. От них требуются осознанность, ответственность, самостоятельность и проявление инициативности, которую нужно не только поддерживать, но и стимулировать. Трактую функцию как «наблюдаемые следствия, которые служат саморегуляцией данной системы или приспособлению её к среде, а также соответствие ожиданий последствиям», Р. Мертон, будучи приверженцем универсального функционализма, утверждал, что не все стандартизированные социальные структуры и формы имеют положительную функцию, поскольку это противоречит реальным практикам [2]. Из этого следует, что концепция М. Вебера, основанная на механистической модели человеческого поведения, предсказуемости поведения человека, не может быть актуальной применительно ко всем компаниям. В ситуации, когда растет количество персонализированных отношений, затрудняются процессы интернализации правил, норм, ценностей организации, возрастает значимость альтернатив при принятии управленческих решений, бюрократическая модель управления вынуждена трансформироваться. К этому подталкивают сложность и разнообразие технологий, с которыми имеют дело и вынуждены считаться многие организации. У руководителей растет доля координирующих функций, выполняющих роль «связующего звена» между группами специалистов, в том числе по горизонтали. В свою очередь, сотрудники вынуждены выполнять свои обязанности, находящиеся за пределами должностных инструкций и континуума «руководитель – подчиненный». В системе менеджмента возникают трудности и проблемы, связанные с мотивацией и стимулированием. Более того, зачастую, не зарплата, а совсем иные мотивы становятся фактором удержания и лояльности работников. Социальные стимулы, их отсутствие, порой, блокируют экономический расчет. Управление вынуждено ориентироваться на человека, отказываясь от «субъект-объектных», «патрон-клиентских» отношений. Вектор перемен направлен на выстраивание «субъект-субъектной» модели управления.

Набирающая популярность управленческая практика холакратии, когда отсутствуют бюрократия, иерархия власти, ответственность распределена между членами команды в зависимости от роли; есть обязанности вместо должностных инструкций, прозрачность и доступность информации во имя равноправного участия в деятельности организации, — это еще одно основание для перехода к человекоцентричности.

Итак, новая управленческая парадигма подразумевает трансформацию взаимодействия между субъектом и объектом, которое по своему содержанию и сути становится партнерским. Принимая решения, менеджмент человекоцентричной компании ориентируется на потребности своих работников и пользу для общества. Более того, сотрудники приобретают статус субъекта

управления и рассматриваются как акторы социальных процессов в организации, способные к самостоятельности, самоорганизации и самосовершенствованию [3].

На макроуровне человекоцентричность выражается, прежде всего, через систему социальной поддержки и защиты населения, молодежную политику, активную политику на рынке труда, политику содействия занятости населения, создание безбарьерной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и др. Все они являются результатом реализации государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов.

Определяя содержание человекоцентричности на микроуровне как особого подхода в корпоративном управлении, следует уточнить, что понимается под «человеком», который стал центром обновленной парадигмы. Один из вариантов — это любой внутренний или внешний стейкхолдер (заинтересованное лицо), в том числе государство. На наш взгляд, это расширенная трактовка человекоцентричности. В этом случае, чтобы оценить эффективность человекоцентричной концепции как философской основы управления, важно определить влияние менеджмента компании на все заинтересованные стороны. В случае высокой степени влияния организации на среду, по отношению к ней возникают определенные ожидания со стороны различных групп стейкхолдеров, внутренних и внешних акторов (например, инвестирование в экономику региона, муниципального образования, в развитие отрасли, государственно-частное партнерство и др.). Подобная трактовка человекоцентричности вполне уместна, когда речь идет о системообразующих компаниях, государственных корпорациях, а также о федеральных структурах. На практике, человекоцентричность, в широком понимании, связана с деятельностью специалистов по связям с общественностью, государственными органами и по управлению персоналом (управлению человеческими ресурсами).

Некоторые исследователи рассматривают человекоцентричность в качестве стратегии взаимодействия бизнеса с сотрудниками и внешними клиентами, пришедшей на место клиентоцентричного (клиентоориентированного) подхода [4]. По этой причине, на практике для ряда компаний, особенно осуществляющих свою операционную деятельность на рынке услуг, человекоцентричность означает ориентацию на клиента. В данном случае, человекоцентричный подход близок к клиентоцентричности, что означает фокус системы менеджмента компании на потребителях услуг, на маркетинге как функции управления. Однако компания, претендующая на устойчивое развитие, на статус социально ответственной организации, рассматривает своего клиента не только с позиции потребления конкретной услуги (продукта), а с позиции человека, имеющего разнообразные потребности, интересы и ожидания.

Гарвардская школа бизнеса определяет такой подход, как human-centered design (HCD), «человекоцентричный дизайн», «дизайн, ориентированный на человека». Парадигма HCD предполагает особый метод создания продукта. Центром внимания становятся потребности многогранных людей. В результате, производство становится более эмпатичным, учитывает желания, болевые точки и предпочтения пользователей на каждом этапе разработки, стремясь изменить качество жизни к лучшему [5]. Благодаря HCD, компании расширили практику кастомизации, которая стала тактикой стимулирования потребительского спроса и увеличения продаж. С точки зрения производства, кастомизация есть способность выполнения разового заказа изменения или адаптации серийного изделия по индивидуальным характеристикам и по желанию заказчика, преобразование любого продукта под конкретного человека. Она считается идеалом отношений «производитель продукта, услуги – потребитель, клиент», обеспечивая конкурентное преимущество благодаря созданию дополнительной потребительской ценности для конечного потребителя [6].

Появление концепции маркетинга отношений (relationship marketing) привело к пониманию сотрудника компании с позиции внутреннего клиента, а выстраивание с ним долгосрочных отношений становится взаимовыгодным для обеих сторон. В фокус внимания при принятии реше-

ний все чаще попадают работники компании, особенно мотивация контактного персонала [7]. С этого момента подход к пониманию человекоцентричности как ориентированности на персонал становится самым распространенным. Он базируется на принципе «персонал – главный актив компании» и фокусируется на внутренних процессах, социально-трудовых отношениях, управлении персоналом (HR-менеджменте). В этом случае, уровень человекоцентричности компании можно оценивать через программы привлечения и найма (внутреннего рекрутинга), развития, удержания персонала, гуманизации труда. Расчет прост: «довольные сотрудники» будут обеспечивать высокую продуктивность и производительность труда [8].

В научный оборот термин «человекоцентричность» был введен К. Роджерсом. Он уделял большое внимание личностно-ориентированным отношениям человека, стремящегося к самоактуализации. Отношения подобного типа предполагают выполнение следующих условий: конгруэнтность, принятие, эмпатия [9]. Развивающий идеи К. Роджерса Э. Медоус, уточняя черты человекоцентричного руководителя, делает акцент на компетенции эмпатического слушания. Обобщенные теоретические воззрения обоих исследователей можно представить в виде базовой модели человекоцентричного поведения руководителя, определяемую нами как модель «Роджерса-Медоуса» (рис. 1).

Рисунок 1 – Базовая модель человекоцентричного поведения руководителя, лидера (модель «Роджерса-Медоуса»)

Компетенция конгруэнтности, важнейшая составляющая паттерна человекоцентричного поведения руководителя, заключается в гармоничности его переживаний и внешнего их проявления через поведение. По мнению Роджерса, конгруэнтность – этико-психологический идеал, который обеспечивает вектор развития отношений в сторону единения и взаимопонимания или в сторону разобщения и отсутствия согласия [9].

Существуют самые разнообразные проявления конгруэнтности, начиная от адекватности демонстрируемых чувств и эмоций согласно социальной ситуации, до соблюдения личностных границ в отношениях «руководитель – исполнитель», а

также – корпоративных норм и этико-моральных принципов. Для конгруэнтности близко, но не тождественно понятие «искренность». Руководитель, будучи искренним, не воспринимается таковым сотрудниками. Конгруэнтность руководителя проявляется во внутренних деловых коммуникациях, общении и оценить данную компетенцию могут только работники, члены коллектива. Стоит отметить, что любое токсичное поведение руководителя, заключающееся в применении манипулятивных средств (давление на чувство вины, лесть, ложные обещания, перекалывание ответственности, угрозы и др.), по умолчанию делают его неконгруэнтным в силу достижения личностных выгод посредством не-

искренних намерений. Осознанность и аутентичность тоже не являются синонимами конгруэнтности. Осознанность подразумевает отслеживание и распознавание своих эмоций, реакций и мыслей, однако не диктует трансляцию их окружающим. Аутентичность есть способность быть самим собой, отказ от навязанных социальных ролей, при этом руководитель не должен осознать свои ощущения и мотивации.

Зачастую, конгруэнтность путают с эмпатией. В данном контексте, оба понятия подразумевают понимание чувств и отражение этого понимания в своём поведении. Однако эмпатия заключается в распознавании эмоций и чувств других людей. Чем эмпатичнее руководитель, тем эффективнее внутрикорпоративные коммуникации [10]. Одна из самых распространенных форм «неразвитой» эмпатии – зависть, желание быть на месте другого.

Считается, что эмпатия в современном бизнесе – это первоочередная компетенция руководителя, обеспечивающая возможность учитывать интересы своих потребителей, контрагентов, подчиненных. Помогая слышать и понимать мотивацию других, она необходима, чтобы приходиться к консенсусу с партнёрами, предугадывать действия конкурентов. В ситуации острой конкуренции или конфликта эмпатия часто бывает единственным верным способом разрешения ситуации и достижения результата «win-win». Существует заблуждение в том, что власть и эмпатия – противоположности. Последняя ошибочно воспринимается как потеря, утрата власти. В действительности, эмпатия «низов» и «верхов» в отношениях «руководитель – исполнитель, подчи-

нённый» только способствует сглаживанию противоречий и снижению напряженности.

«Принятие» в паттерне человекоцентричного поведения заключается в безусловном позитивном восприятии подчиненных. Данная компетенция означает, что руководитель видит сильные и слабые стороны сотрудников, содействуя достижению успеха и повышению эффективности их труда. Руководитель выступает в роли всеобщего наставника, который с уважением относится к ценностным установкам (особенно молодых членов коллектива), стремится создать атмосферу гармонии в коллективе, команде и эффективно управлять ею, разделяя ответственность с подчинёнными. В отсутствии принятия невозможно формирование человекоцентричных отношений.

Совокупность компетенций базовой модели «Роджерса-Медоуса» способствуют установлению отношений доброжелательности и формированию культуры доверия в коллективе. Когда есть доверие, работники не сомневаются, что поведение компании соответствует их интересам и ожиданиям, а это важно, как для бюрократических организаций, так и холакратии. Наличие доверия позволяет руководителю сократить время деловых коммуникаций, повысить качество выполнения задач. Отсутствие доверия порождает чувство недооцененности персонала, снижаются его мотивация и продуктивность труда.

Усложнение внешних и внутренних деловых коммуникаций вызвало необходимость подстройки базовой модели человекоцентричного поведения руководителя (лидера) к сложившимся реалиям (рис. 2).

Рисунок 2 – Модель человекоцентричного поведения руководителя (лидера)

Обновленная версия модели Роджерса-Медоуса предполагает наличие у руководителя дополнительных четырех компетенций человекоцентричности. Прежде всего, речь идет о реципрокности. С точки зрения теории управления, это

способность руководителя, лидера конструировать особый тип социально-трудовых отношений, которые являются антиподом «патрон-клиентских» отношений. Последние всегда означают наличие иерархии и отношений зависимо-

сти. Под реципрокностью, чаще всего, понимают принцип межличностных отношений, предполагающий наличие явных и/или латентных взаимных обязательств у их участников. Для реципрокности характерно отсутствие ожидания расчета на прямую компенсацию затраченных усилий и ресурсов, а мотивация помощи связана с осознанием возможности самому оказаться в сложной ситуации [11]. Полагаем, что с позиции социального управления, реципрокность — это всегда взаимопомощь, существующая вне рамок формальных структур, которая является социальной нормой, основанной на личностно окрашенных отношениях дружбы, сотрудничества, порождаемых компетенциями конгруэнтности, эмпатии и принятия. Базу реципрокных отношений формирует социальный капитал, возможность доверять окружению и использовать его поддержку, а регуляторами данных отношений являются нормы корпоративной культуры, культуры управления. Для корпоративной человекоцентричности смысл реципрокных отношений заключается в защите подчиненных от действия неблагоприятных факторов и обстоятельств среды.

Транспарентное поведение руководителя означает установление отношений с внутренними и внешними стейкхолдерами, строящимися на предоставлении им открытой, понятной, полной, честной и своевременной информации.

Транспарентность позволяет бизнесу предвидеть возможное развитие событий и принять взвешенные управленческие решения. Прозрачность и подотчетность — основа транспарентности. В деловой практике не редкость случаи, когда компании не считают нужным делиться с сотрудниками новостями о новых клиентах, планах, проблемах, финансовых неудачах, достижениях. При таком раскладе даже для персонала компания не является прозрачной. «Если ты хочешь управлять сплочённым коллективом, в котором не нужно «пинать» команду для продуктивной работы..., то нужно повышать лояльность сотрудников... Для этого нужно сделать бизнес прозрачным» [12]. Согласно исследованиям Slack Future of Work, 80 % работающих хотят знать больше о компании, где работают. Они ищут более тесного партнерства с теми, кто принимает решения, стремятся к более прочным связям с коллегами. Прозрачный бизнес привлекает персонал больше, чем тот, где информацию скрывают [13]. Сотрудникам комфортнее работать в «открытой» компании. Они чаще готовы сменить непрозрачную организацию на ту, которая вызывает доверие.

Человекоцентричный менеджмент нельзя рассматривать вне рамок этичности, морали и ответственности. Этичность руководителя предусматривает неукоснительное соблюдение норм взаимоотношений организации с государством, заинтересованными сторонами и множество вариантов поведения в отношении сотрудников. Особенно важна этичность, когда принимаемые ре-

шения связаны с масштабностью морально-нравственных последствий. В этом смысле, не теряет своей актуальности этика конфуцианства: «Не делай другим того, чего не пожелаешь себе»; «Когда правитель любит справедливость, никто не осмелится быть непослушным, когда правитель любит правду, никто в народе не посмеет быть нечестным»; «Благоговейно относиться к делу и честно поступай с другими».

Организации заинтересованы в повышении этичности поведения руководителей и персонала, для чего, они предпринимают разные меры: разработку этических нормативов, обучение этичному поведению, создание комитетов по этике, проведение социальных ревизий.

Не только управлять, но и не допускать конфликты — важная компетенция человекоцентричного руководителя, которая тесно переплетается с этичностью. В этом смысле, важно своевременно выявлять конфликтных работников. Еще лучше — не принимать их на работу. В противном случае, потребуются большие затраты на восстановление социально-психологического климата в коллективе. Порой, достаточно руководителю запретить персоналу в споре на работе переходить на личности. Спорить на профессиональные темы можно, оскорблять нельзя. Кроме того, не стоит разрешать говорить плохо о коллегах в их отсутствие. Если игнорировать эти банальные, на первый взгляд, принципы, внутрикорпоративная среда, климат в коллективе сильно ухудшатся.

От того, насколько развиты компетенции человекоцентричности руководителя, зависит успешность внедрения относительно новой парадигмы управления в деятельности российских компаний.

Результаты.

Для измерения человекоцентричности организации можно использовать систему оценивания корпоративной социальной ответственности, предусмотренную нефинансовой отчетностью или методологию определения индекса человекоцентричности, предложенную Росатомом. Индекс, состоящий из субиндексов «Сотрудники» и «Сообщество», показывает, насколько компании ориентированы на интересы своих работников и создание пользы для общества в целом. Индекс и субиндексы оцениваются по 100-балльной шкале, где 100 — максимально возможный результат. Субиндекс «Сотрудники» отражает деловую практику менеджмента по отношению к работникам. Субиндекс «Сообщество» оценивает социальную политику, проводимую компанией в отношении местного сообщества на территории присутствия и общества в целом. Значения индексов рассчитывается на основе интервью и опросов руководителей компаний и HR-департаментов

По данным аналитического отчета Росатома, доля социальных инвестиций компаний в 2022 г.

составила 1,3 %. В отраслях промышленности аналогичный показатель составил 5 %. Среди опрошенных сотрудников компаний в том же году 8 % участвовали в волонтерстве и социально значимых проектах (в торговле 16 %) [14].

Все чаще компании публикуют информацию о реализации своих социальных инициатив. О такой практике заявляют 38 % представителей торговли, 29 % сферы IT и сервисов, 27 % промышленности. В среднем, доля социальных инвестиций от выручки составляет 1,3 %. В сфере промышленности относительно больше доля компаний, выделяющих на социальные инвестиции более 5 % выручки [14].

По итогам 2022 г., индекс человекоцентричности организаций составил 52, субиндекс «Сотрудники» – 57, субиндекс «Сообщество» – 46, свидетельствуя о приоритете внутренних социальных инвестиций. Субиндекс «Сообщество» доходит до 65-ти в бизнесе, где выручка составляет 400 млн – 1 млрд руб. Чем меньше выручка, тем меньше возможности для реализации инициатив в отношении общества, что отрицательно сказывается на значении субиндекса «Сообщество» [15].

Выделяют три типа, три кластера человекоцентричных компаний.

1. Ориентированные на сотрудников (фокус на сотрудников). Их средний интегральный индекс составляет 33 (19 баллов – «Сообщество», 47 баллов – «Сотрудники»). Зоной уязвимости является внешняя корпоративная ответственность. Основной вклад в фокус на сотрудников вносят развитие персонала (47 баллов), гарантии безопасности сотрудников (73 балла), развитие корпоративной культуры и бренда (51 балл). В состав компаний этой группы входят небольшие организации, в основном с численностью до тысячи сотрудников и годовым оборотом до 400 млн руб.

2. «Сбалансированные» («золотая середина»). В 2022 г. интегральный индекс человекоцентричности по данной группе организаций составил 68 баллов (62 – «Сообщество», 73 – «Сотрудники») за счет развития корпоративной культуры и бренда (81 балл), гарантии безопасности сотрудников (79 баллов), условий для развития персонала (68 баллов). Очевидно, что «Развитие корпоративной культуры и бренда» – это основное направление управленческой деятельности, которое является системообразующим с точки зрения человекоцентричности.

3. Ориентированные на сообщество (фокус на сообщество), средний интегральный индекс которых составляет 58 (63 – «Сообщество», 53 – «Сотрудники»), в основном, благодаря условиям для развития персонала (51 балл), развитию корпоративной культуры и бренда (69 баллов). Неблагополучной зоной является социальная и правовая ответственность по отношению к сотрудникам (36 баллов). Как считают эксперты, в

состав кластера чаще входят крупные компании с численностью сотрудников более тысячи человек (73 %) и в основном осуществляющие операционную деятельность в сфере IT и сервисов (50 %) [15].

Персонал компаний 2 и 3 типов участвует в волонтерских проектах. Волонтерские миссии объединяют работников, сплачивают, создают комфортную социально-психологическую среду, поскольку сотрудники взаимодействуют вне рабочих процессов. Кроме того, участие в волонтерских проектах создает имидж социально-ответственной организации.

Заключение.

Новая реальность порождает новую парадигму управления. Она призвана устранить или не допустить противоречия между управляющими и управляемыми подсистемами. В результате, классическое управление как односторонний процесс целевого воздействия субъекта управления на объект со свойственным ему иерархией, субординацией, должностными инструкциями трансформируется в сторону человекоцентричности, выстраивания «субъект-субъектных», партнерских отношений. Их основу образуют не отношения верховенства, доминирования, подчинения, подавления, а поиск консенсуса, согласия между разными интерпретациями управленческой ситуации. Тем более, что, как полагают и ученые, и практики, бизнес сегодня вынужден фокусироваться на сотрудниках. Компании нуждаются в менеджменте, который бы раскрывал трудовой потенциал работников, формировал их лояльность, повышал удовлетворенность трудом, формируя конкурентное преимущество организации на рынке труда. Управленцы, обладающие соответствующими компетенциями и придерживающиеся человекоцентричной модели поведения, способны этот запрос реализовать. Быть человекоцентричным руководителем значит понимать, что человек – это не только экономический ресурс. Он живёт в контексте, на него влияют самые разнообразные ситуации, собственные ценности и эмоции, а это надлежит учитывать и в общении, и при принятии решений.

Управленческий дискурс в России относительно человекоцентричности организаций во многом опирается на международный стандарт ISO 27500:2016 (ГОСТ Р ИСО 27500), согласно которому «човекоцентричная» организация придерживается ряда принципов. Среди них почетное место занимают:

- применение в качестве приоритетов деятельности обеспечение здоровья, безопасности и благополучия людей;
- осознание ценности персонала и создание условий для его работы;
- открытость и доверие;

— социальная ответственность во всех действиях.

Если компания осознает, что ее работники — это важный актив, она должна инвестировать в профессиональное развитие персонала. И тогда портфель корпоративных ценностей будет пополнен следующими составляющими:

— формированием навыков будущего, чтобы каждый может овладеть компетенциями, необходимыми в условиях динамичных изменений на рынке труда;

— индивидуальной траекторией профессионального развития в течение жизни;

— равными возможностями и информированностью (информация о вакансиях и возможностях обучения, повышения квалификации, переобучения доступна для всех);

— гибкими форматами отношений найма, доступностью удаленной работы;

— организация рабочего места и условия труда должны способствовать самореализации и профессиональному развитию сотрудников.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гайдено П.Л. Проблема бюрократии у Макса Вебера / П.Л. Гайдено, Ю.Л. Давыдов // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 174–182.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 873 с.
3. Игумнов О.А. Социально-ориентированное управление организацией в контексте методологического индивидуализма: проблема преодоления ограничений // Тенденции и проблемы развития современной науки : сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 15 мая 2023 года. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. С. 352–360.
4. Тянь Я.В. Сущность и реализация человекоцентричной стратегии маркетинга / Я.В. Тянь, И.В. Рожков // Практический маркетинг. 2024. № 12(330). С. 25–28.
5. Что такое Human-centered design. URL : <https://bangbangeducation.ru/point/ux-ui-dizain/chto-takoe-hcd/> (дата обращения 01.12.24).
6. Неганова В.П. О сущности маркетинга взаимоотношений // Известия УрГЭУ. 2012. № 2(40). С.110–117.
7. Стеблякова Л.П. Маркетинг отношений: развитие теории и практики / Л.П. Стеблякова, Е.А. Вечкинзова, Е.В. Краснов // Вестник университета. 2023. № 8. С. 64–73.
8. Жукова Т. Н. Маркетинг персонала как инструмент построения клиентоориентированной организации // Дискурс. 2019. Т. 5. № 1. С. 49–54.
9. Гурю менеджмента. Карл Роджерс // Управление персоналом. 2008. № 2. URL : <https://www.top-personal.ru> (дата обращения 01.12.24).
10. Что такое конгруэнтность и как ее развить. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/social/6240d5ad9a7947a717a3db6a?ysclid=m53idwm2cw282716905> (дата обращения 10.12.24).
11. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.
12. Как прозрачность бизнеса делает команду эффективнее. URL : <https://weeek.net/ru/blog/prozrachnost-biznesa-dlya-sotrudnikov> (дата обращения 10.12.24).
13. Доверие, инструменты и командная работа: чего хотят работники. URL : <https://slack.com/blog/transformation/trust-tools-and-teamwork-what-workers-want> (дата обращения 11.12.24).
14. Индекс человекоцентричности компаний. Концепция человекоцентричности // Human Centricity Index. URL : <https://research.rosatomimpact.com/#/concept> (дата обращения: 03.12.2024).
15. Индекс человекоцентричности компаний // АНО «Корпоративная Академия Росатома». URL : <https://rosatom-academy.ru/media/research/chelovekocentrchnost/index-chelovekocentrchnosti> (дата обращения 03.12.2024).

References:

1. Gaidenko P.L. The problem of bureaucracy in Max Weber / P.L. Gaidenko, Yu.L. Davydov // Questions of Philosophy. 1991. № 3. P. 174–182.
2. Merton R. Social theory and social structure. M. : AST : Guardian, 2006. 873 p.
3. Igumnov O.A. Socially-oriented management of an organization in the context of methodological individualism: the problem of overcoming limitations // Trends and problems in the development of modern science : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, May 15, 2023. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science». 2023. P. 352–360.

4. Tian Ya.V. The essence and implementation of a human-centered marketing strategy / Ya.V. Tian, I.V. Rozhkov // Practical marketing. 2024. № 12(330). P. 25–28.
5. What is Human-centered design. URL : <https://bangbangeducation.ru/point/ux-ui-dizain/chto-takoe-hcd> (date of application 01.12.24).
6. Neganova V.P. On the essence of relationship marketing // USUE News. 2012. № 2(40). P. 110–117.
7. Steblyakova L.P. Relationship marketing: theory and practice development / L.P. Steblyakova, E.A. Vechkinzova, E.V. Krasnov // Bulletin of the University. 2023. № 8. P. 64–73.
8. Zhukova T.N. Personnel marketing as a tool for building a customer-oriented organization // Discourse. 2019. Vol. 5. № 1. P. 49–54.
9. The guru of management. Carl Rogers // Personnel Management. 2008. № 2. URL : <https://www.top-personal.ru> (date of application 01.12.24).
10. What is congruence and how to develop it. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/social/6240d5ad9a7947a717a3db6a?ysclid=m53idwm2cw282716905> (date of application 10.12.24).
11. Barsukova S.Y. Reciprocal interactions. Essence, functions, specifics // Sociological research. 2004. № 9. P. 20–29.
12. How business transparency makes a team more efficient. URL : <https://weeek.net/ru/blog/prozrachnost-biznesa-dlya-sotrudnikov> (date of application 10.12.24).
13. Trust, tools, and teamwork: what employees want. URL : <https://slack.com/blog/transformation/trust-tools-and-teamwork-what-workers-want> (date of application 11.12.24).
14. The human-centricity index of companies. The concept of human centricity // Human Centricity Index. URL : <https://research.rosatomimpact.com/#/concept> (date of application 03.12.2024).
15. Index of human-centricity of companies // ANO «Rosatom Corporate Academy». URL : <https://rosatom-academy.ru/media/research/chelovekocentrichnost/index-chelovekocentrichnosti/> (date of application 03.12.2024).

Информация об авторах

Калашникова Ирина Владимировна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Irina V. Kalashnikova

Doctor of Economics,
Professor,
Professor at the Higher School of Management
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID 0000-0003-4950-5862
006013@togudv.ru

Несмеянов Денис Вячеславович

аспирант,
преподаватель Высшей школы менеджмента
Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
ORCID 0009-0002-5750-0009
013319@togudv.ru

Denis V. Nesmeyanov

Graduate Student,
Lecturer at the Higher School of Management
Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
ORCID 0009-0002-5750-0009
013319@togudv.ru

Акимов Денис Владимирович

аспирант,
генеральный директор ООО «НИКА»,
г. Хабаровск
ORCID 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

Denis V. Akimov

Graduate Student,
General Director of NIKA LLC,
Khabarovsk
ORCID 0009-0007-8747-0978
akimovdenisvladimirovich@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 04.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.02.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-5>
УДК 640.4

Attribution
cc by

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Лаврова А.П.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Аннотация. В современных условиях развитие внутреннего и въездного туризма и гостеприимства является одним из приоритетных направлений государственной политики страны. В эпоху стремительной цифровизации всей общественной жизни, деятельность гостиниц сталкивается с вызовами и новыми тенденциями, такими как необходимость внедрения инновационных технологий, изменения в потребительских предпочтениях и рост значимости онлайн-репутации. В данной статье автором проведен анализ современного состояния гостиничного сектора в России, представлены ключевые факторы, ограничивающие деятельность организаций в сфере услуг, обозначены передовые технологии в развитии гостиничного бизнеса для повышения уровня комфорта пребывания гостей. Отмечено, что гостиничные предприятия обязаны адаптироваться к динамично меняющимся условиям рынка, предвосхищать потребности и желания клиентов, уделять внимание развитию персонала. Все эти меры способствуют повышению конкурентоспособности и эффективности гостиничных услуг.

Ключевые слова: услуга, сервис, средство размещения, гостиница, потребности, деловой климат, конкурентоспособность, технология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

MAIN DEVELOPMENT TRENDS IN THE HOTEL BUSINESS

Alevtina P. Lavrova

Saint-Petersburg State Agrarian University

Abstract. In modern conditions, the development of domestic and inbound tourism and hospitality is one of the priorities of the country's state policy. In the era of rapid digitalization of the entire public life, the activities of hotels are facing challenges and new trends, such as the need to introduce innovative technologies, changes in consumer preferences and the growing importance of online reputation. In this article, the author analyzes the current state of the hotel sector in Russia, presents the key factors limiting the activities of organizations in the service sector, identifies advanced technologies in the development of the hotel business to increase the comfort level of guests. It was noted that hotel companies are obliged to adapt to dynamically changing market conditions, anticipate the needs and desires of customers, and pay attention to staff development. All these measures contribute to improving the competitiveness and efficiency of hotel services.

Keywords: service, accommodation, hotel, needs, business climate, competitiveness, technology.

Funding: Independent work.

Введение.

Индустрия гостеприимства включает в себя виды деятельности, каждый из которых связан с обслуживанием людей, находящихся вне дома — это, в основном, предприятия средств размещения и общественного питания, транспортного и культурно-развлекательного секторов. На сегодняшний день данная сфера обладает большими возможностями для успешной деятельности.

Для создания конкурентных преимуществ предприятиям необходимо идти в ногу со временем и

стремиться максимально соответствовать запросам потребителей, не забывая про основной принцип гостеприимства: «Клиент всегда прав». С целью наибольшего удовлетворения потребностей клиентов, компаниям следует постоянно совершенствовать свои стратегии обслуживания, адаптируясь к меняющимся условиям рынка и реагируя на новые вызовы. Современные гости ожидают от посещения заведений не только высокого качества предоставляемых услуг и соответствия установленным стандартам обслуживания, но и эмоциональную составляющую сервисного процесса. Сложившаяся ситуация ставит

перед руководителями предприятий новые задачи, и актуальной становится выработка, принятие и реализация грамотных решений по повышению эффективности бизнеса и поддержанию конкурентоспособности.

Целью настоящей статьи является анализ показателей развития гостиничной деятельности в России и выявление ключевых тенденций и перспективных направлений в гостиничном сервисе. В ходе исследования были применены как эмпирические, так и теоретические методы научного познания.

Обсуждение. Результаты.

В широком смысле, термин «сервис» (англ. service – служба) означает обслуживание населения в различных сферах повседневной жизни. Сервис можно представить, как вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение определенных нужд и потребностей клиентов путем оказания услуг. Качественные товары и услуги играют важную роль в современной экономике и обществе в целом. Товар – это материальный предмет, продукт труда, произведенный для обмена или продажи. Под услугой понимают полезную деятельность, не создающую материальных ценностей. Она потребляется непосредственно в момент производства, и на неё нельзя получить права собственности. Услуга обладает специфическими свойствами, такими как: неосвязаемость, неотделимость от источника, несохраняемость (невозможность хранения), непостоянство качества (изменчивость). Качество услуги является важнейшей составляющей культуры обслуживания и во многом зависит от характера взаимодействия работника сервиса и потребителя, от уровня профессиональной подготовки персонала, его личностных особенностей.

Гостиничные услуги рассматриваются как комплекс услуг по предоставлению физическим лицам мест для временного проживания в гостинице и иных услуг, предусмотренных Правилами предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 (ред. от 27.12.2024) [1]. В настоящее время перечень дополнительных услуг достаточно разнообразен и включает в себя питание, доставку еды и напитков в номер, доступ в спа-салон и фитнес-центр, услуги прачечной и химчистки, организацию экскурсий и т.д.

При формировании официальной статистической информации услуги гостиниц учитываются в составе платных услуг, оказанных населению России. В 2023 году удельный вес гостиничных услуг в этой структуре составил 2,8 %, а наибольшая доля приходилась на следующие виды услуг: транспортные – 19,5 %, коммунальные – 19,0 %, бытовые – 11,5 %, телекоммуникационные – 10,5 %, медицинские – 9,3 %, жилищные – 6,6 % [2].

В нашей стране, в соответствии с Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ, под гостиницей понимают тип средства размещения, в котором предоставляются гостиничные услуги и который соответствует требованиям, установленным Положением о классификации средств размещения, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2024 № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения» [3; 4]. Реформа в сфере классификации средств размещения призвана создать равные условия для всех участников рынка и повысить доверие потребителей к качеству средств размещения.

Под средством размещения понимается имущественный комплекс, включающий в себя здание (часть здания) или строение, сооружение, помещение, участок земли, оборудование и иное имущество и используемый для временного размещения и обеспечения временного проживания физических лиц.

Средства размещения, подлежащие классификации, относятся к следующим типам:

- а) гостиницы;
- б) санатории;
- в) базы отдыха;
- г) кемпинги.

К гостиницам принадлежат отели (городские, загородные, курортные и другие), мотели, ботели, апарт-отели, хостелы, пансионаты и иные аналогичные средства размещения, в том числе модульные некапитальные средства размещения. Для целей присвоения определенной категории средства размещения в России оцениваются по системе «звезды», в основе которой предусмотрено пять категорий: от одной до пяти звезд. Высшей категорией является категория «пять звезд», низшей – «одна звезда» [4].

В связи с обострением внешнеполитической обстановки, часть зарубежных гостиничных сетей покинула российский рынок либо приостановила свою деятельность, либо перешла под управление российских компаний. Однако такие перемены открывают большие возможности для активизации и развития внутреннего и въездного туризма. Также, начиная с 2025 года идет реализация обновленного национального проекта «Туризм и гостеприимство», в рамках которого предусмотрены эффективные меры государственной поддержки по дальнейшему укреплению и развитию гостиничного бизнеса.

Рассмотрим показатели деятельности гостиниц и аналогичных средств размещения, которые указываются в коллективных средствах размещения, наряду с деятельностью санаторно-курортных организаций, организаций отдыха и других специализированных средств размещения (табл. 1).

Таблица 1

Отдельные показатели деятельности коллективных средств размещения в России

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2020 г., в %
Число коллективных средств размещения – всего	27328	28979	29547	31488	115,2
– в том числе: гостиницы и аналогичные средства размещения	20410	21575	21981	23454	114,9
Число мест в коллективных средствах размещения – всего, тыс.	2473,0	2634,4	2760,1	2997,9	121,2
– в том числе: гостиницы и аналогичные средства размещения	1361,7	1486,6	1592,6	1799	132,1
Число номеров в коллективных средствах размещения – всего, тыс.	977,4	1027	1058,7	1117,4	114,3
– в том числе: гостиницы и аналогичные средства размещения	582,9	619,9	649,6	704,7	120,9
Число ночевоч в коллективных средствах размещения – всего, млн	191,2	275,6	318,5	358	187,2
– в том числе: гостиницы и аналогичные средства размещения	122,0	167,4	196,9	230,5	188,9

Источник: Росстат [2].

Число гостиниц и аналогичных средств размещения в России в 2023 г. по сравнению с 2020 г. увеличилось на 14,9 % и составило 23454 единиц. Их вместимость за рассматриваемый период повысилась с 1361,7 тыс. в 2020 г. до 1799 тыс. мест в 2023 г.; то есть, темп роста составил 132,1 %. Число номеров также имеет тенденцию к увеличению: если в 2020 г. их насчитывалось

582,9 тыс., то в 2023 г. – 704,7 тыс. Число предоставленных ночевоч гражданам в гостиницах также выросло: с 122 млн в 2020 г. до 230,5 млн в 2023 г.; то есть, в 1,9 раза.

Динамика численности лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, приведена в таблице 2.

Таблица 2

Численность лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения в России, тыс. чел.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. к 2020 г., в %
Численность размещенных лиц – всего	38309,9	52771,9	57646,7	66167,7	172,7
в том числе:					
– граждан России	36202,5	49935,1	55008,5	62280,4	172,0
– из них детей	2445,1	3846,2	5178,6	5982,0	244,6
– граждан стран СНГ	1140,2	1904,5	1905,7	2414,8	211,8
– граждан других стран (кроме стран СНГ)	967,2	932,3	732,5	1472,5	152,2

Источник: Росстат [2].

Численность лиц, размещенных в гостиницах и аналогичных средствах размещения, ежегодно увеличивается: с 38309,9 тыс. чел. в 2020 г. до 66167,7 тыс. чел. в 2023 г.; соответственно, темп роста составил 172,7 %. В 2023 г. наибольший удельный вес размещенных лиц составили граждане России, на долю которых приходилось 94 %, а на долю граждан СНГ – 3,6 %, граждан других стран – 2,4 %.

Для выявления мнений руководителей организаций, оказывающих услуги, о текущем положении дел и динамике развития своих структур, а также о прогнозах на ближайшее время, Федеральная служба государственной статистики России проводит ежеквартальные выборочные опросы. Обобщение результатов обследования позволяет сформировать рейтинг ключевых факторов, препятствующих развитию предприятий. Так, в 4 квартале 2024 г. к числу важнейших из них респонденты отнесли: неопределенность экономи-

ческой ситуации в стране, высокий уровень налогообложения, недостаточную обеспеченность финансовыми средствами, недостаточный спрос на данный вид услуг, дефицит квалифицированного персонала и высокий процент по коммерческому кредиту (рис. 1).

Примечательно, что в 4 квартале 2024 г. по сравнению с 4 кварталом 2020 г. на 16 п.п. снизился такой фактор, как «недостаточный спрос на услугу», на 9 п.п. – «недостаток финансовых средств», на 3 п.п. – «недобросовестная конкуренция». Однако в анализируемый период на 18 п.п. вырос такой фактор, как «недостаток квалифицированного персонала», на 13 п.п. – «высокий процент коммерческого кредита». Следует подчеркнуть, что указанные факторы не только ограничивают деятельность организаций в сфере услуг, но и влияют на уровень предпринимательской уверенности.

В соответствии с данными Росстата, индекс предпринимательской уверенности в сфере гостиничных услуг за рассматриваемый период находится в зоне отрицательных значений. Однако можно констатировать, что за 4 квартал 2024 г. данный показатель увеличился по срав-

нению с 4 кварталом 2020 г., что свидетельствует о постепенном улучшении делового настроения респондентов. Между тем, судя по результатам опроса, ситуация в сфере гостиничных услуг выглядит хуже, чем в сфере услуг в целом (рис. 2).

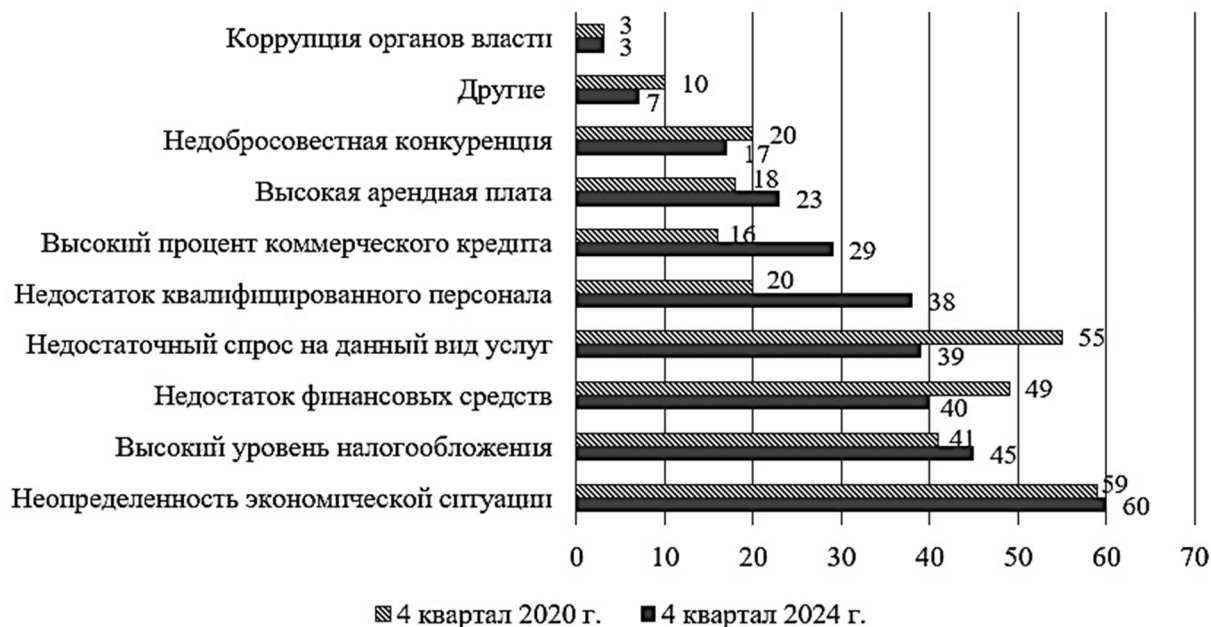

Рисунок 1 – Факторы, ограничивающие деятельность организаций сферы услуг в России (доля от общего числа обследованных организаций, в %).
[Составлено автором по данным Росстата]

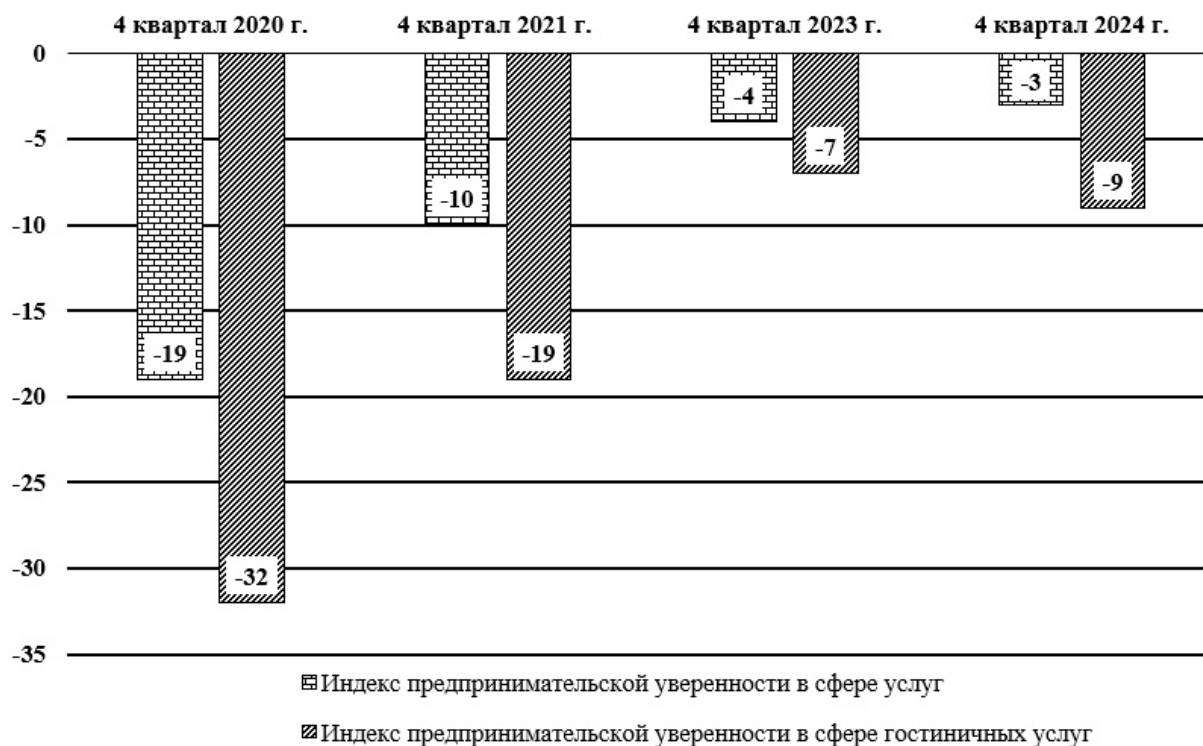

Рисунок 2 – Индексы предпринимательской уверенности в сфере услуг в России.
[Составлено автором по данным Росстата]

На основании вышеизложенного можно утверждать, что актуальным вопросом остается грамотное выстраивание стратегии развития бизнеса с учетом меняющихся условий рынка, появления новых технологий и изменений в потребительском поведении.

Рассмотрим основные направления совершенствования деятельности предприятий гостиничного бизнеса [5–11]:

1. Активное развитие *bleisure*-туризма (англ. *business* и *leisure* – дело и досуг), представляющего собой концепцию сочетания деловой активности с отдыхом, а также *workation* (англ. *work* и *vacation* – работа и отпуск) – профессиональная деятельность из места отдыха в течение определенного времени. Многие отели адаптируются к этим потребностям, предлагая специальные услуги и удобства для таких категорий клиентов.

2. Гости все чаще задумываются о ментальном и физическом здоровье и ищут отели, предлагающие *wellness*-программы (англ. *wellness* – хорошее здоровье), которые сочетают SPA-услуги, сбалансированное питание, фитнес и качественный сон.

3. Социальные сети выступают динамично развивающимся инструментом для продвижения гостиничных услуг. Грамотное их ведение позволяет владельцам отелей повышать эффективность охвата целевой аудитории, поддерживать положительную репутацию бренда, собирать обратную связь от клиентов и отслеживать деятельность конкурентов.

4. Предпочтения в области цифровых коммуникаций стали неотъемлемой частью индустрии гостеприимства. Во время пандемии, например, внедрение бесконтактных технологий было своего рода необходимостью для более безопасного и гигиеничного отдыха и ускорило эту тенденцию. В настоящее время они открывают уникальные возможности по-новому общаться с клиентами, создавать комфортную и безопасную среду, оптимизировать рабочий процесс. Такие технологии, как регистрация заезда/выезда гостей посредством смартфонов или киосков самообслуживания, цифровые ключи от номеров через мобильные приложения, услуги виртуального консьержа, внедрение роботов для доставки багажа, использование техники распознавания лиц для повышения безопасности и дальнейшего развития систем искусственного интеллекта, безусловно, улучшают удобство для гостей, позволяя им не связываться с персоналом напрямую.

Внедрение инновационных технологий необходимо для создания запоминающегося опыта для клиента, ведущего к росту уровня удовлетворенности.

5. Каждый гость уникален, поэтому важно обеспечить индивидуальный подход, начиная с этапа бронирования и заканчивая отзывами после проживания. Формирование индивидуального предложения позволяет не только учитывать предпочтения и интересы клиента, но и экономить время, упрощая процесс принятия решений. Для эффективной персонализации необходимы детальные сведения, надежные технологии хранения данных и общее представление о каналах продаж конечным клиентам.

6. Конкурентное преимущество получают гостиничные предприятия с «впечатляющим сервисом», работающие с эмоциями гостя. Термин «эмоциональное обслуживание» ввела социолог А. Хохшильд, которая утверждала, что при возрастающей конкуренции в сфере услуг работодатели стали требовать от сотрудников, помимо умственных и физических усилий, еще и эмоциональные. Тем, кто работает с клиентами, приходится обеспечивать ощущение им счастья, в том числе за счёт подавления собственных чувств и желаний и сохраняя спокойствие в любой ситуации. При таком уровне обслуживания незначительные недочеты в работе можно сглаживать проявлением эмпатии, высоким уровнем заботы о каждом посетителе и вниманием к деталям. Однако для успешного внедрения концепции незабываемого впечатления сервиса необходимо тщательно продумать стратегию по обслуживанию и организовать соответствующее обучение персонала. Важную роль в этом процессе играют сотрудники, обладающие открытостью, дружелюбием, и проявляющие искренний интерес к гостям.

7. Руководство гостиничного заведения должно поддерживать здоровую и позитивную рабочую среду и стимулировать сотрудников к постоянному развитию и совершенствованию своих навыков и умений. Методы обучения персонала в гостиничном бизнесе включают как традиционные, так и современные подходы: тренинги на рабочем месте, различные семинары, мастер-классы, онлайн-курсы и т.д. Важным способом является использование такого технологического решения, как виртуальная реальность (VR), которое позволяет сделать корпоративное обучение более адаптивным и менее затратным.

Заключение.

Таким образом, для обеспечения устойчивого развития бизнеса гостиницам необходимо инвестировать средства в комфорт гостей, соблюдать все меры безопасности, активно взаимодействовать с клиентами через социальные сети, внедрять инновационные технологии, предлагать уникальные впечатления, уделять особое внимание развитию персонала и т.п. В конечном итоге, способность адаптироваться, интегрировать передовые технологии и практики, а также ориентация на гостя становятся ключевыми факторами для успеха в конкурентной среде.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1853 (ред. от 27.12.2024) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru>
3. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462
4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1951 «Об утверждении Положения о классификации средств размещения». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495340
5. Тренды 2025 в индустрии гостеприимства. URL : <https://dominagroup.ru/blog/trendy-2025-v-industrii-gostepriimstva/>
6. Современные тенденции развития гостиничного бизнеса / Н.П. Зацепилина [и др.] // Лизинг. 2025. № 1.
7. Беломестнова М.Е. Инновационные подходы к продвижению гостиничных услуг / М.Е. Беломестнова, В.И. Шариков // Гостиничное дело. 2022. № 2. С. 90–104.
8. Духовная Л.Л. WOW-сервис в гостиничном бизнесе: как найти путь к сердцу гостя / Л.Л. Духовная, Е.В. Логвина, С.В. Чимириш // Сервис в России и за рубежом. 2023. № 1(103). С. 168–179.
9. Кевлов А.И. Инновации и технологии в сфере гостиничного бизнеса / А.И. Кевлов // Интеллектуальный потенциал молодых ученых как драйвер развития АПК: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и обучающихся, Санкт-Петербург – Пушкин, 15–17 марта 2023 года. СПб. : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2023. С. 678–681.
10. Тренды в гостиничном бизнесе 2024. URL : <https://www.librahospitality.com/company/news/trendy-v-gostinichnom-biznese-2024/>
11. Lavrova A.P. Die Besonderheiten der Entwicklung der hoteltätigkeit in Russland // Проблемы научной мысли. 2021. Vol. 10. № 1. P. 3–9.

References:

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/18/2020 № 1853 (as amended on 12/27/2024) «On Approval of the Rules for the provision of hotel services in the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368292
2. Federal Law № 132-FZ «On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation» dated 11/24/1996. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2024 № 1951 «On approval of the Regulations on the classification of accommodation facilities». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495340
4. The official website of the Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru>
5. Trends of 2025 in the hospitality industry. URL : <https://dominagroup.ru/blog/trendy-2025-v-industrii-gostepriimstva>
6. Modern trends in the development of the hotel business / N.P. Zatsepilina [et al.] // Leasing. 2025. № 1.
7. Belomestnova M.E. Innovative approaches to the promotion of hotel services / M.E. Belomestnova, V.I. Sharikov // Hotel business. 2022. № 2. P. 90–104.
8. Dukhovnaya L.L. WOW-service in the hotel business: how to find the way to the guest's heart / L.L. Dukhovnaya, E.V. Logvina, S.V. Chimiris // Service in Russia and abroad. 2023. № 1(103). P. 168–179.
9. Kevlov, A.I. Innovations and technologies in the field of hotel business // Intellectual potential of young scientists as a driver of agricultural development: Proceedings of the international scientific and practical conference of young scientists and students, St. Petersburg – Pushkin, March 15–17, 2023. SPb. : Saint Petersburg State Agrarian University, 2023. P. 678–681.
10. Trends in the hotel business 2024. URL : <https://www.librahospitality.com/company/news/trendy-v-gostinichnom-biznese-2024>
11. Lavrova A.P. Die Besonderheiten der Entwicklung der hoteltätigkeit in Russland // Проблемы научной мысли. 2021. Vol. 10. № 1. P. 3–9.

Информация об авторе

Лаврова Алевтина Петровна

кандидат экономических наук,
кафедра технологий управления и сервиса,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет
alevtina-lavrova@mail.ru

Alevtina P. Lavrova

Candidate of Economic Sciences,
Department of Management
and Service Technologies
Saint-Petersburg State Agrarian University
alevtina-lavrova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-22>

УДК 332

Attribution

cc by

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СМЕРТНОСТИ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Лобанов Д.В.

Оренбургский государственный университет

Аннотация. В статье проводится анализ динамики смертности и заболеваемости населения Оренбургской области в 2015–2023 годах. Исследование подчеркивает фундаментальное значение этих показателей как индикаторов общественного здоровья и эффективности системы здравоохранения. Выявлены основные тенденции: общий рост заболеваемости, особенно в 2021–2022 гг., обусловленный пандемией COVID-19, при которой отмечался резкий всплеск респираторных заболеваний и обострение хронических болезней. Смертность достигла максимума в 2021 году, но в 2022 году существенно снизилась благодаря стабилизации эпидемиологической ситуации и адаптации системы здравоохранения.

В статье отмечены различия в уровне смертности между городской и сельской местностью, что связано с более ограниченным доступом к качественной медицинской помощи в сельской местности. Анализ демонстрирует необходимость усиления профилактических мероприятий, модернизации первичного звена здравоохранения и снижения региональных диспропорций, что особенно важно для улучшения здоровья и качества жизни населения.

Ключевые слова: смертность, заболеваемость, Оренбургская область, пандемия COVID-19, сельская местность, система здравоохранения, общественное здоровье, профилактика заболеваний.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF MORTALITY AND MORBIDITY IN ORENBURG REGION

Dmitry V. Lobanov

Orenburg State University

Abstract. The article analyzes the dynamics of mortality and morbidity of the population of the Orenburg region in 2015–2023. The study highlights the fundamental importance of these indicators as indicators of public health and the effectiveness of the healthcare system. The main trends have been identified: a general increase in morbidity, especially in 2021–2022, due to the COVID-19 pandemic, which saw a sharp spike in respiratory diseases and an exacerbation of chronic diseases. Mortality peaked in 2021, but decreased significantly in 2022 due to the stabilization of the epidemiological situation and the adaptation of the healthcare system.

The article notes differences in mortality rates between urban and rural areas, which is associated with more limited access to quality medical care in rural areas. The analysis demonstrates the need to strengthen preventive measures, modernize primary health care and reduce regional disparities, which is especially important for improving the health and quality of life of the population.

Keywords: mortality, morbidity, Orenburg Oblast, COVID-19 pandemic, rural areas, health care system, public health, disease prevention.

Funding: Independent work.

Введение.

Смертность и заболеваемость населения - два фундаментальных показателя, которые играют важнейшую роль в оценке состояния общественного здоровья и эффективности системы здравоохранения. Данные показатели предоставляют всестороннюю информацию о том,

насколько успешно общество справляется с вызовами, связанными с поддержанием и улучшением здоровья, а также о том, как организована медицинская помощь и профилактика заболеваний.

Смертность, как ключевой индикатор, предоставляет важную информацию о качестве жизни

© Лобанов Д.В.

в стране или отдельном её регионе. Высокий уровень смертности, чаще всего, связан с плохими социально-экономическими условиями, недостаточным доступом к качественным медицинским услугам, неблагоприятными экологическими условиями, несбалансированным питанием и возрастным составом населения. Например, в регионах с ограниченным доступом к чистой питьевой воде и медицинской инфраструктуре уровень детской смертности значительно выше среднего. Этот показатель также демонстрирует состояние системы здравоохранения: от доступности медицинской помощи до эффективности профилактики, диагностики и лечения заболеваний.

Резкий рост смертности, вызванный пандемиями, природными катастрофами, отражает глубокие общественные кризисы. К примеру, пандемия COVID-19 в 2020–2021 годах значительно увеличила уровень смертности в большинстве стран мира, выявив недостатки в системах здравоохранения, а также подчеркнув важность координации на международном уровне [1].

Заболеваемость играет не менее важную роль, так как:

1) помогает выявить эффективность профилактики — рост заболеваемости может свидетельствовать о недостаточности профилактических мероприятий, таких как скрининги, вакцинация, санитарное просвещение, пропаганда здорового образа жизни, диспансеризация и диспансерное наблюдение, тогда как снижение заболеваемости, напротив, часто связано с успешной профилактической работой;

2) обеспечивает планирование ресурсов - увеличение числа случаев заболеваний приводит к росту нагрузки на медицинские учреждения, требуя адекватного финансирования, подготовки кадров и наличия необходимых лекарственных средств и медицинского оборудования [2].

То есть, можно говорить о том, что смертность и заболеваемость населения представляют собой важнейшие индикаторы, которые дают комплексное представление о состоянии здоровья общества и о состоянии системы здравоохранения. Эти показатели также важны для стратегического планирования и принятия решений в области здравоохранения. Они позволяют оценить эффективность уже реализованных программ, таких как вакцинация, санитарное просвещение или улучшение качества воды и воздуха. Кроме того, данные о смертности и заболеваемости служат основой для международных сравнений, что даёт возможность учитывать успешные практики других стран и внедрять их на национальном уровне. Также, мониторинг смертности и заболеваемости является ключевым элементом в разработке политики, направленной на сохранение и улучшение здоровья населения. Своевременный анализ этих данных помогает повысить эффективность системы здравоохранения, адаптировать их к текущим вызовам и обеспечивать население качественной и доступной медицинской помощью.

Обсуждение.

Проведем анализ смертности и заболеваемости в Оренбургской области в 2015–2023 годы (табл. 1).

Таблица 1

Смертность и заболеваемость в Оренбургской области в 2015–2023 годы [3]

Показатели	Годы								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Первичная заболеваемость, человек	1556394	1579628	1519534	1657986	1517006	1438690	1632708	1710357	1714986
Первичная заболеваемость на 1000 человек населения	857	792,9	766	841,5	774	737,8	844,3	925,2	934,6
Общая заболеваемость всего населения, человек	3628421	3705496	3425547	3416888	3321740	3102747	3295236	3339436	3847490
Общая заболеваемость на 1000 человек населения	1844,4	1895,7	1766,1	1779,5	1744,5	1642,6	1764,5	1806,5	2089,5
Все население									
Число умерших	28044	26900	26376	26188	25575	31807	36423	25554	25143
Число умерших на 1000 человек населения	14	13,5	13,3	13,3	13	16,3	18,8	13,8	13,7
В городской местности									
Число умерших	16199	15531	15114	15229	14942	18855	21682	14843	14500
Число умерших на 1000 человек населения	13,5	13	12,7	12,8	12,6	15,9	18,4	13,4	13,2
В сельской местности									
Число умерших	11845	11369	11262	10959	10633	12952	14741	10711	10643
Число умерших на 1000 человек населения	14,8	14,3	14,2	14	13,7	16,9	19,5	14,4	14,5

Анализ данных о смертности и заболеваемости в Оренбургской области за 2015–2023 гг. показывает следующие ключевые тенденции:

1. Первичная заболеваемость: первичная заболеваемость в Оренбургской области демонстрировала изменение как в большую, так и в меньшую сторону. Наиболее низкое количество зарегистрированных пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом наблюдалось в 2020 г. (1438690 человек), тогда как в 2023 г. этот показатель достиг максимума – 1714986 человек. В целом за анализируемый период времени первичная заболеваемость увеличилась на 10,1 % по сравнению с 2015 годом. Показатели первичной заболеваемости на 1000 человек варьировались от 737,8 – минимальное значение (2020 г.) до 934,6 – максимальное значение (2023 г.). С 2015 г. по 2023 г. наблюдался рост первичной заболеваемости на 1000 человек населения на 9,1 %.

2. Общая заболеваемость: в 2023 г. общая зарегистрированная заболеваемость всего населения составила 3847490 человек, что выше уровня 2015 года (3628421) на 6,0 %. Самый низкий показатель зафиксирован в 2020 г. (3102747 зарегистрированных больных). Рассматривая показатели общей заболеваемости на 1000 человек, можно сделать вывод о том, что минимальное значение было зафиксировано в 2020 г. (1642,6), максимальное – в 2023 г. (2089,5), а с целом 2015 г. общая заболеваемость на 1000 человек населения выросла на 13,3 %.

3. Число умерших (все население): смертность увеличивалась вплоть до 2021 г., когда было зарегистрировано 36423 случаев смерти, однако, уже в 2022 г. наблюдается значительное снижение до 25554 умерших. В 2023 г. число умерших на 10,4 % меньше, чем в 2015 г., а если значение 2023 г. сравнить с пиком смертности в 2021 г., то смертность вовсе сократилась на 31,0%. Показатели смертности на 1000 человек населения следуют той же тенденции, что и абсолютные показатели. В 2021 г. этот показатель достиг значения 18,8, что стало максимумом за исследуемый период, но к 2023 г. он снизился до 13,7, что лучше значения 2015 г. на 0,3.

4. Число умерших (городская местность): в 2021 г. в городах был зафиксирован максимум в 21682 умерших за весь исследуемый период времени, но уже в 2022 г. этот показатель снизился до 14843, что на 31,5 % ниже по сравнению с пиком 2021 г. Значение 2023 года на 10,5 % меньше значения 2015 г. Показатели смертности на 1000 человек населения также значительно сократились с 18,4 в 2021 г. до 13,4 в 2022 г. Также важно отметить, что значение 2023 г. ниже значения 2015 г. на 0,3.

5. Число умерших (сельская местность): в сельской местности смертность также достигла пика в 2021 г. – 14741 человек, после чего в 2022 г. снизилась на 27,4 % до 10711. Минимальное значение было зафиксировано в 2023 г. и составило 10643 умерших, что на 10,2 % меньше чем

число умерших в 2015 г. Смертность на 1000 человек в сельской местности упала с 19,5 в 2021 г. (максимальное значение) до 14,4 в 2022 г. (минимальное значение) – снижение на 26,2 %. С 2015 г. число умерших на 1000 человек населения в сельской местности уменьшилось на 0,3 или на 2,1 %.

Результаты.

Во-первых, наблюдается увеличение заболеваемости, в частности, на 1000 человек населения, особенно в 2021–2023 гг., данный взрывной рост связан по большей части с последствиями пандемии COVID-19, которая привела как к всплеску респираторных заболеваний и обострению хронических болезней, так и к приостановке профилактических осмотров в медучреждениях (во время пандемии медучреждения испытывали значительную нагрузку из-за потока больных коронавирусом, а приостановка профилактических мероприятий позволила уменьшить нагрузку на медицинский персонал и сократить количество посещений, чтобы сосредоточиться на лечении пациентов в неотложных состояниях).

Во-вторых, существенный рост смертности в 2020–2021 гг. также явно связан с пандемией. Максимальное количество смертей приходится на 2021 г., когда система здравоохранения была сильнее всего перегружена.

В-третьих, показатели смертности в 2022–2023 гг. значительно снизились по сравнению с предыдущими годами, что было связано с выходом из кризисной фазы пандемии (окончанием пиковых волн пандемии) и общей адаптацией системы здравоохранения к борьбе с COVID-19, а также с различными мерами по улучшению медицинской системы и массовой вакцинацией населения.

В-четвертых, в сельской местности показатели смертности на 1000 человек значительно выше, чем в городской местности в течение всего рассматриваемого периода. Это говорит о том, что в сельской местности более сложные условия доступа к медицинской помощи и проблемы с получением качественной и высококвалифицированной медицинской помощи, а также - о наличии других социальных факторов, влияющих на смертность [4].

Кроме того, важно отметить, что динамика смертности и заболеваемости не обусловлена исключительно пандемией COVID-19. Хотя пандемия оказала значительное влияние на показатели смертности в 2020–2021 гг., это влияние носит временный характер и не объясняет абсолютно все изменения в динамике с 2015 года по 2023 год.

К основным факторам, которые оказывают наиболее негативное влияние на смертность и заболеваемость в Оренбургской области (что по большому счету свойственно и большинству субъектов РФ) можно отнести:

1. Экологическую ситуацию. В промышленных районах региона наблюдается загрязнение воздуха и воды, что увеличивает риск заболеваний дыхательной и сердечно-сосудистой систем.

2. Инфраструктурные ограничения. В сельской местности недостаточное количество медицинских учреждений и низкая транспортная доступность ограничивают своевременное лечение.

3. Социально-демографические особенности. Отток молодежи из сельских районов приводит к старению местного населения, что повышает нагрузку на медицинскую систему и усугубляет диспропорции в уровне смертности.

Эти факторы, в совокупности с последствиями пандемии, создают неоднородную картину смертности, характеризующуюся значительными региональными различиями. Например, в городской местности смертность на 1000 человек населения ниже благодаря лучшему доступу к специализированной медицинской помощи и внедрению современных медицинских технологий. В сельской местности, напротив, высокие показатели смертности связаны с ограничениями в инфраструктуре и низким уровнем санитарной грамотности.

Если говорить про заболеваемость и смертность в доковидный период времени (с 2015 года по 2019 год), то важным фактором снижения смертности и заболеваемости большую часть времени в Оренбургской области в этот период времени стала целенаправленная борьба с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями (далее - ССЗ), на которые приходятся основные причины смертности в регионе. С 2019 года в

регионе активно реализуются две основные программы ранней диагностики и лечения этих заболеваний, включая:

1. Внедрение современных технологий скрининга, таких как маммография и УЗИ, что позволяет выявлять онкологические заболевания на ранних стадиях.

2. Развитие сети специализированных центров по борьбе с онкологическими и ССЗ, что увеличивает доступность высокотехнологичной медицинской помощи для жителей области.

3. Меры профилактики, включая массовые кампании по информированию населения о факторах риска онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, таких как неправильное питание, низкая физическая активность, курение и злоупотребление алкоголем и т.д. [5, 6].

Эти усилия привели к снижению смертности от ССЗ и онкологических заболеваний, которые являются одними из ведущих причин смертей в регионе. Одновременно улучшилась доступность экстренной помощи, особенно в городских районах, что также внесло вклад в общее улучшение показателей.

В Оренбургской области также ведется активная работа по совершенствованию реабилитационных программ для пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, что способствует снижению уровня инвалидности и повторных госпитализаций.

Динамика заболеваемости и смертности на 1000 человек населения в 2015–2023 гг. в Оренбургской области продемонстрирована на рисунке 1.

Рисунок 1 – Динамика заболеваемости и смертности на 1000 человек населения в 2015-2023 гг. в Оренбургской области

Заключение.

В Оренбургской области прослеживается тенденция роста заболеваемости и изменения уровня смертности, при этом максимальные показатели фиксировались в 2021 году. Существенное влияние на данные процессы оказала пандемия COVID-19, что выразилось в увеличении количества заболевших и летальных исходов в 2020–2021 годах. Однако уже в 2022 году, после преодоления критических волн пандемии, наблюдается положительная динамика, обусловленная принятыми мерами по стабилизации эпидемиологической обстановки, активной кампанией по вакцинации и адаптацией системы здравоохранения к новым вызовам.

Значительное различие отмечается в уровне смертности между городскими и сельскими территориями. В сельской местности данный показатель на 1000 человек значительно превышает городской уровень, что указывает на ограниченный доступ к медицинским услугам, нехватку ресурсов и слабую развитость инфраструктуры. В связи с этим особую важность приобретает усиление системы здравоохранения в сельских районах, включая расширение доступа к квалифицированной помощи, развитие телемедицины и проведение образовательных программ для местного населения.

Кроме того, пандемия выявила уязвимые места системы здравоохранения, среди которых недостаточная готовность к кризисам и перегрузка первичного звена здравоохранения. В связи с этим, приоритетным направлением становится не только увеличение финансирования и модернизация медицинской инфраструктуры, но и активное развитие профилактических мер – регулярных обследований, вакцинации и санитарно-просветительских мероприятий. Эти шаги позволят снизить уровень заболеваемости и повысить качество жизни населения.

В итоге, анализ показывает важность комплексного взаимодействия различных ведомств для устранения негативного влияния на здоровье населения социальных и экологических факторов. Улучшение жилищных условий, борьба с экологическими проблемами и повышение уровня образования населения являются ключевыми аспектами, которые помогут в снижении уровня смертности и заболеваемости.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что ключевыми направлениями повышения общественного здоровья и увеличения продолжительности жизни в Оренбургской области являются модернизация системы здравоохранения, акцент на профилактике заболеваний и сокращение диспропорций между регионами.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кононенко О.С. Статистическое исследование смертности населения в РФ // Форум молодых ученых. 2018. № 12-2(28). С. 1081–1086.
2. Агаркова О.А. Анализ заболеваемости населения Амурской области и её связь с медико-демографическими процессами / О.А. Агаркова, Л.Н. Войт // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2(204). С. 95–100.
3. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2023: Стат. сб. / Оренбургстат. О65 Оренбург, 2023. 464 с.
4. Иванов С.Ф. Смертность от COVID-19 на фоне других всплесков смертности XX века // Демографическое обозрение. 2020. № 7. С. 143–151.
5. Об утверждении региональной программы «Борьба с онкологическими заболеваниями» утв. Постановлением Правительства Оренбургской области от 12.03.2019 № 119-пп. URL : <https://base.garant.ru/45837806> (дата обращения 28.12.2024).
6. Об утверждении региональной программы «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» утв. Постановлением Правительства Оренбургской области от 12.03.2019 № 120-пп. URL : <https://base.garant.ru/45837814> (дата обращения 28.12.2024).

References:

1. Kononenkova O.S. Statistical study of population mortality in the Russian Federation // Forum of Young Scientists. 2018. № 12-2(28). С. 1081–1086.
2. Agarkova O.A. Analysis of morbidity in the population of the Amur region and its relationship with medical and demographic processes / O.A. Agarkova, L.N. Voit // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2017. № 2(204). С. 95–100.

3. Statistical Yearbook of the Orenburg Oblast. 2023: Stat. sb. / Orenburgstat. O65 Orenburg, 2023. 464 с.
4. Ivanov S.F. COVID-19 mortality against the background of other mortality surges of the XX century // Demographic Review. 2020. № 7. С. 143–151.
5. On approval of the regional program «Fighting cancer diseases» approved by the Resolution of the Government of the Orenburg region from 12.03.2019 № 119-pp. URL : <https://base.garant.ru/45837806> (date of application 28.12.2024).
6. On approval of the regional program «Combating cardiovascular diseases» approved by the Resolution of the Government of the Orenburg region from 12.03.2019 № 120-pp. URL : <https://base.garant.ru/45837814> (date of application 28.12.2024).

Информация об авторе

Лобанов Дмитрий Владимирович
соискатель кандидатской степени,
Оренбургский государственный университет
zertinx@gmail.com

Dmitry V. Lobanov
Candidate's Degree Applicant,
Orenburg State University
zertinx@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.12.2024.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-18>
УДК 331.101

Attribution
cc by

УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК УСЛОВИЕ ОТКРЫТОСТИ БИЗНЕС-ИННОВАЦИЙ

Лохман Н.В., Николенко Т.И., Плужникова Л.Н.

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи

Аннотация. Организации, выбравшие инновационную стратегию, характеризуются определенной инновационной культурой; организационными изменениями; развитием, обучением, гибкостью, адаптивностью и креативностью персонала. Цель статьи – на основе применения существующей концепции восприятия и понимания феномена управления человеческими ресурсами, определить его влияние и связь с созданием бизнес-инноваций с акцентом на открытые инновации. В качестве основных методов исследования можно выделить метод абстрагирования; метод сравнительного анализа информации, полученной в результате исследования; метод индукции и синтеза; при формулировании теоретических выводов использовался метод обобщения. В статье определена ключевая роль управления человеческими ресурсами в создании открытых инноваций, которая может стать источником исключительной компетентности для организаций, которые тяготеют к взаимодействию по данному вопросу. что создает пространство для будущего взаимодействия в области проектной и инновационной деятельности.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, бизнес-инновации, управление, инновационная культура, проект, открытые инновации, организация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AS A CONDITION FOR THE OPENNESS OF BUSINESS INNOVATIONS

Natalia V. Lokhman, Tamara I. Nikolenko, Lyudmila N. Pluzhnikova

A.I. Kuindzhi Mariupol State University

Abstract. Organizations that have chosen an innovative strategy are characterized by a certain innovative culture; organizational changes; development, training, flexibility, adaptability and creativity of staff. The purpose of the article is to use the existing concept of perception and understanding of the phenomenon of human resource management to determine its impact and connection with the creation of business innovations with an emphasis on open innovation. The main research methods are: the method of abstraction; the method of comparative analysis of information obtained as a result of research; the method of induction and synthesis; the method of generalization was used in the formulation of theoretical conclusions. The article defines the key role of human resource management in creating open innovation, which can become a source of exceptional competence for organizations that tend to interact on this issue. this creates a space for future interaction in the field of project and innovation activities.

Keywords: human resources, business innovation, management, innovation culture, project, open innovation, organization.

Funding: Independent work.

Введение.

Крупные корпорации и малые предприятия начинают осознавать важность управления человеческими ресурсами. В настоящее время мы являемся свидетелями быстрых и постоянных социально-экономических изменений, связанных со сменой парадигмы, требующей синтеза зна-

ний социально-экономических и поведенческих наук, развития целостной науки и прогрессивной практики.

Развитые экономики осознают важность кадровых подходов и начинают задаваться вопросом относительно таких направлений, как управление изменениями, организационное развитие,

управление проектами и разработка корпоративной культуры [1].

На основе стратегической концепции и продуманных шагов по управлению человеческими ресурсами, организации могут справиться с проблемами сложной, динамичной, высоко концентрированной рыночной среды. Каждая организация должна осуществлять управление таким образом, чтобы быть способной к систематическому изменению за счет отказа от устоявшегося, привычного, знакомого и комфортного состояния, касается ли это продуктов и услуг, работы и процедур или межличностных отношений. Для этого организация должна сформировать и использовать соответствующие человеческие ресурсы при такой организационной культуре, которая будет способствовать процессу управления бизнес-инновациями.

Этот подход присущ организациям типа Z (основные черты данного типа организаций: человек – активная основа любой организации; коллективное принятие решений, индивидуальная ответственность, неофициальный контроль с формализованными измерителями и т.д.), в которых обычно проявляется высокая заинтересованность в благополучии подчиненных, и культивируются сильные стороны и таланты отдельных индивидов [1]. В связи с высокой степенью динамичности бизнес-среды для отдельных организаций, мы придерживаемся точки зрения, которая основана на убеждении в том, что нынешнее функционирование и развитие организации требует более широкого, более всеобъемлющего и более стратегического взгляда на человеческие ресурсы, то есть необходимо воспринимать человеческие ресурсы с долгосрочной точки зрения, а не как на статью расходов.

Управление человеческими ресурсами (HRM) можно рассматривать с различных точек зрения. Так, ряд авторов [1; 2; 3] HRM понимают как особую управленческую деятельность, которая рассматривается как процесс формирования и создания человеческих знаний, идей и новых подходов к мышлению на благо организации (данный подход сегодня находится в состоянии формирования и развития). В современных нестабильных условиях существования экономических систем ожидается тенденция к акценту на развитии человеческих ресурсов (HRM). Уделение внимания человеческим ресурсам в организации означает не только наем и удержание подходящих сотрудников, но и привлечение их к общему делу, создание благоприятных условий для их работы и повышение их уровня жизни.

Необходимо отметить, что задачей HRM также является формирование управленческих практик, направленных на привлечение и удержание сотрудников. Данный процесс должен также охватывать диффузию зарубежных знаний, ноу-хау, подходов, методов и передового опыта в отечественной среде.

Таким образом, HRM является обязательным условием успешного функционирования организации, которое возможно через реализацию бизнес-инноваций за счет инвестирования в индивидуальные компетентности, сравнивая современные подходы к управлению человеческими ресурсами и создавая пространство для генерирования или поиска инновационных идей [2].

Цель статьи - на основе применения существующей концепции восприятия и понимания феномена управления человеческими ресурсами, определить его влияние и связь с созданием бизнес-инноваций с акцентом на открытые инновации.

Задачи исследования:

- на основе выявленных особенностей модели открытых инноваций по сравнению с классическим пониманием управления инновациями, определить место человеческих ресурсов в управлении инновациями в организации и в управлении проектами;
- охарактеризовать эффективную корпоративную культуру как условие взаимодействия менеджеров и членов коллектива в инновационном процессе;
- представить условия для формирования и использования модели открытых инноваций;
- раскрыть суть открытых бизнес-инноваций через пересечение трех паритетов: инновационное сообщество, инновационная экосистема, клиенты и пользователи.

Обсуждение.

Исходной характеристикой человеческих ресурсов выступает категория «человеческий капитал», который определяется знаниями, навыками, способностями и ценностями, которые воплощены в людях, и способствуют формированию личной, социальной и экономической выгоды. Человеческий капитал имеет определяющую позицию в кадровой работе, что подчеркивает важность личности в системе рабочей силы как одного из важнейших производственных ресурсов организации. Люди, как элемент человеческих ресурсов для всех существующих организаций, приносят новые идеи, знания, а также методы (т.е. формируют человеческий капитал). Поэтому можно отметить, что человеческие ресурсы являются важнейшим ресурсом бизнеса, который во взаимосвязи с финансовыми ресурсами обеспечивает возможность возникновения, развития, диверсификации бизнеса [3].

Парадигма развития управления человеческими ресурсами на пути к инновациям определяет ключевые факторы успешного управления человеческими ресурсами [1; 3]:

- высокая вовлеченность сотрудников – например, командная работа, кружки качества, обмен и доступность информации о компании;

- кадровые практики – например, сложный процесс подбора сотрудников, оценка эффективности работы, перепроектирование работы и наставничество;
- практики, связанные с вознаграждением и привлеченностью – например, различные финансовые вознаграждения, ротация должностей и т.п.

Исследования [1–4] показывают, что лидерство считается значимым фактором в создании, формировании и управлении высокопроизводительными командами в организациях. Постоянное развитие, обучение и образование становятся ключом к успеху в бизнесе и формирует базис для создания и реализации инноваций в деятельности организации. Так, организации, выбравшие инновационную стратегию, характеризуются определенной инновационной культурой; организационными изменениями; развитием, обучением, гибкостью, адаптивностью и креативностью персонала.

Основные положения инновационной культуры следующие [3]:

- инновации важны для обеспечения удовлетворенности клиентов;
- инновации необходимы для достижения долгосрочной прибыльности организации;
- организация способна внедрять инновации;
- организация нуждается в креативности своих человеческих ресурсов.

Инновационную культуру организации можно выявить на основе оценки определенных характеристик существующей инновационной среды, таких как:

- уровень понимания инновационных потребностей;
- уровень наличия возможностей для инноваций;
- уровень инновационной культуры; уровень мотивации сотрудников к инновациям.

Если инновационная культура стратегически важна для организации, необходимо сосредоточиться, в первую очередь, на творческом инновационном потенциале менеджеров, его развитии и усилении.

Успешный менеджер готов к постоянным изменениям, а не просто стремится к одноразовой инновации, которая обеспечит успех его организации и привилегированное положение лишь на короткое время. Поэтому сегодняшний менеджер должен быть креативным, способным обосновывать и применять множественные решения и альтернативы при создании и внедрении инноваций, а также следовать таким правилам [3]:

- выбирать мотивирующую систему вознаграждения;
- поощрять инициативу;
- следовать прогрессивным тенденциям;
- формировать эффективную команду и поддерживать командную работу;
- изменяя свою организацию к лучшему, всегда начинать с себя.

Результаты.

Отправной точкой инноваций являются идеи. Инновацию можно рассматривать как внедрение нового способа (внутри организации) или вида деятельности, отраженных в продукции (включая услуги), технологиях, методах и т.д.

Инновации приводят к улучшениям, по крайней мере, в одной из следующих областей [4]:

- 1) затраты;
- 2) качество товаров (услуг) - оцениваются по их доступности, безопасности, эффективности и надежности;
- 3) удовлетворенность сотрудников.

Создание инноваций связано с людьми, способными применять знания и идеи на конкретном рабочем месте и тем самым способствовать развитию общества в целом. Определение инноваций для современного общества и условий, в которых находится организация, выходит далеко за рамки технологической концепции, а включают в себя нетехнологические элементы, такие как маркетинговые и организационные инновации, которые трансформируются в новые или значительно улучшенные продукты и услуги, процессы, новые методы маркетинга или лучшие практики ведения бизнеса.

Инновации представляют собой количественные и/или качественные улучшения продукта (товаров, работ, услуг), процесса или бизнес-модели, которые значительно добавляют ценность клиенту и/или компании (желательно обеим сторонам одновременно). Поскольку добавленная стоимость реализуется только в ходе рыночной сделки, то сама инновация возникает на рынке, в момент продажи. Поэтому инновации принципиально отличаются от изобретений, патентов или предложений по усовершенствованию, так как они могут остаться нереализованными (в сейфе, на складе, в бумагах, в патентном бюро) [5].

В классическом понимании управления инновациями (как замкнутой системы внутри компании), с точки зрения человеческого фактора, используются знания, навыки, креативность и мотивация всех сотрудников, с целью внедрения в практику результатов внутренних исследований и разработок, что должно привести к коммерчески успешным инновациям, которые несут определенную ценность для потребителей (клиентов).

© Лохман И.В., Николенко Т.И., Плужникова Л.Н.

В модели открытых инноваций акцент делается на коммуникации между отдельными подразделениями и организациями с целью использования всего, что известно в организации или отрасли, включая явные и неявные знания и разработки в интересах коммерческого успеха и повышения конкурентоспособности.

Обеспечить достижение успеха инновационного процесса в организации возможно не только путем разработки и реализации продуктовых или технических инноваций, но и путем эффективного формирования и использования человеческих ресурсов, которые выступают краеугольным камнем организации, в том числе и в инновационном процессе [4; 5]. То есть, понимание и восприятие человеческих ресурсов как драйвера инновационной экономики, обеспечивает эффективное развитие современной организации.

Главное отличие человеческих ресурсов, задействованных в инновационном процессе, заключается в том, что их роль и участие в формировании в новой добавленной стоимости, выражается в виде интеллектуальных (творческих) способностей личности. Поэтому главным действующим лицом в сфере инновационной деятельности является человек. Все факторы, определяющие конкурентоспособность организаций (технологический уровень, своевременная и точная информация, качество и производительность труда), имеют «общий знаменатель», который представляет собой человеческие ресурсы с их компетенцией, знаниями, навыками, опытом, креативностью [6].

Эти человеческие ресурсы преобразуют финансовые и материальные ресурсы в желаемые продукты или услуги, которые приносят организациям дополнительные доходы и поступления. Конечно, не все работники обеспечивают конкурентное преимущество, поэтому человеческие ресурсы должны быть высокопрофессиональными и компетентными, чтобы работать на требуемом уровне решения задач, которые ставят перед ними динамичный и неопределенный характер экономической макросистемы. Эти реалии требуют от руководства организации сосредоточения на высоком уровне вовлеченности и участия сотрудников в инновационном процессе. При таком подходе работники рассматриваются как партнеры в бизнесе, где их голос имеет важное значение при принятии решений [6]. Для этого необходимо создать благоприятный социально-психологический климат, в котором имеет место диалог между менеджерами и членами их коллектива; то есть, должна быть сформирована эффективная корпоративная культура организации. Это создает взаимопонимание между тем, что должно быть достигнуто, и как это будет достигнуто. Корпоративная культура способствует или, наоборот, препятствует достижению корпоративных целей, повышению производительности и, таким образом, улучшения конкурентных позиций на рынке [7].

Решающую роль в формировании корпоративной культуры играют отдельные сотрудники организации. Корпоративная культура может выступать как мотиватором инновационного процесса, так и демотиватором, если результатом корпоративной культуры является сознательное или бессознательное уменьшение значимости человеческих ресурсов, их таланта и креативности.

Эффективная корпоративная культура организации, предполагает, что все сотрудники организации, а особенно руководство - от высшего звена до низшего звена - не только следуют в своем поведении устоявшимся ценностям, но и обеспечивают индивидуальный подход в управлении человеческими ресурсами в организации. Оценивая текущую ситуацию и заглядывая в будущее, мы можем предположить, что корпоративная культура определяется как продукт [7].

В качестве примера возьмем организацию, которые предоставляют услуги – клиент оценивает предоставляемую услугу по своему восприятию, т.е., прежде всего, через людей, с которыми он вступает в контакт, в частности, оцениваются следующие параметры:

- насколько работники поняли, что нужно клиенту (его приоритеты);
- как работники могут удовлетворить пожелания клиента, предложив дополнительные опции, о которых клиент не подумал, но они будут ему полезны;
- насколько общение является понятным и уважительным;
- насколько хорошо работник адаптируется к конкретному общению и стилю клиента;
- в какой степени будет реализовано ожидание клиента [7].

Человеческие ресурсы играют определяющую роль в управлении проектами. Управление проектами можно определить как применение знаний, опыта, инструментов и методов к проектной деятельности с целью удовлетворения потребностей бенефициара и ожиданий от проекта.

Гибкое управление проектами – это интерактивный способ управления проектами, т.е. в противоположность традиционному управлению проектами, используется, так называемый, водопадный подход (agile-подход). Данный подход к управлению проектами является гибким и постепенным; на практике это означает тесное и непрерывное (постепенное) сотрудничество между командой проекта и между клиентом, который дает обратную связь на основе чего определяется задание. Гибкий подход к управлению проектами требует компетентных руководителей, которые способны справиться с этим типом управления [8].

Невозможно применять гибкий подход повсеместно, во всем и для всех команд, целесообразно использовать данный подход в разработке программного обеспечения и в другие области, где проект является высоко инновационным и требует постоянных корректировок и идей, требует постоянной обратной связи с клиентом. Гибкое управление проектами опирается на следующие ценности [8].

1. Люди и коммуникации – это больше, чем просто инструменты и процессы.
2. Достаточное программное обеспечение – это больше, чем исчерпывающая документация.
3. Работа с клиентом – это больше, чем просто переговоры по контракту.
4. Лучше реагировать на изменения, чем придерживаться плана.

Гибкое управление проектами реализует философию, на основе которой определяющим фактором для создания корпоративных открытых инноваций выступает интеллектуальный капитал, реализуемый через человеческие ресурсы организации. Открытые инновации означают использование преднамеренного притока и оттока знаний для ускорения генерирования внутренних инноваций и расширение рынков для внешнего привлечения инноваций [8].

Модель открытых инноваций основана на том, что собственная инновационная среда организации должна быть связана с внешними инновациями. Чтобы организация могла бороться с конкуренцией, крайне необходимо перестроить свою бизнес-модель таким образом, чтобы обеспечить себе конкурентное преимущество за счет новых идей, которые отличаются от традиционных, и этот подход направлен на создание инновационных сетей [9]. Современные менеджеры изучают внешние и внутренние факторы, необходимые для перехода от закрытых инновационных моделей, где нет эффективного обмена опытом к открытым моделям, где знания и инновации синтезируются на благо реализации проекта.

Клиенты и сотрудники играют ведущую роль в модели открытых инноваций. Если сотрудник стремится удовлетворить клиента, потому что он также удовлетворен его восприятием услуги, когда потребности сотрудников удовлетворяются автоматически и немедленно, потому что удовлетворен клиент, то такой сотрудник будет осваивать необходимые для клиента инновации [9].

Открытые бизнес-инновации – это сотрудничество, как внутри организации, так и между отдельными организациями. Для этого необходимо, прежде всего, высокие социальные коммуникативные навыки, умение эффективно совмещать задачи в рамках собственного проекта с взаимодействием с другими организациями, ища потенциальных партнеров и формируя сети, ко-

торые позволяют учиться, углублять и расширять знания [9].

В области открытых бизнес-инноваций организация сотрудничает с внешними компаниями (со всеми поставщиками, партнерами, даже конкурентами), а также с пользователями, заказчиками, университетами на протяжении всего жизненного цикла инноваций. Возможность наладить взаимоотношения в области инноваций, обеспечивает быстрое, качественное и дешевое внедрение инноваций в деятельность конкретной организации, что позволяет претендовать на роль лидеров инноваций (тех, кто всегда впереди) и последователей (тех, кто постоянно ориентируются на лидеров) [10].

Таким образом, суть открытых бизнес-инноваций находится на пересечении трех паритетов:

1. Инновационное сообщество. За ним стоят лидеры, ученые, консультанты и поставщики инноваций. Это сообщество создает отношение к корпоративной инновационной деятельности, которая важна для следующего круга.
2. Инновационная экосистема. Этот круг наиболее важен для организаций, ориентированных на инновации. По сути, это пространство, где происходит создание и обмен инноваций. Экосистема включает в себя организации, которые предоставляют исходные данные для будущих инноваций и готовы к реализации инновации, что формирует рынок инноваций, который считается свободным и открытым.
3. Клиенты и пользователи. Для ряда организаций, как было замечено выше, важным моментом является необходимость обратить внимание непосредственно на взаимоотношения с клиентом. Это отношение между бизнесом и клиентом является частью инновационного процесса, поскольку инновации являются ответом либо на неудовлетворенную потребность, либо являются предметом некоего перспективного исследования.

Нехватка финансовых и человеческих ресурсов вынуждает не только малые и средние предприятия, но и крупные компании изменить текущую модель финансирования исследований, разработок и инноваций, перейдя к открытым моделям. Экономика и рынки не статичны, они динамичны по своей природе, изменения неизбежны и необходимы. Знания в самом широком смысле этого слова стали фактором экономики, которые могут быть коммерциализированы и представлены на рынок как товар.

Недостатком открытой модели бизнес-инноваций является то, что до конца не понятно, как инновации в виде идей и знаний ведут себя как экономический ресурс. Поэтому в современных организациях человеческие ресурсы, которые принимают решение про собственную разработку или привлечение инноваций извне формируют инновационную политику организации [11].

Управление проектами, само по себе, является философией мышления, которая выходит далеко за рамки традиционной деятельности. Причина, прежде всего, в сложности и динамичности обеспечения проекта при получении инновационного результата. В настоящее время в сфере инноваций начинают появляться весьма интересные тенденции в области поведенческих компетенций в формировании знаний, которые могут способствовать созданию корпоративных инноваций.

В дополнение к профессиональным компетенциям (знание маркетинга, разработка продукта, бизнес-планирование, принятия решений, подход к формированию продуктового портфеля с точки зрения управления проектами и т. д.), распространено мнение о необходимости эмоционального интеллекта как части поведенческих компетенций в инновационном процессе. Эмоциональный интеллект охватывает личные и социальные компетенции. Личные компетенции определяются способностью людей контролировать себя. Эти базовые навыки включают в себя уверенность в себе, самоконтроль и мотивацию. Социальные компетенции определяются эмпатией и социальными навыками. Эмоциональный интеллект становится одним из важнейших

направлений современного управления бизнесом и гибкого управления командой в вопросах инноваций. Ожидается, что сотрудники будут способны адаптироваться к требованиям и поведению клиентов, и именно эмоциональный интеллект помогает менеджерам эффективно реагировать на эти требования [3; 12; 13].

На основе вышеизложенных результатов исследований, можно отметить, что управление организацией или проектами, должно ориентироваться на создание и/или использование открытых инноваций и признание членов команды как важнейшей составляющей проекта.

Заключение.

На основании вышеизложенных фактов мы хотели бы создать пространство для обсуждения данного вопроса и сделать вывод о том, что управление человеческими ресурсами становится доминирующим элементом как в управлении организацией, так и в управлении проектами. Данная парадигма предполагает гибкий подход к управлению человеческими ресурсами для создания и привлечения открытых инноваций, которые считаются двигателем развития отдельной организации и способствуют успеху экономических макросистем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Карташова Л.В. Международные и российские тренды в управлении персоналом / Л.В. Карташова, Л.С. Бабынина, М.А. Фатеев // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12. № 3. С. 561–578.
2. Проклов А.Д. Управление человеческими ресурсами предприятия. СПб., 2015. URL : http://proftests.ru/lib/b7/1_1.htm (дата обращения 05.03.2025).
3. Шастов А.А. Эффективное управление человеческими ресурсами: современные подходы // Актуальные исследования. 2024. № 7(189). URL : <https://apni.ru/article/8513-effektivnoe-upravlenie-chelovecheski-mi-resurs> (дата обращения 05.03.2025).
4. 9 признаков сильного менеджера. URL : <https://thehrd.ru/articles/devjat-priznakov-silnogo-menedzhera>
5. Удальцова Н.Л. Потенциал модели открытых инноваций и его использование // Экономические науки. 2020. № 6(187). С. 87–93.
6. Иванова Т.Ю. Необходимость изменений в подготовке человеческих ресурсов в инновационной экономике / Т.Ю. Иванова, Д.Д. Ануфриева. URL : <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2019/12/Иванова.pdf> (дата обращения 05.03.2025).
7. Корпоративная культура: как создать, управлять и развивать. URL : <https://gb.ru/blog/korporativnaya-kultura/> (дата обращения 05.03.2025).
8. Топ-7 методов управления проектами: Agile, Scrum, Kanban, PRINCE2 и другие. URL : <https://productlab.ru/blog/top-7-metodov-upravleniya-proektami> (дата обращения 05.03.2025).
9. Открытые инновации: воронка идей. URL : <https://mybiz.ru/articles/management/otkrytye-innovatsii-voronka-idej> (дата обращения 05.03.2025).
10. Внедрение инноваций: 9 стратегий развития системы управления. URL : <https://strategium.space/news/innovations-implementation-and-strategy/> (дата обращения 05.03.2025).
11. Устинов В.С. Переход к использованию модели открытых инноваций: тенденции, проблемы и перспективы // Журнал экономических исследований. 2017. Т. 3. № 7. URL : <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/17637/view> (дата обращения 05.03.2025).

12. Кравченко Т.К. Оценка сложности инновационных проектов / Т.К. Кравченко, Д.В. Исаев // Инновации. 2017. № 5(223). С. 90–98. URL : <https://maginnov.ru/assets/files/volumes/2017.05/ocenka-slozhnosti-innovacionnyh-proektov.pdf> (дата обращения 05.03.2025).
13. Verma J. 2012. Strategic human resource management: A choice or compulsion? // European Journal of Business and Management. 2012. № 4(3). P. 42–55.

References:

1. Kartashova L.V. International and Russian trends in personnel management / L.V. Kartashova, L.S. Babynina, M.A. Fateev // Leadership and management. 2025. Vol. 12. № 3. P. 561–578.
2. Proklov A.D. Enterprise human resource management. SPb., 2015. URL : http://proftests.ru/lib/b7/1_1.htm (date of application 03/5/2025).
3. Shastov A.A. Effective human resource management: modern approaches // Current research. 2024. № 7 (189). URL : <https://apni.ru/article/8513-effektivnoe-upravlenie-chelovecheskimi-resurs> (date of application 03/5/2025).
4. 9 signs of a strong manager. URL : <https://thehrd.ru/articles/devjat-priznakov-silnogo-menedzhera>
5. Udaltsova N.L. The potential of the open innovation model and its use // Economic sciences. 2020. № 6(187). P. 87–93.
6. Ivanova T.Yu. The need for changes in the training of human resources in the innovative economy / T.Yu. Ivanova, D.D. Anufrieva. URL : <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2019/12/Иванова.pdf> (date of reference: 03/5/2025).
7. Corporate culture: how to create, manage and develop. URL : <https://gb.ru/blog/korporativnaya-kultura> (date of application 03/5/2025).
8. Top 7 project management methods: Agile, Scrum, Kanban, PRINCE2 and others URL : <https://productlab.ru/blog/top-7-metodov-upravleniya-proektami> (date of application 03/5/2025).
9. Open innovations: a funnel of ideas. URL : <https://mybiz.ru/articles/management/otkrytye-innovatsii-voronka-idej> (date of application 03/5/2025).
10. Amendments: 9 strategic management system project. URL : <https://strategium.space/news/innovations-implementation-and-strategy> (date of application 03/5/2025).
11. In Ustinov.C. Transition to the use of the open innovation model: trends, problems and prospects // Journal of Economic Research. 2017. Vol. 3. № 7. URL : <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/17637/view> (date of application 03/5/2025).
12. Kravchenko T.K., Isaev D.V. Assessment of the complexity of innovative projects // Innovations. 2017. № 5 (223). P. 90–98. URL : <https://maginnov.ru/assets/files/volumes/2017.05/ocenka-slozhnosti-innovacionnyh-proektov.pdf> (date of application 03/5/2025).
13. Verma J. 2012. Strategic human resource management: A choice or compulsion? // European Journal of Business and Management. 2012. № 4(3). P. 42–55.

Информация об авторах

Лохман Наталья Владимировна

доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры экономики
и международных экономических отношений,
факультет экономики, управления и права,
Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи
ORCID 0000-0002-8525-8902
nvlokhman@mail.ru

Николенко Тамара Ивановна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики
и международных экономических отношений,
факультет экономики, управления и права,
Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи
ORCID 0000-0001-7025-6317
nikolenkotamara@mail.ru

Плужникова Людмила Николаевна

старший преподаватель,
кафедра экономики и международных
экономических отношений,

Natalia V. Lokhman

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of the Department of Economics
and International Economic Relations,
Faculty of Economics, Management and Law,
A.I. Kuindzhi Mariupol State University
ORCID 0000-0002-8525-8902
nvlokhman@mail.ru

Tamara I. Nikolenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Economics and International Economic Relations,
Faculty of Economics, Management and Law,
A.I. Kuindzhi Mariupol State University
ORCID 0000-0001-7025-6317
nikolenkotamara@mail.ru

Lyudmila N. Pluzhnikova

Senior Lecturer,
Department of Economics
and International Economic Relations,

факультет экономики, управления и права,
Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи
ORCID 0000-0002-3383-471X
mgupluzhnikova@mail.ru

Faculty of Economics, Management and Law,
A.I. Kuindzhi Mariupol State University
ORCID 0000-0002-3383-471X
mgupluzhnikova@mail.ru

Вклад авторов:

Лохман Наталья Владимировна, формулировка цели и задач исследования; координация по проведению исследований; представление открытых бизнес-инноваций как интеграции представленных паритетов.
Николенко Тамара Ивановна, обоснование методов исследования, анализ и синтез исследуемого материала, интерпретация данных.

Плужникова Людмила Николаевна, поиск и сбор теоретического материала, формулировка выводов.

Contribution of the authors:

Natalia V. Lokhman, formulation of the purpose and objectives of the research; coordination of research; presentation of open business innovations as integration of the presented parities.

Tamara I. Nikolenko, substantiation of research methods, analysis and synthesis of the studied material, interpretation of data.

Lyudmila N. Pluzhnikova, search and collection of theoretical material, formulation of conclusions.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.03.2025.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-23>
УДК 338

Attribution
cc by

УПРАВЛЕНИЕ ВРЕМЕНЕМ В ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ

Полевой С.А.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Аннотация. Современная экономика характеризуется чувствительностью к фактору времени. Способность оставаться конкурентоспособным на рынке во многом зависит от скорости внедрения новых продуктов. Время, необходимое для завершения процессов, является показателем эффективности компании, а также может быть показателем ее готовности и способности решать сложные задачи и использовать появляющиеся возможности. В статье проведены анализ области управления временем в инновационных проектах, представлены стратегии сокращения сроков внедрения инновационных технологических проектов, рассмотрены угрозы своевременному завершению инновационного технологического проекта. Сделан вывод о том, что внедрение технологических инноваций – сложный и многоступенчатый процесс, требующий на каждом этапе учета возможности возникновения событий, нарушающих его ход. Поэтому аспект времени как фактора конкурентоспособности становится все более важным.

Ключевые слова: технологические инновации, инновационные технологические проекты, управление проектом, время проекта, управление временем, сроки реализации проекта, сроки внедрения, задержка проекта.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TIME MANAGEMENT IN INNOVATIVE TECHNOLOGICAL PROJECTS

Sergey A. Polevoy

Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. Modern economy is characterized by sensitivity to the time factor. The ability to remain competitive in the marketplace depends largely on the speed at which new products are introduced. The time required to complete processes is an indicator of the company's efficiency, and can also be an indicator of its readiness and ability to solve complex problems and take advantage of emerging opportunities. The article analyzes the area of time management in innovation projects, presents strategies for reducing the time required to implement innovative technological projects, and considers threats to the timely completion of an innovative technological project. It is concluded that the implementation of technological innovations is a complex and multistage process, requiring at each stage to take into account the possibility of events that disrupt its course. Therefore, the aspect of time as a factor of competitiveness is becoming more and more important.

Keywords: technology innovation, innovative technology projects, project management, project time, time management, project timing, project timing, implementation timing, project delay.

Funding: Independent work.

Введение.

Поиск способов повышения эффективности управления временем в системе проектного менеджмента – актуальный вопрос в контексте ограниченности временного ресурса проектов. Внедрение новых технологий производства материальных продуктов все чаще ассоциируется с инвестициями в инновационные технологические проекты (ИТП). Развитие мировой промышленности означает, что спрос на ИТП имеет посто-

янную тенденцию к росту [1]. Основной причиной внедрения ИТП является необходимость: повышения производительности, улучшения качества и сокращения дефицита рабочих мест. Процесс внедрения ИТП требует индивидуального проектного подхода, состоит из многих этапов и обычно длится несколько месяцев.

В настоящее время мы можем наблюдать существование двух одновременных, расходящихся во времени тенденций: увеличение технологиче-

© Полевой С.А.

ской сложности ИТП, что приводит к увеличению сроков их реализации; более короткие сроки внедрения, ожидаемые клиентами, позволят быстрее предлагать новые продукты на рынке.

Целью данной статьи является анализ временных аспектов управления ИТП и путей сокращения сроков их реализации.

Материалы и методы.

В соответствии с целью исследования мы провели отбор научных источников по проблеме исследования, с ограничением по дате публикации не старше 10 лет и условием свободного доступа к информации. Для решения поставленной цели был использован метод анализа научных источников по проблеме управления временем (тайм-менеджмента) в инновационных проектах.

Результаты. Обсуждение.

Область управления временем в инновационных технологических проектах. Методология управления проектами охватывает несколько областей. Одним из них является управление временем. Управление проектами по методологии PMBOK, разработанной Институтом управления проектами (Project Management Institute, PMI), охватывает девять направлений управления:

- интеграцией проекта;
- объемом проекта;
- временем проекта;
- стоимостью проекта;
- качеством проекта;
- человеческими ресурсами проекта;

- коммуникациями проекта;
- рисками проекта, заказами проекта [2].

Область управления временем определяет процессы, влияющие на завершение проекта в ожидаемые сроки.

К процессам управления временем относятся:

- определение мероприятий (какие мероприятия необходимо выполнить для достижения цели проекта) и их документирование;
- определение последовательности действий (позволяет составить график выполнения);
- оценка продолжительности действий (количество дней (периодов) необходимых для завершения каждого действия);
- разработка расписания проекта (создается на основе данных, собранных в других областях управления проектами, и предыдущего опыта работ);
- контроль расписания (мониторинг и анализ любых отклонений от расписания) и восстановление до планового состояния [3].

В классическом методе планирования длительность каждой задачи предполагает наличие запаса времени на непредвиденные ситуации, которые могут привести к потере некоторого времени. Исследования показали, что лучшим подходом является установление времени, не содержащего никаких буферов для отдельных задач и создающего временной буфер в конце проекта (метод критической цепи, CCPM) [4]. Это подтверждается сравнением обоих методов, представленным в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение методов планирования сроков реализации проекта

Традиционный метод	CCPM
Каждая задача должна быть выполнена вовремя	Задачи могут быть отложены
Продолжительность выполнения задачи приемлема для сотрудника	Продолжительность выполнения задачи короткая, но выполнимая
Длительность задачи содержит скрытые буферы неопределенности	Буферы неопределенности располагаются в конце проекта
Задержка одной задачи на критическом пути задерживает проект	Отсрочка одной задачи не имеет значения
Каждый выполняет свою работу.	Создается проектная команда
При задержке выполнения задачи возникает конфликт ресурсов	Расписание задач не содержит конфликта ресурсов

Источник: собственное исследование, основанное на [4].

Стратегии сокращения сроков реализации инновационных технологических проектов. В литературе по этой теме упоминаются различные стратегии сокращения времени реализации проекта [5; 6]. Предлагаются применять такие стратегии, как упрощение процессов, стандартизация, параллелизм действий, параллельное проектирование, контроль отклонений, увеличение ресурсов.

Упрощение процесса – это стратегия, которая подразумевает сосредоточение внимания на тех действиях, которые не способствуют добавлению ценности продукту, но связаны с затратами. Эти действия могут выполняться неэффективно или быть ненужными. Неэффективное выполнение определенных видов деятельности можно улучшить с помощью рефлексии (задавая себе

вопрос, как можно выполнить ту же самую деятельность более эффективно) или путем комбинирования (выбора двух или более видов деятельности или шагов, имеющих схожие цели, и их объединения). Ненужные действия следует исключить. Стратегия упрощения процесса направлена на сокращение количества выполняемых шагов.

Стандартизация делает упор на использование стандартных процессов, используя которые, участники ИТП не дублируют задачи при разработке нового процесса. Вместо этого они работают с процессом, который им уже знаком. В связи с инновационным характером ИТП к некоторым процессам, реализуемым в проекте, применяется стандартизация.

Параллелизм действий фокусируется на месте последовательно выполняемых задач в процессе, которые могут быть запланированы как на критическом, так и некритическом пути. Критический путь состоит из тех видов деятельности, которые определяют минимальный цикл выполнения, необходимый для завершения задачи или проекта в целом. Добавление мероприятий на этом пути всегда влечет за собой увеличение времени цикла. Однако добавление той же деятельности на некритический путь таким образом, чтобы она выполнялась одновременно или параллельно с деятельностью на критическом пути, не удлиняет цикл задачи или проекта. Параллелизм задач направлен на поддержание минимума действий, размещенных на критическом пути. Часто решение о размещении (или не размещении) деятельности на критическом пути принимается с точки зрения ее вклада в ценность конечного продукта. Если деятельность способствует повышению ценности, то возможно ее размещение на критическом пути. Виды деятельности, которые не добавляют ценности, следует исключить или перенести на некритические пути.

Параллельное проектирование означает, что проектировщики выполняют задачи определенным и запланированным образом, параллельно разрабатывая продукт и процессы его производства, принимая во внимание: функцию продукта, качество, затраты, графики производства, операционные планы и требования клиентов. Параллельное проектирование также определяется как процесс организации и поддержки междисциплинарных групп специалистов, отвечающих за разработку продукта и его внедрение в производство. Область применения параллельного проектирования как эффективного метода проектной деятельности практически не ограничена.

Контроль отклонений. Эта стратегия пытается контролировать время выполнения процесса путем выявления действий или задач с наибольшей степенью отклонения. Когда отклонения велики и процесс непредсказуем, наиболее распространенной реакцией является увеличение времени (временные буферы). Допол-

нительные временные сегменты служат для защиты всей системы от проблем, которые приводят к увеличению дисперсии. При использовании этой стратегии в первую очередь выявляются задачи с наибольшей степенью отклонения и исследуются для определения причины отклонения. Затем руководство пытается устранить или контролировать это отклонение, воздействуя на факторы, ответственные за его возникновение.

Избыточные ресурсы – это стратегия, которая сокращает время цикла за счет избегания задержек, возникающих, когда задачи должны конкурировать за доступ к ограниченным ресурсам, таким как рабочая сила, машины, инструменты или материалы.

Более крупные ресурсы вводятся двумя способами.

Во-первых, стратегия избыточных ресурсов предполагает наличие временного излишка или дополнительных ресурсов в любой момент времени, которые, как правило, направляются в т.н. «узкое место».

Во-вторых, что касается рабочей силы, стратегия избыточных ресурсов основана на наличии высококвалифицированных работников.

Такие сотрудники характеризуются способностью лучше реагировать и адаптироваться к отклонениям, возникающим в ходе реализации проекта.

Угрозы своевременному завершению инновационного технологического проекта. Степень сложности, инновационность, а также необходимость индивидуального подхода к каждой задаче относят ИТП к группе проектов, подверженных высокому риску. Возникновение риска становится проблемой с точки зрения сроков реализации, указанных в принятом графике, и может привести к задержке даты завершения проекта. Для минимизации угроз, необходимо управлять зоной риска путем выявления потенциальных угроз, оценки их значимости и принятия мер по минимизации.

Важным элементом риска реализации ИТП является уровень штрафных санкций за невыполнение параметров проекта, указанных в договоре. Чаще всего проблема касается превышения сроков выполнения. Учитывая инновационный характер ИТП и возможность возникновения обстоятельств, увеличивающих сроки его реализации, при отсутствии ресурсов, хотя бы частично защищающих интересы подрядчика, проект не следует реализовывать ввиду чрезмерно высокого уровня риска. Наиболее распространенной формой защиты и обеспечения является ограничение размера штрафных санкций за задержки в исполнении и реализации проекта, указанного в контракте [7].

Для безопасности проекта важно зарезервировать в графике реализации определенный объем времени на: тестирование, корректировку, внесение изменений в конструкцию, оптимизацию. Подобные мероприятия неизбежны, учитывая инновационный характер проекта. Отсутствие заранее запланированного резерва времени для выполнения вышеуказанных мероприятий может привести к задержкам проекта и штрафам [8]. После завершения ИТП основной задачей является минимизация времени внедрения услуги в случае сбоя. Тенденции в этой области следующие: запуск горячей службы - круглосуточной телефонной службы от производителя; обучение специалистов по техническому обслуживанию заказчика возможным неясностям и способам вмешательства в элементы, которые с наибольшей вероятностью могут не работать;

построение системы экспресс-доставки комплектов для сервисных нужд [9].

Заключение.

Внедрение технологических инноваций - сложный и многоэтапный процесс, требующий на каждом этапе учета возможности возникновения событий, нарушающих его ход. Поэтому аспект времени как фактора конкурентоспособности становится все более важным. Профессиональное управление временем важно, как на этапе расчета времени, так и в ходе реализации проекта. Большое значение имеет прямое общение и обмен информацией о статусе проекта между заказчиком и подрядчиком. Существует множество стратегий экономии времени, которые можно использовать в управлении проектом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аханова М.А. Оценка стоимости ит-проекта для государственных учреждений / М.А. Аханова, А.С. Пашкевич, С.В. Овчинникова // Экономические исследования и разработки. 2022. № 11-1. С. 42–57.
2. Jainendrakumar T.D. Project time management in PMBOK for better // PM World Journal. 2015. Vol. 4. № 5. P. 1–14.
3. Донцов С.С. Управление временем реализации проекта / С.С. Донцов, Н.С. Кафтункина // Социальные и экономические системы. Экономика. 2021. № 5. С. 101–113.
4. Демарко Т. Deadline. Роман об управлении проектами / Т. Демарко; Пер. с англ. А. Максимовой. 7-е изд. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 352 с.
5. Oburu A.O. Effective project time management // International Academic Journal of Information Sciences and Project Management. 2020. Vol. 3. № 6. P. 47–55.
6. Alaba A. Strategies for effective project time management // International Journal of Innovative Business Strategies. 2021. Vol. 7. № 1. P. 487–496.
7. Туккель И.Л. Управление инновационными проектами : пособие / И.Л. Туккель, А.В. Сурина, Н.Б. Култин. СПб. : БХВ-Петербург, 2014. 409 с.
8. Попов В.Л. Управление инновационными проектами : учеб. пособие / В.Л. Попов, Н.Д. Кремлев, В.С. Ковшов. М. : ИНФРА-М, 2020. 336 с.
9. Time management practices in large construction projects / A.H. Memon [et al.] // IEEE Colloquium on humanities, science and engineering. IEEE, 2014. P. 1–5.

References:

1. Akhanova M.A. Estimating the cost of an IT project for government agencies / M.A. Akhanova, A.S. Pashkevich, S.V. Ovchinnikova // Economic Research and Development. 2022. № 11-1. P. 42–57.
2. Jainendrakumar T.D. Project time management in PMBOK for better // PM World Journal. 2015. Vol. 4. № 5. P. 1–14.
3. Dontsov S.S. Project time management / S.S. Dontsov, N.S. Kaftunkina // Social and Economic Systems. Economics. 2021. № 5. P. 101–113.
4. Demarco T. Deadline. A novel about project management / T. Demarco; Trans. from english by A. Maksimova. 7th ed. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 352 p.
5. Oburu A.O. Effective project time management // International Academic Journal of Information Sciences and Project Management. 2020. Vol. 3. № 6. P. 47–55.
6. Alaba A. Strategies for effective project time management // International Journal of Innovative Business Strategies. 2021. Vol. 7. № 1. P. 487–496.

7. Tukkel I.L. Management of innovative projects : manual / I.L. Tukkel, A.V. Surina, N.B. Kultin. SPb. : BHV-Peterburg, 2014. 409 p.
8. Popov V.L. Management of innovative projects : textbook / V.L. Popov, N.D. Kremlev, V.S. Kovshov. M. : INFRA-M, 2020. 336 p.
9. Time management practices in large construction projects / A.H. Memon [et al.] // IEEE Colloquium on humanities, science and engineering. IEEE, 2014. P. 1–5.

Информация об авторе

Полевой Сергей Анатольевич

доктор технических наук,
доцент,
профессор кафедры общего
и проектного менеджмента
факультета «Высшая школа управления»,
Финансовый университет при Правительстве РФ
SAPolevoy@fa.ru

Sergey A. Polevoy

Doctor of Technical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of General and Project Management
of the «Higher School of Management» Faculty,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
SAPolevoy@fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.03.2025.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.03.2025.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 3 от 25.03.2025

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
канд. филос. наук, доц.
Бугаенко Юлия Юрьевна

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, проф.
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.03.2025
Подписано к публикации 25.03.2025

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id.yug2016@gmail.com